

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет социологии

Российское общество социологов

Сообщество профессиональных социологов

СБОРНИК
СТАТЕЙ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ -
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

посвящается памяти
первого декана факультета социологии
**Александра Олеговича
Крыштановского**

МОСКВА
1 – 3
ФЕВРАЛЯ
2012

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Российское общество социологов

Советская социологическая ассоциация - Российское общество социологов

УДК 3160:167/168(06)

ББК 66.5

С56

Редакционный совет

А. Б. Гофман, Г. В. Градосельская, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимова,
И. М. Козина, Л. Я. Косалс, В. А. Мансуров, В. Г. Николаев, О. А. Оберемко,
Н. Е. Покровский, Ю. Н. Толстова, А. Ю. Чепуренко (председатель), Е. Р. Ярская-Смирнова

С56 **Современная социология — современной России: Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ; РОС; СоПСо. — М.: НИУ ВШЭ, 2012. — 753 с. — 1 электрон. диск (CD-ROM).**

ISBN 978-5-904804-08-4

Сборник содержит статьи, подготовленные на основе докладов, сделанных на VI научно-практической конференции «Современная социология — современной России» (г. Москва, 1–3 февраля 2012), посвященной памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ Александра Олеговича Крыштановского.

Сборник рассчитан на тех, кто интересуется методологией, методикой и современной практикой проведения социологических исследований.

УДК 3160:167/168(06)

ББК 66.5

ISBN 978-5-904804-08-4

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2012

© Российское общество социологов, 2012

© Сообщество профессиональных социологов, 2012

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

- 271 **Е. Ю. Рождественская**
Размер выборки в качественном исследовании
- 277 **Л. Ю. Буглаева**
Обоснованная теория как метод анализа данных:
методические приемы и техники реализации
- 287 **Е. В. Полухина**
Этнографическая фокус-группа как метод сбора данных
в «естественных» группах
- 297 **В. В. Семенова**
К дискуссии об этических аспектах в практике
качественных исследований
- 304 **Е. Л. Омельченко**
К вопросу об эмоциональной работе в поле
- 320 **Д. В. Прохоров**
Эмпирический анализ субъективных смыслов
и самоидентификации представителей
российского среднего класса
- 325 **И. М. Козина, Е.В. Виноградова**
Фокусированное интервью в изучении трудовых ценностей
и притязаний рабочей молодежи
- 336 **О. Я. Дымарская, О. А. Базина, Е. Ю. Колесникова, Е. М. Новикова**
Методологические аспекты изучения
жизненных траекторий одаренных детей
- 347 **С. В. Мозжегоров**
По ту сторону чулана: нарративный контекст гомосексуального
камин-аута в фокусе перформативных практик
- 358 **И. В. Ксенофонтова**
Дискурсивные стратегии политической мобилизации в сети Интернет:
«приглашение на революцию»

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

- А. С. Готлиб**
363 **Виртуальные нарративные практики отечественных пациентов:
опыт качественного он-лайн исследования**
- А. Ю. Домбровская**
369 **Социальная адаптированность инвалидов как объект
социологического измерения: возможности совмещения
количественной и качественной стратегий**
- Н. В. Тищенко**
378 **«...А душу можно ль рассказать?»: особенности формирования
жизненных стратегий осужденными (на примере анализа биографических интервью)**

РАЗДЕЛ 2

**ПРАКТИКИ
ПРИМЕНЕНИЯ
КАЧЕСТВЕННЫХ
МЕТОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ЖИЗНЕННЫХ
СТРАТЕГИЙ**

Размер выборки в качественном исследовании

Елена Юрьевна Рождественская

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Исследование одной биографии, единичного случая, имеет целью глубокий основательный анализ истории жизни. В качестве примера можно привести анализ истории Феликса в немецкой нарратологии (Koller H.S., Kokemohr R.1994), одной биографии с молодым человеком, история жизни которого изобиловала трансформационными процессами и образовательными стратегиями. Биография Феликса была проанализирована коллективом нарратологов с различных позиций и заняла объем книги. В количественной логике исследование единичного случая не обладает никакими обобщающими возможностями. В качественном исследовании анализ одной биографии может достичь обобщения, а именно в отношении к существующим теориям или суммированным результатам предшествующих эмпирических исследований, что способствует новым теоретическим горизонтам. Но попытка прямого обобщения, на основе отдельного случая, в смысле: это типично для женщин, типично для вышедших из *тюрьмы и т.д.* - проблематично, поскольку основано только на стереотипных ожиданиях.

Логика качественного подхода в варианте Глэзера-Страуса нацелена на то, какие представлены различные варианты или типы в анализируемых случаях, какое поле смыслового напряжения они образуют друг с другом, репертуар возможностей. Таким образом, исследователь не преследует задачу, насколько часто возникает тот или иной тип, а какие типы имеются, каковы они в контрасте друг с другом и отдельно, как они образуют репертуар социально возможного. Не беспредельность этого репертуара связана с тем, что социальные процессы или события выступают в каждом обществе только в обозримой типологической вариантности, идентифицирующей конечное, обозримое (благодаря социальной компетентности) число вариантов, которые в целом образуют социокультурный набор соответствующих типизаций.

Построение выборки для коллекции биографических случаев иногда пред-задано и может быть точно описано, так как объект исследования имеет фиксированные границы – клана, семейной группы, узкой субкультуры, свидетелей события, малой фирмы и т.д.

Одним из самых неоднозначных вопросов в отношении выборки – сколько нужно отобрать респондентов? Этот вопрос вызывает широкую дискуссию среди социологов-качественников. Ричи, Льюис и Элэм (Ritchie, Lewis, Elam 2003) приводят основания тому, почему в качественном исследовании при большем количестве данных не обязательно возникает дополнительная информация, - потому что в базу анализа поступают обработанные качественные данные или коды. Частоты редко важно в качественные исследования, потому, что качественные исследования нацелены на реконструкцию смысла и не строят обобщенных выводов (см. также Crouch M., McKenzie H., 2006). Наконец, поскольку качественные исследования трудоемки, анализ большой выборки может занять много времени и зачастую просто нецелесообразен, правда, если не подключать программные пакеты обработки качественных данных типа INVIVO, ATLAS-TI и др.

Тем не менее, качественные выборки должны быть достаточны, чтобы гарантировать, обнаружение или идентификацию всех или почти всех конфигураций опыта и смысла, которые могут быть важными для целей исследования, но в то же время, если выборка слишком велика по объему, данные становятся повторяющимися и, в конце концов, излишним. Если исследователь декларирует верность принципам качественного исследования, то объем выборки в большинство качественных исследований как правило, следует концепции насыщения (например, Glaser B.G., Strauss A.L., 1967), когда сбор новых данных не приносит дополнительно информации для исследовательского вопроса. Существуют и другие факторы, влияющие на размер выборки в качественных исследованиях, которые исследователи обычно используют для насыщения в качестве руководящего принципа во время сбора данных. Так К.Чэрмэз (Charmaz K., 2006) предполагает, что цель исследования является основным фактором для дизайна выборки и, следовательно, ее размера, и небольшие исследования со «скромными требованиями» (Charmaz K., 2006, p. 114) могут достичь насыщения быстрее, чем исследование, ставящее целью описание процесса на стыке нескольких дисциплин (например, сюжет о наркомании в конкретной группе, а не описание общей наркозависимости).

Другие исследователи выясняли дополнительные факторы, которые могут оказать влияние на размер выборки и, следовательно, степень насыщения в качественных исследованиях. Ричи, Льюис и Элэм (Ritchie, Lewis, Elam 2003, p. 84) описывают контур семи факторов, которые могут повлиять потенциально на размер выборки:

«Неоднородность населения; различные критерии отбора; степень обоснованности критериев, группы, вызывающие специальный интерес и требующие интенсивного

исследования; множественность выборок в рамках одного исследования, различные способы сбора данных для коллекции, а также доступный бюджет и ресурсы». К этому Морзе (Morse J. M., 2000, p.4) добавляет то, что он называет «теневые данные» - рамки исследования, характер темы, качество данных, дизайн исследования.

Джетт, Гровер и Кек (Jette D. J., Grover L., Keck C. P., 2003) предположили, что некоторый опыт в выбранной теме может позволить сократить необходимое число респондентов, участников исследования, а Ли, Ву и Маккензи (Lee D.T.F., Woo J., Mackenzie A. E., 2002) считают, что исследование, которое использует более чем один метод, требует меньше участников, равно как и исследования, которые используют углубленные интервью с теми же участниками (например, лонгитюдные или панельные исследования).

Некоторые исследователи попытались связать вопрос о размере выборки и концепцию насыщения. Тот же Морзе (Morse J.M., 1995) считает, что исследователи часто утверждают, что достигли насыщения, но не обязательно в состоянии доказать это. С этим солидарна Г.Боуэн (Bowen G.A. 2008), которая придерживается мнения, что насыщение декларируется авторами в отчете о проведенных качественных исследованиях без какой-либо явного описания того, что это значит, или как оно было достигнуто. С этой целью Чэрмэз (Charmaz K., 2006) приводит пример одного исследования по изучению стигматизации полных женщин, в котором исследователь утверждает, что категория «испытывает стигматизацию» насыщен очень быстро. Тем не менее, если неопытный исследователь может претендовать на эффект насыщения, более опытный исследователь изучит контекст стигматизации подробнее и в особенности его значение для каждой из этих женщин (Charmaz K., 2006, p.114).

По словам Яна Дея (Dey I. 1999), концепция насыщения вообще неуместна. Он предполагает, что исследователи часто заключают данные в категории лишь частично закодированными и объясняет эту практику ссылкой на авторитет таких известных авторов как Страус и Корбин, которые предполагали, что насыщение – это «вопрос степени» ((Strauss A.L., Corbin J., 1990, p.136). Они считают, что, чем дольше исследователи знакомятся и анализируют их данные, всегда будут существовать потенциал для «новых открытий». Вместо этого, исследователь, который стремится к насыщению выборки, должен быть больше озабочен достижением точки, где выборка становится «контрпродуктивной», и «новые открытия» не добавляют ничего нового к теории или рамке (Ibid., p.136). Они признают, что иногда проблемой формулировки заключения к исследованию является не отсутствие данных, но их избыток. И как показывает анализ, для исследователя важно следовать выбранной модели, чтобы стать более дисциплинированным и сократить данные там, где это необходимо.

Ввиду многочисленных факторов, которые могут определять размер выборки в качественном исследовании, многие исследователи уклоняются от представления, что является необходимым и достаточным размером выборки (в отличие от количественных исследований, например). Однако, некоторые исследователи пошли опытным путем и реконструировали размер выборки де факто, проанализировав проведенные качественные исследования. Так, Гест, Банс и Джонсон (Guest G., Bunce A., Johnson L. 2006, p.59), отмечают, что, «хотя идея насыщения полезна на концептуальном уровне, она дает мало практических рекомендаций для оценки размеров выборки для надежного исследования до сбора данных». В ходе анализа проведенных другими исследованиями они обнаружили «всего семь

источников, в которые представлены руководящие принципы для размера реализованной выборки» (Ibid., p.61):

- этнография и народная медицина: 30-50 интервью (Morse J.M. 1995, p.225); Бернард (Bernard H.R. 2000, p.178) утверждает, что большинство исследований здесь основаны на выборке в интервале между 30-60 интервью;
- методология обоснованной теории: 20-30 интервью (Creswell J. 1998, p.64); 30-50 интервью (Morse J.M.1995, p.225);
- феноменология: - от 5 до 25 интервью (Creswell J. 1998, p.64); по крайней мере, 6 интервью (Morse J.M., 1995, p.225);
- все качественные исследования: 15 интервью минимально приемлемый образец (Bertaux D. 1981, p.35).

Хотя эти цифры предлагаются в качестве информации к размышлению, авторы не стремятся представить эмпирические аргументы относительно того, почему возникли именно эти цифры, а не другие. Например, Чэрмэз предполагает, что «25 (участников) достаточно для небольших проектов» (Charmaz K. 2006, p.114), а в соответствии с Ричи, Льюис и Элэм, качественные исследования часто «залегают под 50» (Ritchie, Lewis, Elam 2003, p.84), в то же время Грин и Торгоуд утверждают, что, по опыту самых качественных (!) исследователей, мало что «нового» приходит из стенограммы после того, как сделано 20 или около того интервью (Green J., Thorogood N. 2009, p.120).

Таким образом, несмотря на то, что некоторые исследователи формулируют принципы для качественной выборки, есть широкие доказательства того, что другие исследователи-полевики не строго их придерживаются. Сошлемся на исследователя (Thomson B.S. 2004), который провел обзор пятидесяти научных статей, доступных в интернете с помощью Proquest ABI Inform¹, с параметром поиска «обоснованная теория» в цитате и абстракте, и нашел выборки размером от пяти до 350 респондентов. Из них чуть более трети (34%) используемых выборок - в диапазоне от 20 до 30, как рекомендовал (Creswell J. 1998, p.128), и только 11 исследований (22%) с выборками в диапазоне свыше 30, как рекомендовал (Morse J.M. 1995, p.225).

Некоторые исследователи пошли дальше, чем разработки руководящих принципов и попытались практически реализовать концепцию насыщения, исходя из собственного эмпирического анализа. Возможно, первыми, кто попытался это сделать, были Ромни, Батчелдер и Веллер, которые разработали инструмент анализа, называемый «культурной моделью консенсуса», для их этнографической работы (Romney A. K., Batchelder W., Weller S.C. 1986). Это позволяет выявить общие характеристики между сообществами и культурными группами. Модель предполагает, что каждая культура обладает разделяемым взглядом на мир, что приводит к «культурному консенсусу», - хотя уровень консенсуса по различным темам действительно изменяется, они полагают, что существует конечный набор таких характеристик или культурных взглядов. Ромни с коллегами предлагают анализировать эти взгляды как факторы для производства строгой модели культур мнений. Ориентируясь на минимальный размер выборки и ставя целью построить

¹ Электронная онлайн база данных, осуществляющая доступ к публикациям в сфере промышленности, бизнеса, финансов и менеджмента.

подобную модель, например, Этран, Медин и Росс установили, что «лишь 10 информантов были необходимы, чтобы достоверно установить консенсус» (Atran S., Medin D. L., Ross N. O. 2005, p.753).

Гриффин и Хаузер (Griffin A., Hauser J.R. 1993) повторно проанализировали данные из их собственных исследований по клиентам портативных контейнеров для пищевых продуктов (Griffin A., Hauser J.R. 1993). Их работа была осуществлена в рамках маркетинговых исследований для повышения надежности и валидности. В результате они установили, что от 20 до 30 глубинных интервью будет необходимо и достаточно, чтобы раскрыть до 95 % процентов всех потребностей своих клиентов. В недавней работе Гест с соавторами провели систематический анализ их собственных данных из исследования 60-ти женщин по охране репродуктивного здоровья в Африке (Guest G., Bunce A., Johnson L. 2006). Они изучили коды, которые были разработаны в их 60-ти интервью, оценивали их вновь по тому моменту, когда данные поступали без новых кодов, то есть, выборка стала насыщенной. Они предположили, что насыщение произошло на очень раннем этапе исследования. Из тридцати шести разработанных кодов тридцать четыре были результатом первых шести интервью, и тридцать пять кодов были разработаны после двенадцати интервью. Их заключение сводится к следующему: для исследования с высоким уровнем однородности опрошенных «выборка из 6-ти интервью может достаточно, чтобы развить значимую темы и полезные интерпретации» Африке (Guest G., Bunce A., Johnson L. 2006, p. 78).

Слабости убедительной концепции насыщения связаны с финансовыми и временными затратами в ходе исследования. Зачастую исследователи не могут позволить себе роскошь продолжать глубинные интервью, обработка которых требует насыщения выборки. Особенно, если придерживаться мнения, что точка насыщения «потенциально безгранична». Кроме того, спонсоры исследования часто требуют тщательного предварительного описания будущего исследования, которое включает информацию о том, кто и сколько респондентов с четким подробным обоснованием и стратегией интервьюирования будут приглашены на интервью в начале исследования. Таким образом, институциональная логика заказчика, намеренного понять, на что ушли деньги, входит в противоречие с непредсказуемым характером процессуальности выборки в качественном исследовании.

Итак, что же все это значит? Приведенный методологический обзор работ, в которых мы можем обнаружить рефлексию относительно размера выборки в качественном исследовании, приводит к выводу, что нельзя ограничить качественное исследование заранее оговоренным числом респондентов, если только к этому не приводят финансовые и временные затраты, прекращающие волонтаристски всякую дискуссию. Но в том случае и вопрос о надежности выводов не актуален. Очевидно, размер выборки должен быть рассчитан с определенным «запасом», на случай ремонта выборки, отбраковывающего малоудачные интервью, мало сопоставимые по качеству и объему. Также становится ясно из транслируемых опытов пост-исследовательской рефлексии, что эффект раннего насыщения является скорее исследовательской удачей, чем ожидаемой нормой.

Источники:

1. Atran S., Medin D. L., Ross N. O. The cultural mind: Environmental decision making and cultural modeling within and across populations // *Psychological Review*, 2005, 112(4), pp. 744-776.
2. Bernard H.R. Social research methods. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000
3. Bertaux D. From the life-history approach to the transformation of sociological practice. In: Daniel Bertaux (Ed.), *Biography and society: The life history approach in the social sciences*. London: Sage, 1981, pp.29-45.
4. Bowen G.A. Naturalistic inquiry and the saturation concept: A research note // *Qualitative Research*, 2008, 8(1), pp.137-152.
5. Charmaz K. *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006
6. Creswell J. *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
7. Crouch M., McKenzie H. The logic of small samples in interview based qualitative Research // *Social Science Information*, 45(4), 2006, pp.483-499.
8. Dey I. *Grounding grounded theory*. San Diego, CA.: Academic Press, 1999.
9. Glaser B.G., Strauss A.L., *The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research*. New York: Aldine, 1967.
10. Green J., Thorogood N. *Qualitative methods for health research (2nd ed.)*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.
11. Griffin A., Hauser J.R. The voice of the customer // *Marketing Science*, 1993, 12(1), pp.1-27.
12. Guest G., Bunce A., Johnson L. "How many interviews are enough? An experiment with data saturation and variability" // *Field Methods*, 2006, 18(1), pp.59-82.
13. Jette D. J., Grover L., Keck C. P. A qualitative study of clinical decision making in recommending discharge placement from the acute care setting // *Physical Therapy*, 2003.83(3), pp.224-236.
14. Koller H.S., Kokemohr R. *Lebensgeschichte als Text. Zur biographischen Artikulation problematischer Bildungsprozesse*. Weinheim, Basel, 1994
15. Lee D.T.F., Woo J., Mackenzie A. E. (2002). The cultural context of adjusting to nursing home life: Chinese elders' perspectives // *The Gerontologist*, 2002, 42(5), pp.667-675.
16. Morse J.M. The significance of saturation // *Qualitative Health Research*, 1995, 5(3), pp.147-149.
17. Morse J. M. Determining sample size // *Qualitative Health Research*, 2000,10(1), pp.3-5.
18. Ritchie J., Lewis J., Elam G. Designing and selecting samples. In: Jane Ritchie & Jane Lewis (Eds.), *Qualitative research practice. A guide for social science students and researchers*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003, pp.77-108.
19. Romney A. K., Batchelder W., Weller S.C. Culture as consensus: A theory of culture and informant accuracy // *American Anthropologist*, 1986, 88(3), pp.13-38.
20. Strauss A.L., Corbin J. *Basics of Qualitative Research. Grounded Theory Procedure and Techniques*, Newbury Park CA: Sage Publications, 1990.
21. Thomson B.S. *Qualitative research: Grounded theory—Sample size and validity*, 2004
22. <http://www.buseco.monash.edu.au/research/studentdocs/mgt.pdf>

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Обоснованная теория как метод анализа данных: методические приемы и техники реализации

Любовь Юрьевна Буглаева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

В статье дается описание процедур анализа качественных данных в рамках обоснованной теории в сочетании с возможностями современного программного обеспечения.

Большинство исследователей, занимающихся анализом данных, полученных в ходе неформализованных интервью, сталкиваются с такими проблемами как практическая сложность анализа данных ввиду их большого объема и неструктурированности, неоднозначности выбора способа теоретической интерпретации, подтверждения валидности и обоснованности полученных данных, обеспечения непредвзятости выводов и т.д.

Существует несколько подходов к анализу качественных данных. К первому из них относится принцип, согласно которому качественные данные в анализе не нуждаются, всё, что должен сделать исследователь, это представить их таким образом, чтобы из содержимого было понятно, что хотели сказать респонденты. Сторонники данного подхода апеллируют к тому, что получаемые результаты максимально свободны от влияния предубеждений исследователя. Приверженцы иного подхода считают, что основной задачей исследователя является корректное описание результатов исследования. В таком случае ученые должны уметь отбирать и упорядочивать имеющийся материал. Результаты работы представляются в виде длинных исследовательских текстов, содержащих интерпретацию изучаемых событий, а также их иллюстрацию в виде цитат респондентов.

И, наконец, в рамках третьего подхода, исследователей в первую очередь интересует построение теории. Путем концептуализации и систематизации информации исследователь получает теорию, с одной стороны, связанную с другими теориями в рамках определенного направления, а с другой, выводы которой имеют практическое применение. Такой подход не стоит путать с описательным. При использовании описательной стратегии речь не идет о значительной интерпретации данных, так как исследователь по большей части сосредотачивает внимание на составлении резюме выражений. В обоснованной теории речь идет, с одной стороны, о конструировании понятий с последующей их группировкой и концептуализацией, а с

другой, о выстраивании понятийных взаимосвязей, чего, безусловно, не происходит при простом описании.

Данный подход берет свое начало в 60-х годах XX века, когда в социологической науке появилось новое направление качественного анализа, получившее название подход обоснованной теории¹. Развитие качественных методов в этот период было связано с рядом событий. Во-первых, с развитием феноменологического понимающего подхода. В действительности, такие авторы как А. Шюц («Феноменология повседневности»), П. Бергер и Т. Лукман («Социальное конструирование реальности»), И. Гофман («Представление себя другими в повседневной жизни») оказали огромное влияние на расширение понимания социологических методов. Помимо этого, если методы обработки и анализа данных, полученных в ходе массовых опросов, развивались достаточно интенсивно, то качественная стратегия анализа социологической информации оставалась в рамках методического и методологического индивидуализма. Жесткие процедуры анализа данных, позитивистское понимание гипотез, согласно которому гипотезы должны формулироваться априорно, а затем подвергаться верификации, то есть должны быть либо приняты, либо опровергнуты, но никоим образом не модифицированы, - все это ограничивало познавательные возможности исследования интересующих социолога феноменов. Качественные методы анализа также подвергались критике ввиду их недостаточной систематичности и техничности. Многие ученые указывали на тот факт, что достоверность получаемых выводов является сомнительной, а само конструируемое знание формируется лишь на основании здравого смысла и собственной логики исследователей.

Такие вызовы не могли остаться без внимания, вследствие чего стремление к научности привело к распространению количественной методологии в сфере качественного анализа данных, а именно укреплению принципа верификации теории в качественной методологии. Барни Глейзер и Ансельм Страусс выступили против данного положения дел, указывая на то, что качественным методам свойственна «риторика генерирования теории», а не ее верификации.

Методологические основы подхода обоснованной теории

В своей книге «Открытие обоснованной теории» (The Discovery of Grounded Theory, 1967) Б. Глейзер и А. Страусс описали как содержание нового метода, так и логику, лежащую в основе базовых его процедур. Классикой в данной области стали такие книги как: «Theoretical sensitivity» (Glaser, 1978), Qualitative Analysis for Social Scientists» (Strauss, 1987), а также переведенная на русский язык книга А. Страусса и Дж. Корбин (Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques, 1990).

Страусс и Корбин определяли подход обоснованной теории как «качественный исследовательский метод¹, который использует

¹ «Обоснованная теория» - общепринятый перевод термина «Grounded Theory», введенного Б. Глейзером и А. Страуссом (наряду с данным вариантом переводом встречаются и другие, например, «укорененная теория» (В.А. Ядов), «заземленная теория» и «восхождение к теории» (В.В. Семенова)).

¹ Ввиду разночтений в определении качественного метода необходимо уточнить, что здесь под этим понятием следует понимать метод нестатистический. В таком случае анализ данных представляет собой «нематематическую аналитическую процедуру» [3, с. 16].

систематический ряд процедур для разработки индуктивно выведенной обоснованной теории некоего явления» [3, с. 21].

Важным принципом построения теории является ее индуктивная выводимость из изучения феномена. В данном случае не теория предшествует сбору данных, а наоборот – теория создается и развивается в процессе сбора и анализа информации.

Хорошо сконструированная теория должна отвечать нескольким требованиям. Во-первых, требованию соответствия реальности. Иными словами, она должна выводиться из данных, относящихся к определенной области (так, чтобы объективно представлять изучаемую реальность). Во-вторых, такая теория должна быть понятна как исследователям, так и тем, кто является объектом ее изучения, то есть должна быть понимающей. В-третьих, необходимо, чтобы теория была обобщающей, то есть максимально абстрактной и гибкой для ее дальнейшего применения в других (смежных) областях знания. И наконец, важно, чтобы теория была контролируемой, то есть гипотезы, выдвинутые в ходе анализа данных, должны быть в дальнейшем использованы для контроля над действиями в отношении изучаемых феноменов. Здесь важно сказать, что такая теория является научным методом, следование ее процедурам позволяет исследователю создать теорию, удовлетворяющую условиям «значимости, совместимости теории и наблюдения, обобщения, воспроизводимости, точности, строгости и верификации» [3, с. 28]. Процедуры обоснованной теории составлены таким образом, чтобы придать процессу анализа информации строгость и точность.

Техники кодирования данных

Обоснованная теория как метод анализа данных имеет ряд систематических процедур, которые включают в себя техники для концептуализации данных, что обозначается как процесс кодирования. «Кодирование представляет собой операции, посредством которых данные разделяют, концептуализируют и снова соединяют по-новому» [3, с. 49]. В обоснованной теории выделяются следующие процедуры кодирования:

- открытое кодирование
- осевое кодирование
- избирательное кодирование.

Открытое кодирование является процессом первичной категоризации феноменов, присваивания каждому из них отдельного названия. Данные в таком случае разбиваются на отдельные части (группируются) методом выделения сходств и различий между феноменами. Таким образом, в основе процедуры открытого кодирования лежит процесс непрерывного сравнения.

Развитие категорий происходит посредством выделения *свойств и измерений* феноменов. В данном случае под свойствами следует понимать «характеристики или атрибуты категории» [3, с.59], а выделение измерения рассматривать как поиск местоположения данных свойств вдоль континуума. Выделение аналитического измерения по сути своей обозначает поиск координатных осей. При этом в теории наряду с *категориями* и *субкатегориями* принято рассматривать как *свойства* феноменов, так и их *субсвойства*. Важно сказать, что уникальность

каждой категории записывается как раз посредством присвоения ей определенных свойств, измеренных по шкалам аналитических измерений. Поэтому в данном случае можно говорить о том, что каждому проявлению категории соответствует определенный *профиль измерений*, а группировка данных профилей способна предоставить исследователю *паттерн*.

Часто первоначальные названия понятий часто записываются непосредственно на интервью или иных документах. В настоящее время благодаря специализированному программному обеспечению стало возможно сделать процедуры кодирования более удобными и менее затратными с точки зрения выделяемого на них времени.

Если в открытом кодировании внимание прежде всего фокусируется на выделении категорий, их свойств и местоположения вдоль континуума, то **осевое кодирование** предполагает установление связей между категориями и субкатегориями. Таким образом, на данном этапе разработки теории происходит более глубокое развитие категорий.

Понятие субкатегории в данном случае нуждается в уточнении. Предполагается, что основные категории способны объединять вокруг себя целые группы понятий, называемые субкатегориями. Можно сказать, что субкатегории выделяются путем непосредственного расчленения категорий. В процессе осевого кодирования установление взаимосвязей между категориями и их субкатегориями происходит через *«модель парадигмы»*. Модель парадигмы является представлением ряда связей, «обозначающих каузальные условия, феномен, контекст, промежуточные условия, стратегии действия/взаимодействия и следствия». В работе А. Страусс и Дж. Корбин данная модель в своем упрощенном виде представлена следующим образом:

(А) Каузальные условия → (В) Феномен →
(С) Контекст → (D) Промежуточные условия →
(Е) Стратегии действия/взаимодействия →
(F) Следствия

Применение такой модели позволяет сделать анализ качественных данных более систематическим, осмысленным. Понимая, что как и все научные термины, вышеуказанные понятия нуждаются в интерпретации, рассмотрим, какие определения дают каждому из них авторы.

Каузальные условия (предшествующие условия) представляют собой определенные события и случаи, которые обуславливают появление феномена и его дальнейшее развитие. Стоит заметить, что зачастую слово «обуславливают» может быть заменено на «предшествуют», так как не всегда можно говорить о причинной зависимости. Помимо этого нужно указать на тот факт, что само событие редко вызывается лишь одной причиной, поэтому здесь стоит говорить не о единичном каузальном условии, а употреблять термин именно во множественном числе.

Каузальные условия обозначаются в данных следующими словесными конструкциями: «когда», «в то время как», «поскольку», «потому что», «обусловлено», «по причине».

Феномен определяется как основное событие или идея, «в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд действий или взаимодействий» [3, с. 84].

Идентификация феноменов производится посредством задавания таких вопросов как «*К чему относятся эти данные?*», «*Относительно чего происходит все действие/ взаимодействие?*» [3, с. 84].

Контекст означает набор свойств феномена, определяющий положение событий вдоль шкалы измерения, помимо этого контекст рассматривается как набор условий, при котором выбираются те или иные стратегии действия или взаимодействия с целью управления феноменом, его исполнения, реагирования на него. Контекст, как правило, можно выявить при задавании вопроса: «*При каких условиях имеет место рассматриваемый феномен?*».

Промежуточные условия в отличие от каузальных относятся к более широкому структурному контексту феномена, они действуют с целью поддержания либо ограничения уже принятых в ситуации определенного контекста стратегии действия / взаимодействия. В качестве таких условий рассматриваются «*время, пространство, культура, экономический статус, технологический статус, карьера, история и личная биография*» [3, с. 86].

Стратегии действия/взаимодействия определяются как направленные на реализацию, реагирование, управление феноменом в том контексте, в котором он существует. Такие стратегии обладают рядом свойств, а именно характеризуются как процессуальные (то есть обладающие свойством развития), целеориентированные (или целевые, то есть реализуемые с какой-либо целью) или рефлексивные (реализуемые как ответ на какое-либо событие). В данном случае важно рассматривать стратегии и неудавшегося действия или взаимодействия, а также уделять внимание промежуточным условиям, которые либо поддерживают действие/взаимодействие, либо его ограничивают.

Следствия необходимо рассматривать как некоторые результаты событий. Нужно заметить, что следствия нереализованных событий также важны для анализа как и результаты предпринятых действий/взаимодействий. Важно понимать, что те события, которые в данный момент времени являются следствием, в дальнейшем могут быть рассмотрены как условия или их часть.

На этапе ***избирательного кодирования*** перед исследователем встает задача интегрирования выделенных категорий для формулирования обоснованной теории. В целом избирательное кодирование можно интерпретировать как процесс выбора центральной категории, характеризующийся систематическим ее связыванием с другими категориями, а также валидизацией этих связей и наполнением категорий, нуждающихся в дальнейшем развитии. Избирательное кодирование проводится в несколько стадий:

- выявление линии теории;
- связывание второстепенных категорий с центральной категорией посредством парадигмы;
- связывание категорий на уровне измерений;
- валидация этих связей данными;
- наполнении категорий, требующих дальнейшего совершенствования и развития [3, с. 98].

Рассмотрим каждый из этапов более подробно.

Выявление линии теории является процессом описания центрального феномена исследования, который в последующем будет определен как центральная категория. Если на первом этапе выявления

линии теории достаточно лишь использования описательной стратегии для установления последовательности событий, то в дальнейшем необходимо будет рассмотреть историю аналитически – снова обратившись к методу осевого кодирования, проверить, достаточно ли полно рассмотрена центральная категория с точки зрения определения ее основных свойств и их измерений.

При этом выбор основной категории не является тривиальным. Зачастую исследователь встает перед проблемой выбора между двумя или более выдающимися на его взгляд феноменами, однако, ввиду трудности описания и интеграции нескольких категорий, очень важно остановить свой выбор именно на одной. Главной задачей в данном случае является выделение одного феномена как главного, интерпретация другого как второстепенного и последующее их связывание в рамках одной теории.

Связывание категорий с центральной категорией производится при помощи парадигмы, то есть тех ее составных частей, которые были рассмотрены нами ранее. Руководствуясь парадигмой, исследователю необходимо конструировать теорию, выстраивая и пересматривая категории до тех пор, пока он не обеспечит их соответствие аналитической версии истории.

Связывание категорий на уровне измерений происходит после идентификации различий в контекстах различных феноменов, выявленных посредством парадигмы. Здесь категории группируются «вдоль интервалов измерений их свойств в соответствии с обнаруженными паттернами» [3, с. 111]. Такая группировка производится посредством проведения сравнений и постановки вопросов.

После выявления основных взаимосвязей возникает необходимость *валидизировать* разработанные формулировки посредством возвращения к данным или непосредственно в поле. Это позволит выяснить, в каких случаях данная формулировка находит подтверждение, и находит ли вообще, возможно являясь единичным, уникальным проявлением рассматриваемого феномена.

Наполнении категорий, требующих дальнейшего совершенствования и развития – в данном случае авторы указывают на то, что необходимо придать теории концептуальную плотность, увеличить ее концептуальную точность, для этого аналитик должен возвращаться к данным с целью заполнения какой-либо пропущенной детали.

Процедурные особенности генерирования теории: компьютерный анализ качественных данных

На протяжении всего проекта у исследователя сохраняется необходимость делать письменные записи, связанные с формулированием теории. Такие записи называются *аналитическими «памятками»* (зачастую для обозначения термина используется калька с английского языка «мемо»). С целью визуальной репрезентации взаимосвязей между изучаемыми категориями строятся *диаграммы*.

Авторы предлагают ряд требований, которым должны соответствовать аналитические «памятки» и диаграммы, рассмотрим те из них, которые считаем наиболее значимыми:

- каждая памятка и диаграмма должны быть датированы и включать ссылки на их источник, такая ссылка должна содержать кодовый номер

интервью, наблюдения, источника, а при необходимости и указание на страницу и строку;

- в памятке и диаграмме должен содержаться заголовок, который бы обозначал понятие или категорию, к которым они относятся;
- следует включать в памятки короткие цитаты или фразы для иллюстрации исследовательских предположений;
- для удобства анализа и быстроты просмотра необходимо зрительно выделять как ссылки на категории, так и на взаимосвязи парадигмы;
- важно обеспечить наличие ссылок от теоретических записей к записям кодировочным, чтобы сохранить информацию относительно того, что стимулировало данное теоретическое заключение.

Безусловно, применение аналитических памяток и диаграмм является незаменимой процедурой в анализе по методу обоснованной теории, они позволяют исследователю сохранять в памяти последовательность аналитических процедур и результат каждой из них. Такие записи являются чрезвычайно полезными не только на этапе генерирования теории, но и при написании отчетов и публикаций по результатам проведенного исследования.

Эти и описанные нами выше процедуры хотя и не являются сложными с технической точки зрения, все же при отсутствии инструментов, облегчающих работу исследователя, требуют значительного времени, а дальнейший анализ зачастую затрудняется именно ввиду неудобства использования аналитических «памяток» в условиях отсутствия необходимого инструментария для анализа качественных данных. В действительности, учитывая, что обоснованная теория требует от исследователя непрерывного обращения к уже выделенным категориям и установленным между ними взаимосвязям с целью их перепроверки и модификации, то аналитический процесс становится очень трудозатратным.

В то же время разработанный авторами обоснованной теории понятийный аппарат сделал возможным создание компьютерных пакетов для анализа качественных данных в рамках рассматриваемого подхода. В частности, аналитически точная стратегия генерирования теории ввиду ее высокой техничности была положена в основу целого ряда программ типа CAQDAS (Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software), главной задачей которых является способствование структурированию текста на основе выделения категорий. И в настоящее время методология исследования, предложенная авторами обоснованной теории, является основной для пользователей CAQDAS программ. [8]

При этом необходимо заметить, что и сейчас, несмотря на высокую популярность использования компьютерных программ для анализа качественных данных на Западе, как среди публикаций отечественных авторов, так и трудов, переведенных на русский язык, практически отсутствуют работы, рассматривающие особенности применения обозначенных пакетов.

Наиболее высокими темпами компьютерный анализ качественных данных стал развиваться в последнее десятилетие, но даже по прошествии лет многие ученые продолжают выполнять категоризацию вручную. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, дефицитом и низкой доступностью информации для российских ученых как на русском, так и на английском языках. А во-вторых, нежеланием

многих специалистов применять компьютерные пакеты, так как, по их мнению, компьютеризация исследовательского процесса превращает качественный анализ в автоматическую процедуру анализа текстов. Такая позиция находит вполне разумное объяснение. Дело в том, что первые программы для анализа текстов, разработанные еще в 60-х годах XX века, представляли собой пакеты, реализующие количественный анализ (контент-анализ) посредством применения математических процедур. Данное обстоятельство стало поводом для формирования негативной репутации программного обеспечения [6]. Следует заметить, что и наши дни, несмотря на то, что современные программы имеют мало общего с их прародителями, эта дискуссия не закрыта, и находится много исследователей, выступающих против применения программного обеспечения в качественных исследованиях.

Однако здесь важно понимать, что компьютерное обеспечение является лишь инструментом, овладев которым, исследователь сможет с большим удобством и меньшими временными затратами провести исследование по методу обоснованной теории. В частности современные программы помогают социологу интерпретировать феномены, проводить категоризацию, устанавливать взаимосвязности и в конечном счете конструировать теорию. Программа является лишь инструментом, упрощая техническую сторону анализа данных. Лишь исследователь ставит вопросы, осуществляет интерпретацию и категоризацию феноменов, устанавливает их свойства и измерения, компьютер только максимизирует эффективность данного процесса [5].

На данный момент существует целый ряд различных программ для реализации проектов обоснованной теории (Code-Based Theory-Builders) [7], распространяемых как исключительно на платной основе, так и для пользователей которых предусмотрена возможность работы с бесплатной демо-версией. Среди наиболее известных пакетов необходимо выделить AQUAD, Atlas/ti, HyperRESEARCH, NVIVO, winMAX, XSite и др.

Одной из наиболее популярной программ является Nvivo, в частности ее используют такие известные образовательные центры как University of Cambridge, University of Oxford, London school of Economics, University of Manchester, University of Melbourne, University of Massachusetts, University of Wisconsin и т.д. NVivo отличают удобный интерфейс, высокая доступность информации о процедурах реализации исследовательских проектов с помощью данной программы, хорошая техническая поддержка и т.д.

В целом программа предоставляет широкий набор возможностей для организации исследовательской работы, реализации различных процедур анализа данных, визуализации и презентации результатов работы над проектом. Базовые функции NVivo удобнее всего рассматривать по каждому из указанных направлений.

Организация работы:

1. работа с данными различного формата (текстовыми, аудио, видео и интернет-файлами)
2. группировка различных источников (создание папок, альбомов, галерей);
3. классификация случаев (cases) по определенным характеристикам (attributes) (например, социально-демографических), использование

- таблиц для просмотра структуры имеющихся данных (casebook), использование фильтров для отбора необходимых случаев;
4. классификация отношений/взаимосвязей между респондентами (любовь, дружба, состояние в браке и т.д.) и теоретическими концептами (влияние, следствие и т.д.);
 5. организация работы в команде.

Реализация анализа данных:

1. создание заметок, относящихся ко всему документу (memos), например, для характеристики ситуации интервью;
2. создание «заметок на полях» (annotations) для характеристики выбранного фрагмента текста (изображения, аудио или видео файла);
3. Кодирование:
 - создание единичных кодов (Free nodes), то есть заметок, не имеющих связи с другими кодами;
 - создание кодов, представленных в иерархической структуре
 - автоматическое кодирование (если текстовые данные структурированы)
 - матричное кодирование;
 - установление различных видов взаимосвязи (однаправленная, двунаправленная, ненаправленная) между концептами;
4. подсчет частот встречаемости слов.

Визуализация данных:

1. создание моделей, позволяющих продемонстрировать априорные исследовательские представления о структуре изучаемого объекта, а также выявленные в ходе анализа структуры;
2. построение моделей путем их связывания с исходными данными;
3. создание диаграмм для представления результатов кодирования или отображения результатов работы с матрицами.

Презентация результатов исследования:

1. автоматическое создание отчетов различного типа с описанием проделанной в ходе исследования работы и их экспортирование из программы в различные форматы.
2. экспортирование различных частей самого проекта в различные форматы для презентации результатов проекта людям, не имеющим данной программы.

Говоря об *ограничениях* программного обеспечения, нужно упомянуть отсутствие практически какой-либо самостоятельности программы. За исключением выполнения процедуры контент-анализа и функции автоматического кодирования (для структурированных текстов) в программу не заложено практически никаких алгоритмов, которые бы выполнялись автоматически. Безусловно, данный факт можно назвать ограничением, но отнюдь не недостатком данного программного обеспечения. Рассматривая Nvivo как инструмент, помогающий в реализации проекта обоснованной теории, нужно отметить его соответствие требованиям к процедуре анализа данных, предъявляемым подходом обоснованной теории. На этом основании не имеет смысла обсуждать отсутствие каких-либо автоматических алгоритмов в пакете, так как они не являются необходимыми. При работе с программой нами был

выявлен ряд мелких технических недостатков, однако, по причине их несущественности и отсутствии какого-либо влияния на получаемые результаты, мы не считаем нужным рассматривать их в рамках данной работы.

В заключение считаем важным добавить, что в настоящее время идеи обоснованной теории получают все большее развитие. В частности, концептуальность и конструктивность подхода, его широкие возможности по структурированию, систематизации информации, генерированию понятий и установлению связей между ними, позволяющие осуществлять моделирование социальных процессов посредством качественных методов в сочетании с использованием новейших аналитических пакетов, делают подход обоснованной теории все более востребованным.

Источники:

1. Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92-101.
2. Попова Т.О. Качественные методы в моделировании процесса управления персоналом // Социология: 4М №19, 2004.
3. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 256 с.
4. Толстова Ю.Н. Идеи моделирования, системного анализа, “качественной социологии”: возможность стыковки // Социология 4М. №8, 1997, С. 66-85.
5. Bringer J. D., Johnston L. H. and Brackenridge C. H. Using Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software to Develop a Grounded Theory Project. *Field Methods* 2006; 18; 245.
6. Bringer J.D., Johnston L.H. and Brackenridge C.H Maximizing Transparency in a Doctoral Thesis1: The Complexities of Writing About the Use of QSR*NVIVO Within a Grounded Theory Study. *Qualitative Research* 2004; 4; 247
7. Eben A. Weitzman, Matthew B. Miles Computer Programs for Qualitative Data Analysis: A Software Sourcebook / SAGE Publications / International Educational and Professional Publisher, 1995
8. MacMillan K., Koenig T. The Wow Factor: Preconceptions and Expectations for Data Analysis Software in Qualitative Research. *Social Science Computer Review* 2004; 22; 179.
9. Mills J., Bonner A., and Francis K. The Development of Constructivist Grounded Theory. *International Journal of Qualitative Methods* 5 (1) March 2006
10. Nancy la Pelle Simplifying Qualitative Data Analysis Using General Purpose Software Tools. *Field Methods* 2004 - Vol.16 №1

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Этнографическая фокус-группа как метод сбора данных в «естественных» группах¹

Елизавета Валерьевна Полухина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Метод фокус-групп один из наиболее проблематизированных в социологическом сообществе. Основанием критики классических фокус-групп является его экспериментальность и лабораторность². В ответ на критику, а также в связи с тенденцией к смещению предмета социологии в сторону микроуровня, междисциплинарной практики исследований, метод претерпевает изменения. В статье описана одна из модификаций метода фокус-групп – «этнографическая фокус-группа», заимствующая элементы этнографического метода. Ее принципиальное отличие от классической фокус - группы – проведение исследования среди «естественных» (заранее существующих) групп.

Классическая фокус-группа: к вопросу о проблеме экспериментальности

Современные социологи все чаще обращаются к разнообразным методам для поиска ответов на исследовательские вопросы. Популярный и давно существующий метод фокус-групп имеет свои традиции применения и устоявшиеся процедуры использования. Но даже этот способ получения данных содержит достаточно проблемных областей. Наиболее очевидной является вопрос номинации: так, в сущности, мало чем отличающиеся процедуры имеют разные названия «фокус-группа», «фокусированное интервью в группе», «групповая дискуссия» и «глубинное групповое интервью»³.

¹ Понятие «естественных» групп использует Р. Крюгер. См. Р. Крюгер Практическое руководство для прикладных исследований. Пер. Т. Константинова. Sage Publications. 1988. С. 40. Мы определяем «естественные» группы как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом в процессе межличностного общения, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других (см. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. 2006. С. 873). Подобное понятие социальной группы близко к значениям «микро группы», «малые группы», «первичные группы». Примерами данных социальных групп служат семья, группа друзей, бригада рабочих, исследовательская группа и др.

² Эта тема обсуждается, например, в статье Левинсон А.Г., Стучевская О.И. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR). Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (63). 2003. С. 46-55.

³ Дмитриева Е. В. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М.: Центр, 1998. С. 12.

Неопределенность названия и практик использования этого метода можно объяснить становлением в рамках разных дисциплин, а также его дальнейшее развитие в различных предметных областях - маркетинге, политологии, социальной психологии, социологии¹.

Популяризация фокус-группы в гуманитарных науках приводит к размыванию процедуры в рамках и без того сложно определяемого метода. Появляется корпус «около фокус-групповых» техник таких как: номинальные группы (см., напр., исследования Е. Горбуновой), мозговые штурмы, peer-group², открытые групповые дискуссии³ и другие.

Появившиеся групповые техники, с одной стороны, приводят к неоднозначности трактовки метода, так как их часто именуют фокус-группами⁴, но, с другой стороны, позволяют отстраиваться практикующим специалистам, отстаивающим соблюдение определенных методических стандартов.

Изначально фокус-группа сводилась к изучению ситуаций, которые происходили с людьми в прошлом, с акцентом на изучение коллективного опыта. Среди процедурных требований – наличие гайда (списка вопросов или обсуждаемых тем), нацеленного на верификацию гипотез.

Современная фокус-группа представляет собой уже сформированную процедуру, «индустрию»⁵, как ее называет А. Левинсон. В целом, классические фокус-группы характеризуются позитивистской идеологией в положительном смысле слова. Они сохраняют процедурную строгость и четкость. Так, одним из принципов является случайный отбор участников группы, также информанты не должны быть знакомы между собой. Так как фокус-группа - это небольшая модель генеральной совокупности (студенты, молодые мамы, пенсионеры и др.), то ее участники должны быть гомогенны (однородны) по составу и одновременно представлять разнообразие в рамках интересующего признака.

Таким образом, классическую фокус-группу можно охарактеризовать как ситуацию создания, воспроизведения модели социума, что в определенной мере соответствует логике количественной традиции.

Как правило, однозначность и воспроизводимость данных (экспериментальность), получаемых при проведении классических фокус-групп реализуется посредством достижения достаточно конкретного результата – единого группового мнения или нескольких точек зрения, к которым пришли респонденты в процессе обсуждения⁶. Участники представляют собой экспериментальную группу, которой предлагается

¹ Лебедев П. А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-фокус-группы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., ИС РАН, 2010. С. 16.

² Власова М. Метод фокус-групп в маркетинговых и социологических исследованиях. Режим доступа: URL: <http://www.marketing.spb.ru/lib-research/focus.htm>. Дата обращения: 11. 01. 2011.

³ Левинсон А. Качественные методы // Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009. С. 217.

⁴ Чеховский И. Метод фокус-групп в контексте групповых интервью // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН. Российское общество социологов. 2008. С. 27.

⁵ Левинсон А. Качественные методы // Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009. С. 217.

⁶ Бонзак Р. Групповая дискуссия // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории: коммент. введ. / сост.: Н. Конеген. К. Шуберт. М.: РОССПЭН, 2004. С. 179.

тема (фокус) для обсуждения - «вход», а в результате мы получаем конкретный ответ - «выход». Групповые процессы и «репрезентативность» позволяют предполагать, что полученный ответ («выход») с определенной долей вероятности актуален для всей генеральной совокупности. Однако, последнее суждение спорно, так как результаты фокус-группы зачастую сводят к «разнообразному спектру мнений». В итоге исследователи рассматривают группы как вспомогательный метод, используемый для создания или тестирования количественного инструмента (анкеты) и др.¹

Современная социология определяет метод классических фокус-групп как интервью преимущественно с «субъект – объектными» отношениями², где респонденты представляют собой скорее «внешние источники данных». Это обусловлено правилами проведения такого рода дискуссий:

- Рамки интервью определены заранее исследователем и зафиксированы в гайде – сценарии.
- Интервьюер использует техники снижения «эффекта интервьюера» и занимает (эмоционально и когнитивно) нейтральную позицию.
- Респондент старается «вместить» свой уникальный индивидуальный опыт и установки в задаваемые вопросы; «нейтральная» позиция модератора, не мешает, но и не стимулирует респондента открывать новые темы в разговоре³. Уточним: модератор, безусловно, стимулирует участников активно обсуждать проблему, однако старается придерживаться обозначенного тематического фокуса.

Мы предполагаем, что обозначенные правила являются скорее крайностью, чем типичной ситуацией в рамках дискуссии такого рода, но с точки зрения классического понимания метода фокус-групп, мы чаще всего имеем дело именно с таким его вариантом. Впрочем, метод постепенно модифицирует и приобретает иные формы.

Однако, несмотря на достаточно стабильное положение метода в социологической среде и широкий спектр проблем, доступных для изучения с его помощью, есть круг специалистов, которые отвергают классические фокус-группы. Социологи, маркетологи, а также их клиенты (представители бизнеса, государственных структур и пр.) активно вовлекаются в дискуссии, касающиеся целесообразности, оправданности использования и границ применения метода. Например, существует интернет-сообщество, где обсуждается результативность фокус-групп. Название данного форума - «Фокус-группа - эффективно или антинаучно?»⁴.

В итоге, основная проблема классических фокус-групп сводится к низкой степени «экологической валидности» – близости условий исследования к реальной жизни участников.

¹ *Calder B. J.* Focus Groups and the Nature of Qualitative Marketing Research. In: *Journal of Marketing Research*. Vol. XIV, N III. 1977. P. 353–364.

² *Савинская О.Б.* Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // *Социологические исследования*. 2007, №10. С. 7.

³ Там же. С. 7.

⁴ *Дымшиц М.* Проведение фокус-группы как фатальная ошибка бизнеса. Режим доступа URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-research/focus/fatal_focus.htm. Дата обращения 16.05.2011.

Но методика лабильна, она эволюционирует под воздействием критики, откликается на изменения в социологическом пространстве. Так, А. Левинсон и О. Стучевская, выделяют два основных направления эволюции фокус-групп:

1. клинический подход (акцент на психо - нейро лингвистический особенности человека, углубленное изучение процессов);
2. этнографический подход, предполагающий погружение в «естественную среду изучаемой группы»¹.

Мы полагаем, что последний сценарий наиболее жизнеспособен и актуален для современной социологии. Именно этому варианту модификации фокус - групп посвящена статья.

Обратимся рассмотрению основных принципов этнографического метода с целью экспликации важных характеристик интересующей модификации метода фокус- групп.

Этнографический метод в социологии как способ сбора данных в «естественных» условиях

Этимология слова «этнография» берет начало из греческих слов «ethnos» (что в переводе обозначает «люди») и «graphei» (переводящееся, как «описание»)². Исходя из перевода, «этнография» дословно переводится как «описание людей». Таким образом, в самом общем понимании, этнографический метод нацелен на описание людей. В этом заключается его специфичность. Она отражается в выборе объектов этнографического метода (феноменов, общностей, групп), а также принципах получения и анализа данных.

Итак, этнографический метод заимствован из антропологии и исторически развивался в рамках этой науки как метод включенного наблюдения в его «узком» смысле. Именно во времена Чикагской школы метод участвующего (включенного) наблюдения получил легитимацию в социологических исследованиях, а чтение культуры как текста и «насыщенное» описание наблюдаемых феноменов стали ключевыми приемами авторов, работающих в герменевтической перспективе, пусть и не называющих себя этнографами³.

Таким образом, социология в рамках включенного наблюдения исходит из предположения, что «структура общества в целом закодирована в каждой его части»⁴. Мысль эта представляет собой формулировку одного из основных теоретических положений, касающихся исследований социума: общество производится людьми и не может продолжать существование без осмысленных действий. Мы узнаем, как социальное действие в одном мире может быть понято (осмыслено) с точки зрения другого мира⁵. Метод включенного наблюдения дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ.

¹ Левинсон А. Г., Стучевская О.И. Фокус-группы: эволюция метода. (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003, № 1 (63). С. 46-55.

² Marvasti A. B. Qualitative Research Sociology. SAGE Publication. 2004. P. 36.

³ Романов П. В., Ярская - Смирнова Е. Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии //Социологический журнал. 1998, №1/2. С.32.

⁴ Буровой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом// Рубеж. 1998. № 10-11. 157.

⁵ Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 23.

Особенность метода включенного наблюдения заключается в специфичности выявления повторяющихся форм человеческих взаимодействий и понимания присущего им субъективнополагаемого смысла¹.

Интерпретативный подход к анализу данных, согласно идеям К. Гирца, в первую очередь, ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих деятелей, на создание наблюдателем теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых. Если воспользоваться формулировкой К. Гирца, целью здесь является «не экспериментальная наука, ищущая закон, а интерпретативная наука, нацеленная на поиск смысла»².

В фокусе этнографического метода в социологии оказывается изучение микропроцессов. Если ранее, это были закрытые сообщества, то постепенно этнографический метод применяют для «открытых» общностей, требующих детального изучения. Примерами «закрытых» могут быть исследования жизни отдельно взятого района, небольшой секты, повседневность бездомных жителей столицы³, субкультуры российской армии⁴, подростковых группировок⁵, внутренней жизни и неформальных практик в современных организациях⁶ и другие.

Современный этап в развитии качественных исследований дает возможность зафиксировать отличительные черты этнографического метода в социологии. «Главный» исследовательский вопрос социолога выглядит следующим образом: «Как люди воспринимают, чувствуют окружающий их мир в естественных, повседневных условиях и взаимодействии?»⁷. Таким образом, участие в жизни информантов, наблюдение за естественным ходом их жизни – важнейшее условие реализации исследований в такой традиции. Все последующие специфические черты этнографического метода являются следствием этого подхода. Раскроем содержание каждого из них.

Главенство принципа «естественности» сбора данных («in situ studies»): чем более приближенной к повседневной жизни будет ситуация исследования, тем в большей степени собранные материалы (и их последующая интерпретация) будут отражать «реальное положение вещей»⁸. Эти процедуры способствуют повышению «экологической» валидности, предполагающей важность соответствия между условиями эксперимента и исследуемой реальностью⁹. Задача исследователя - в деталях описать поведение информантов и придаваемые ему смыслы, используя имеющийся методический арсенал. При этом категория

¹ Козлова Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000, №9. С. 24.

² Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture. In The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books 1973. P. 5.

³ Сидоренко - Стивенсон С. А. Московские бездомные // Человек. 1996. № 2. С. 116-125.

⁴ Банников К. К исследованию экстремальных групп // Мир России. №4. 2000. С. 125-134.

⁵ Кулешов Е. В. Репрезентация маскулинности в современной подростковой субкультуре. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001. С. 260-271.

⁶ Алашеев С. Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 65-90.

⁷ Marvasti A. B. Qualitative Research Sociology. SAGE Publication. 2004. P. 37-41.

⁸ Silverman D. Qualitative Research. Theory, Method and Practice. SAGE Publications. 2002. P. 18.

⁹ Brewer M. Research design and issues of validity. Handbook of research methods in social and personality psychology. Cambridge. UK: Cambridge University Press. 2000. P. 99-120.

«естественность» представлена тремя равноправными элементами: во-первых, изучаемыми **индивидами** – репрезентацией их повседневных практик; во-вторых, **методами**, не нарушающими привычные действия людей; в-третьих, **исследователем**, использующим «естественные» установки, лежащие в основе исследовательской ориентации¹.

Неформализованность подхода к сбору и анализу полевых наблюдений, отсутствие жестких стандартов исследовательской деятельности (что в большинстве случаев есть основание для критики этнографического метода) является своеобразным следствием описанного выше «in situ studies». Заранее невозможно знать нормы поведения изучаемого сообщества, поэтому дизайн исследования всегда гибок и непредсказуем². Исследователи свободно переключаются с одного метода сбора данных на другой в зависимости от изменения гипотезы, вопроса изучения, ситуации исследования; так же легко претерпевают изменения и их отношения с изучаемым сообществом, тактика коммуникации.

Акцент на описание действительности, являющейся главным принципом. Так, по мнению Н. Дензина³, существуют два дихотомических типа описания изучаемой среды: во-первых, «**плотное**» (или «толстое») (thick) – включает в себя информацию о контексте действия, намерения субъекта и смыслы, вкладываемые в действия, а так же его последующее развитие; во-вторых, «**тонкое**» (thin) – представленное отдельным фактом.

Этнографическое описание отличается детальностью, нарративная природа, контекстуальность. Принцип контекстуальности предполагает, что описание должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуациях, на каком социальном «фоне» происходило взаимодействие «исследователь - индивид»⁴. Дневниковые записи, фотографии служат основанием для воспроизведения исторического, социального, эмоционального контекста, который позволяет детально описать и понять действия людей. Поэтому ценность для исследователя представляет практически каждое изменение в изучаемой среде. Предполагается, что если контекст не был им зафиксирован, возможно производство неверной интерпретации событий и действий. Иначе говоря, понять наблюдаемые события можно только при помещении их в более широкий контекст⁵.

Специфика собранных данных представлена в этнографическом методе особо. Привычный для позитивистской традиции термин «данные» заменяется термином «эмпирические материалы». Для последних наиболее актуальна фрагментарность и разнообразие. Собранными материалами являются: записи в дневниках, аудио, фото,

¹ Hammersley M. What Wrong with Ethnography. Sociology. V. 24. 1990. P. 598.

² Atkinson P. Understanding Ethnographic Texts. SAGE Publications. 1992. Atkinson P. Coffey A. Analyzing Documentary Realities. Ethnography. Vol. III. Ed. Bryman A. 2001. P. 61-66.

³ Denzin, N.K. Introduction: the discipline and practice of qualitative research. N.K. Denzin. Y.S. Lincoln. The sage handbook of qualitative research. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. 3rd ed. Thousand Oaks. CA et al.: Sage Publications. 2005. P. 39.

⁴ Baszanger I, Dodier N. Ethnography: Relating the Part of the Whole. Qualitative Research: Theory, Method and Practice, edited by Silverman D. London. SAGE Publications. 1997. P.10.

⁵ Atkinson P. Coffey A. Analyzing Documentary Realities. Ethnography. Vol. III. Ed. Bryman A. 2001. P. 61-63.

кино - материалы, документальные свидетельства (письма, документы)¹. Часто сбор материалов осуществляется в «партизанских» условиях, что делает наиболее актуальным вопрос этики исследователя. Статус эмпирических материалов можно обозначить как «многоголосье» информантов. Так, Майкл Буровой отмечает, что «задача социологии состоит в том, чтобы понять смысл «высказываний» каждого, продемонстрировать их взаимосвязь, а не играть ими как разрозненными и несвязанными. Конечно, это сложно: некоторые голоса будут заглушены, а некоторые - усилены. Нам следует позволить им выговориться, оспаривать и изменять нашу «госпожу - повествование». И это не причина отказываться от полифонии»².

Особое значение позиции исследователя характерно для этнографического метода в большей степени, нежели для иных качественных методов. Понимание и соотнесение изучаемого явления, встраивание его в социальный контекст, взаимодействие с индивидами осуществляет именно социолог. В рамках этнографического метода ему отводится ключевая роль на протяжении всех стадий исследовательской работы. В данной традиции исследователь склонен к особому роду рефлексии³. Вопрос «рефлексивности» остается дискуссионным явлением в качественной методологии. Главная идея заключается в предположении, что полученные материалы неотделимы от исследователя и всегда связаны с ним.

Таким образом, этнографический метод - это метод полевого исследования, характеризующийся получением данных в естественных, повседневных условиях и в прямом взаимодействии с объектом исследования (социальными общностями и социальными группами, имеющими внутреннюю культуру), где данные получены преимущественно неформализованными способами (включенное наблюдение, неформализованные интервью) во время длительного нахождения исследователя в среде изучения и имеют в основе описательную логику.

¹ Романов П. В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996, № ¾. С. 141.

² Буровой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом// Рубеж. 1998. № 10-11. С.171-172.

³ Исследовательская рефлексивность – это способность становиться своеобразным объектом самоисследования, учитывая опыт, статус, обыденные представления, переосмысливая свои ощущения в изучаемой среде. Во многих случаях, термин определяют как метод, теория и т.п., в которых особое внимание уделяется эффекту, который оказывает личность исследователя или простое его присутствие на объект исследования The New Shorter Oxford Dictionary. Oxford. 1993. P. 2522.

Этнографическая фокус-группа как симбиоз этнографического метода и фокус-групп

Наблюдается корпус модификаций¹, ранее обозначенных Р. Крюгером как фокус-группы с «естественными»² группами. Мы полагаем, что сложилась устойчивая практика группового интервьюирования, расположенная на континууме между фокус-группой и этнографическим методом. Таким образом, природа наблюдаемых модификаций объясняется заимствованием элементов этнографического метода. Наиболее целесообразно эту практику обозначить этнографическая фокус-группа.

Оба «исходных» метода (как фокус-групп, так и этнографический метод) занимают маргинальное положение на континууме качественных методов. Фокус-группы не признаются как качественный метод частью приверженцев интерпретативного направления. Они, как упоминалось ранее, воспринимается как лабораторный и отчасти избыточно формализованный способ получения данных. Этнографический метод, наоборот, подвергается критике со стороны сторонников классической социологии за субъективизм и неформализованность. Ранние выступления приверженцев этнографического метода сопровождались комментариями: «это ни социология!», указывая на смежные дисциплины - социальную антропологию, этнографию, историю³. Этнографический метод долгое время и отчасти сейчас «...вынужден защищать свои научные полномочия в среде социологов»⁴.

Так, на примере этнографической фокус-группы мы наблюдаем феномен «методологического симбиоза – инструментальное средство, порожденное слиянием двух разных методов, в результате которого нивелируются недостатки каждого из них»⁵.

Специфика этнографической фокус-группы заключается в ее преемственности этнографическому методу, среди которых важно выделить:

Полевые условия проведения (в среде «информантов») и как следствие специфический доступ в поле, необходимость выстраивания «доверительных» отношений с информантами (многократные контакты), получение информации об объекте различными методами (включенное наблюдение, неформализованные интервью и др.) и как следствие, разнохарактерность получаемых данных.

¹ Здесь подразумевается корпус интервью в группе такие как: этнографические фокус-группы (ethnographic focus groups) см. *Press A. L., Cole E. R. Speaking of Abortion: Television and Authorities in the Lives of Women.* Chicago. The University of Chicago Press. 1999. P.137. // нарративные фокус-группы (narrative focus groups) см. *Suter E. A. Focus Group in Ethnography of Communication: Expanding Topics of Inquiry Beyond Participant Observation. The Qualitative Report. Vol. 5. No. 1-2. 2000. P. 12. URL: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR5-1/suter.html>. Дата обращения: 16.05.2009 // «культурно-восприимчивые» фокус-группы. *Rodriguez K. etc. Culturally Responsive Focus Groups: Reframing the Research Experience to Focus on Participants. International Journal of Qualitative Methods. 2011. 10(4). P. 400-417 и др.**

² *Крюгер Р.* Практическое руководство для прикладных исследований. Пер. Т. Константинова. Sage Publications. 1988. С. 40.

³ *Романов П. В.* Микроуровень социальной реальности: возможности междисциплинарного подхода. Социологические исследования. № 3. 2002. С. 30.

⁴ *Буровой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом. Перевод с английского С.С.Ярошенко. Рубеж. № 10-11. 1998. С. 157.

⁵ *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу об интеграции знания // Социологические исследования. № 9. 2006. С.10.

Участники фокус-групп – «естественные» социальные группы, имеющие самобытную внутреннюю культуру и структуру взаимодействия, что определяет специфику доступа в поле исследования.

Особая позиция исследователя, которая выражается в необходимости соблюдения баланса между «участием» («выживаемостью», «пониманием» мира информантов) и «дистанцией», обеспечивающей научную обоснованность его действий.

Преимственность с методом классических фокус-групп наблюдается на уровне базовых методических оснований: принципы формирования группы (гомогенность, размер), инструментария (необходимость гайда и транскрипта как базовых документов), частичное совпадение области применения (предмет) и анализа полученных результатов.

Сфера применения этнографической фокус-группы лежит в смежной области фокус-групп и этнографического метода. Объекты заимствованы у этнографического метода и представляют два основных типа: во-первых, территориальные общности (например: районы, села), во-вторых, социальные организации (предприятия и учреждения). Предмет представлен двумя главными классами проблем. Первый - феномены и явления, изучаемые внутри выделенных социальных групп. Второй класс проблем, решающих с помощью этнографической фокус-группы - это восприятие социальными группами определенных явлений.

Ограничениями для проведения этнографических фокус-групп являются следующие:

Во-первых, на методическом уровне: относительная несамостоятельность метода, которая заключается в необходимости проведения «входных» индивидуальных (неформализованных) интервью, а также «контрольных», позволяющих обеспечить валидность данных фокус-группы¹.

Во-вторых, на уровне объектов: закрытые сообщества, где наиболее предпочтительно проводить индивидуальные интервью.

В-третьих, на уровне предмета: сенситивные, табуированные темы, которые не принято обсуждать в рамках группы (что следует из правил классических фокус-групп, а также определяется спецификой изучаемой социальной группы).

В качестве методического стандарта процедуру проведения можно представить следующим образом: 1) определение объекта исследования и выбор наиболее репрезентирующих его групп (возможно, нескольких); 2) обеспечение доступа в поле исследования; 3) сбор первичных данных, составление структуры изучаемого объекта и выбор релевантных социальных групп; 4) проведение этнографических фокус-групп с выделенными социальными группами целесообразно организовать следующим образом:

¹Данная несамостоятельность объясняется спецификой объектов («естественных» социальных групп), которые имеют внутреннюю целостность и собственные правила. Так, на основе, пусть немногочленного, опыта, в некоторых случаях, группа может «объединяется» против исследователя, озвучивая неверную информацию. См.: *Madeleine J., Gill O. (in press) 'Focusing Researcher's Minds: Contrasting Experiences of Using Focus Groups in Feminist Qualitative Research. Qualitative Research (Cardiff; Sage). Режим обращения URL: www.abdn.ac.uk. Дата обращения: 20.05.2011.* Обычно это связано с неверной тактикой вхождения в поле. Неформализованные интервью («входные») позволяют наладить необходимые раппортивные отношения, донести до участников задачи исследователя. «Контрольные» неформализованные интервью позволяют оценить валидность полученной информации в ходе фокус-группы, а также уточнить моменты, которые остались не до конца ясными.

- a. *Отбор участников по принципу гомогенности.* Целесообразно руководствоваться принципом отбора респондентов из теории классических фокус-групп, выраженной в гомогенности значимых для исследования признаков. Важно, с одной стороны, исключить влияние участника, нарушающего гомогенность, а с другой – сделать это наиболее «безболезненным» образом, сохраняя принципы доверительной коммуникации.
- b. *Численность участников – 3-8 человек.* Теория классических фокус-групп определяет рамки размерности группы. При этом: чем более «глубокая и детальная» информация необходима, тем меньше участников предполагает коммуникация.
- c. *Характер коммуникации – групповая беседа.* Так, среди выведенных трех форм коммуникации в группе информантов (групповая беседа, групповое интервью, групповая дискуссия), метод этнографической фокус-группы, строясь на «субъект – субъектных» отношениях, имеет в основе групповую беседу как базовую форму коммуникации, заимствованную от этнографического метода. Это не исключает такие формы коммуникации, как групповое интервью и дискуссия (они так же могут присутствовать на разных стадиях реализации метода, но в меньшей степени). Далее происходит «насыщение» индивидуальными интервью с наиболее релевантными участниками фокус-групп. Предварительные и последующие индивидуальные интервью рекомендованы в целях подтверждения получения валидных данных (триангуляция методов).

В итоге, мы предполагаем, что полученная модель этнографической фокус-группы отражает общую тенденцию междисциплинарности в качественной социологии. Последнее связано со стиранием границ между этнографическим методом, социальной антропологией, включенным наблюдением, case study. В таком контексте концептуализация этнографической фокус-группы наследует результаты общей дискуссии о качественных методах и приобретает другой уровень значимости.

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

К дискуссии об этических аспектах в практике качественных исследований

Виктория Владимировна Семёнова

Институт социологии РАН (Москва)

В настоящее время поле качественных методов окончательно сложилось как самодостаточная социологическая парадигма и институционально, и методологически. В результате все большее число исследователей-практиков применяют различные модификации качественных методов в своей деятельности, такая активность становится массовой. Аналитики называют это процессом «демократизации» качественной методологии (Flick, 2005). Помимо позитивных результатов данного процесса расширение корпуса «исследователей-качественников» привносит с собой и новые риски: основополагающие теоретические постулаты познавательного процесса с ориентацией на мир «индивидуального», «интимно-личностного» в массовой практике размываются, способы и формы взаимодействия исследователя с полем становятся непредсказуемыми, что ведет как к методологическим, так иногда и к личностным потерям.

Среди новых рисков применения качественной методологии многие современные аналитики высказывают особую озабоченность рисками, связанными с этическими аспектами взаимодействия исследователь-респондент (Hammersley, 2000, Adler and Adler, 2002, Shaw, 2008, Flick, 2005 и др.). Несомненно, этические аспекты присутствуют в разных типах социальных исследований, как качественных, так и количественных и особо связаны с такими сферами как медицина, образование, право, но именно качественная методология наиболее близко соприкасается, и даже вторгается в приватный мир «другого». Поэтому эта проблема существует во всех типах социальных исследований, но не везде имеет такую остроту. В качественном же исследовании при контакте «лицом к лицу», мы имеем дело непосредственно с миром индивидуального, где частные интересы отдельных респондентов могут вступить в противоречие с профессиональными интересами исследователя. Например, привести к ухудшению его социального положения, психического или физического здоровья, взаимоотношений с близкими, т.е. вмешательство исследователя может привести к нарушению заповеди «не навреди». Качественные исследования имеют достаточно прочные связи с полем, с практикой, при этом действия исследователя в поле ситуативны и непредсказуемы, что делает проблему этического существенно значимой для нормативного оформления модели связи исследователь-респондент. Поэтому именно здесь пересекаются «наука» и «практика» и этические принципы становятся частью социальной практики социолога-качественника (Roth, 2005).

Данная моя статья является в этом отношении скорее провокативной, ибо нацелена на инициацию дискуссии в отечественной социологии относительно этических аспектов качественной методологии. При этом я буду апеллировать, скорее, к западной ситуации, поскольку там эти диспуты и размышления уже активно ведутся в течение определенного времени. Я также попытаюсь объяснить причины, по которым в нашем социологическом дискурсе этим проблемам уделяется мало внимания, и определить возможные пути преодоления такого пренебрежения.

Фактически дебаты об этике в качественном исследовании являются сферой обсуждения сугубо профессиональных для социолога проблем: это проблемы власти, контроля над респондентом, собственной профессиональной идентичности исследователя, проблем формирования и распространения научного знания. На этапе теоретического становления качественной методологии были выработаны и зафиксированы основные принципы, лежащие в основе взаимодействия исследователь-респондент, отвечающие этическим постулатам долга и ответственности и принципу социальной справедливости: принцип эквивалентной взаимности (*Quid pro quo*), постулат об «информированном согласии» респондентов и конфиденциальности частной информации. В развитие этих принципов на Западе, как в США, так и в Европе, в настоящее время существует специфический институт этической экспертизы проектов, выполняемых в стратегии качественной методологии. Эта регулирующая структура стала общепризнанной обычной практикой, без которой не может быть осуществлен ни один проект. Такие комиссии по этической экспертизе проектов, выполненных в качественной стратегии, существуют не только на общем уровне, но и локальном, т.е. почти в каждом университете¹.

Но и там, как считают исследователи, этические аспекты качественного исследования понимается зачастую чисто формально, становятся частью профессионального «бизнеса» на предисследовательской фазе (*Yan Shaw*), когда надо чисто формально пройти стадию этической экспертизы. Поэтому дебаты по поводу этического аспекта в этом поле — остаются одной из центральных и неоднозначных тем в профессиональной полемике социологов-качественников. Тема приоретает глубину и противоречивость, поскольку принципы, выработанные в теории, на практике не всегда осуществимы, практика может быть весьма разнообразной и непредсказуемой, моральные дилеммы могут возникнуть как в поле, так и на стадии публикации частной информации. С такой ситуацией обсуждения этических постулатов относительно своей практической деятельности

1 Канадский Профессор Волф-Михал Рот (*Wolff-Michael Roth*), председатель университетской этической комиссии в университете Виктория, в своей статье пишет: «моя задача в оценке учебных студенческих проектов состояла не только в том, чтобы дать оценку проекту, но и дать рекомендации, что нужно сделать, чтобы проект стал более «чувствительным», более приспособленным к социальному контексту...Исследователи не получали одобрения своего проекта до тех пор пока они не отвечали на длинный ряд вопросов, что они будут делать в той или другой сложной ситуации, ситуации «риска». Например, если респондент, не подписавший информированное согласие, но присутствующий при групповом интервью, начинает говорить в камеру: можем ли мы использовать такой материал? Хотя предварительно исследователем и было сказано, что «никакая информация не будет использована до тех пор пока не получит морального одобрения тех респондентов, которые имеют к ней отношение» (*Roth W.2005, с.5*).

социологи сталкиваются впервые. Американский исследователь Элиот Эйснер (Eliot Eisner) по этому поводу полемически замечает: «Мы хотим быть честными и искренними, но иногда полная искренность невозможна. Мы не хотим думать о себе, что мы используем других людей как средства для достижения своих профессиональных целей, но если учесть, что мы берем на себя ответственность за исследование, если мы концептуализируем, направляем, и публикуем результаты, то приходим к мысленному убеждению, что при этом мы используем других для своих целей» (цит. По Shaw, 2008, с. 401). Поэтому первый аспект таких дебатов: профессиональное знание, полученное от индивидов в процессе общения - средство или цель? И на что должна быть направлена практическая деятельность исследователя в общении с респондентом: на преодоление травматического опыта респондента или на получение знания? Можно ли доверить исследователям роль профессионального терапевта, если они не обладают навыками врачевания? (Roth, 2005).

Другой аспект этических дебатов — это вопрос о возможных формах взаимодействия этики и методологии: не привело ли засилие этических регуляторов к редуцированию методологии как таковой? Не стали ли социологи заложниками различных корпоративных ограничений со стороны определенных властных структур, таких, например, как этические кодексы медицинской практики или системы образования, которые могут существенно ограничить возможности и ракурс социологических исследований? (Hammersley, 2000, Adler and Adler, 2002, Shaw, 2008). Не становятся ли внешние институциональные регуляторы и опасения за возможные последствия проводимых исследований, в том числе разного рода государственные нормативы и ограничения, препятствием для профессионального проведения качественных исследований, способствуют упрощению и урезанию методологических основ качественного исследования? В нашей отечественной практике можно вспомнить дело историка М. Супруна, когда якобы этические нормативы и борьба за неприкосновенность «приватной» информации стали аргументом в недопуске исследователей к информации, хранящейся в государственных архивах. При этом, как оказалось, в наших правовых документах и нормативах даже само понятие «приватное» юридически недостаточно расшифровано и аргументировано (Косинова, 2012). Итак, второй аспект дискуссии касается взаимоотношений исследователей с социальными институтами: кто они - посредники в получении нового знания или охранники своих корпоративных интересов и своей корпоративной этики?

Итак, проблема этического возникает в более широком поле социальной практики исследователя, и тогда центральной задачей этической экспертизы становится более сложная цель: заранее предвидеть возможные моральные риски на каждом из этапов проекта и научиться совладать с ними. Особенно это важно для учебных (студенческих) проектов, где неопытность исследователя может привести к различным трагическим последствиям и ошибкам¹.

1 Мне вспоминается случай из практики одного университета, где учебный проект предусматривал глубинное интервью с бывшими потребителями наркотиков, которые в процессе общения с юными студентками рассказывали о своем прошлом опыте. Девушки-исследовательницы, наверно, очень старались раскрыть всю глубину их падения. На следующий день одна из респонденток пыталась покончить жизнь

Проблематика этического возникает на каждом этапе исследования специфически: на первоначальном этапе, при выборе и формулировке проблемы, это вопрос об учете в лексике и названии проекта социально-чувствительных моментов относительно исследуемых субъектов: например, при изучении групп социально-исключенных, маргиналов, криминальных групп стоит ли называть проект используя лексику доминирования, используя формулировки «отклоняющееся поведение», «бездомные», «радикалы», т.е. привлекать те социальные характеристики, которые потенциально могут усилить ощущение своего социально-неодобряемого статуса в глазах субъекта .

На полевом этапе это проблема выработки «кодекса» отношений исследователь-респондент обычно тоже вызывает немало методологических сложностей. На этом же этапе возникает проблема так называемого информированного согласия, которое предусматривает полное информирование респондента о целях и возможных последствиях проводимого проекта, в том числе о формах и способах использования полученных данных. Проблемой остается форма такого согласия: устное или письменное? В начале беседы или в конце? Естественно, всех ситуаций в такой согласии предусмотреть невозможно, поэтому социологи спорят о том, является ли такой договор полноценным договором в полном смысле этого слова или иллюзией: поскольку исследователь как эксперт значительно более информирован о возможных непредсказуемых последствиях, а респондент вынужден верить интервьюеру на слово и, будучи неопытным респондентом, иногда не подозревает о большинстве негативных последствий. Например, в ситуации травматического сенситивного интервью он и не предполагает, насколько воспоминания о прошлой травме могут нарушить его привычное эмоциональное состояние. Или как его информация о состоянии дел в больнице может отразиться на его статусе «клиента этой больницы». Исследователи также спорят о том, насколько необходимо информированное согласие в случае интернет-исследования. Необходимо ли согласие автора текста как субъекта, если речь идет о его дневнике, уже выложенном в интернете для публичного прочтения? (Shaw, 2010).

Другой аспект полевого взаимодействия исследователь-респондент - вопрос о «плате» за доступ к частной жизни. Этот вопрос возникает и в нашей практике. Если человек в течение долгого времени досконально погружает интервьюера в детали своего детства, юности, жизненном пути, то превращает интервьюера в своего личного собеседника, а интервью принимает исповедальный характер, а что, в таком случае, он получает взамен? Является ли материальная плата (деньги или сувениры)

самоубийством. И для преподавателей, и для интервьюеров так и остался открытым вопрос: стало ли интервью и повторное проживание тяжелого прошлого определенным стимулом, чтобы пересмотреть себя и свое прошлое и решиться на столь трагический шаг. С другой стороны, вспоминается опыт нашего коллективного исследования женщин, которые в юном возрасте пережили опыт угона в Германию на трудовые работы. До нас эти женщины никогда публично не вспоминали этот свой опыт, да и в узком семейном кругу весьма редко обсуждали эти проблемы. Интервью мы пытались строить по принципу сенситивного интервью с постепенным погружением в прошлое, а в заключительной части интервью - с попыткой позитивного выхода в настоящее. Женщины, впервые озвучивающие свои трагические рассказы, были благодарны интервьюерам за возможность рассказать заинтересованному собеседнику о том, о чем они молчали долгие годы. Эта благодарность выразилась в их теплом последующем контакте с интервьюерами, и даже в теплых письмах.)

достаточным эквивалентом такого доверия и *может* ли она служить таким эквивалентом? Вопрос о «взаимности» может быть решен по-разному в отдельных ситуациях. Во французской практике, например, материальная плата за интервью вообще недопустима. Этим вы глубоко оскорбите интервьюируемого. Тогда как в США, с другой стороны, такая практика распространена (J.Shaw, 2010). Более адекватной формой взаимного долга считается предоставление респонденту результатов исследования относительно его жизни или жизни его социальной группы. То есть принцип доступа к информации рассматривается как «ответный дар» за доступ к частной жизни респондента. Особую ситуацию с моральной точки зрения представляет коммуникация исследователь-респондент в случае сенситивного или травматического интервью. Понятно, что уже на стадии организации такого интервью исследователь предвидит, что погружение в травматическое прошлое может привести к эмоциональному стрессу. И к этому надо быть готовым, разрабатывая методически конкретную тактику «вхождения в травму» и «выхода из травмы», чтобы эмоциональное состояние респондентов после ухода респондента не стало причиной его новой травмы - «травмы от интервью». Естественно, что общие этические принципы и кодексы здесь не помогут, поскольку практика более богата исключениями, чем правилами, но общий врачебный принцип «не навреди» здесь может стать общим ориентиром. При этом в отличие от экспертного статуса терапевта, ищущего наиболее адекватную методику лечения, социолог как исследователь ориентируется на поиск наиболее адекватных методов *изучения* реальности, которые в наименьшей степени навредили бы его информанту.

И, наконец, на этапе интерпретации и анализа, риски «прагматического» прочтения индивидуальных данных могут рождать у исследователя моральное чувство «предательства» по отношению к своим респондентам, потребительского «использования» интимной информации личного свойства в угоду своим профессиональным достижениям. Наверно, перед каждым профессионалом-исследователем на этом этапе стоит вопрос об адекватности его интерпретации или описания реалиям жизни его респондентов, но не менее важным является ориентация на то, чтобы не нанести урон репутации того человека или группы, который стал объектом анализа. Тем более, что обычно таким объектом в качественном исследовании становится слаборесурсная группа, находящаяся на периферии социального пространства или индивиды, пережившие травматический опыт, а также группы с социально-нетипичными практиками. Ведь именно эти группы, прежде всего, находятся в эпицентре интереса социолога-качественника.

И более общий вопрос, который всегда волнует исследователя — это проблема утилитарного использования индивидуальной информации в профессиональных целях. Кто является владельцем жизненной истории? Что делать, если интерпретация исследователя не совпадает (а это скорее всего и случается) с позицией самого респондента относительно его жизни и степени ее успешности? Наверно, от этих вопросов не уйти, но и общего правила, пригодного для всех ситуаций, тоже не существует. Социолог-качественник имеет дело с частностями, и моральный выбор также носит характер конкретного решения, соответствующего тому или иному определенному контексту реальности.

Переноса все эти размышления в поле отечественной социологии, первое, что хотелось бы отметить — это то, что мы пока редко задумываемся о моральных рисках нашей исследовательской практики, а также о возможных отдаленных последствиях нашего вмешательства в частную жизнь «другого». На мой взгляд, здесь могут быть, по крайней мере, два объяснения. Во-первых, наша практика качественных исследований еще недостаточна развита, не так уж много полноценных исследовательских проектов, выполненных в этой традиции, поэтому наш опыт недостаточно рефлексирован как специфически «качественный». К тому же, исследователи-социологи в большинстве своем склонны избегать болезненных тем, связанных с социально-уязвимыми группами, а именно там вопросы морального регулирования приобретают наибольшую остроту. В этом отношении можно привести пример Е.Омельченко, которая давно и неоднократно обращается к изучению различных маргинальных групп. Поэтому в ее публикациях моральные аспекты взаимодействия исследователь-респондент наиболее остро рефлексированы (Омельченко, 2000).

Во-вторых, наши качественные исследования в своей ориентации в большинстве случаев избегают контакта с социальными институтами, которые могут наложить свои моральные ограничения на методологию качественного исследования, или использовать такие данные для нанесения урона репутации той или иной группы. Качественные исследования, проводимые через социальные институты, через систему здравоохранения или систему образования также достаточно редки. Исследователи предпочитают внеинституциональное общение со своими респондентами, где социальные институты присутствуют только опосредованно, в рассказах респондентов. Поэтому и институциональные конфликты у нас минимальны. Но мы бы сразу это почувствовали, если бы стали активно проводить подобные исследования. В одном из международных исследований, где предполагалось изучение российских школьников и их отношения к СПИДу, система образования (школы) сразу же оказалась препятствием на пути доступа к школьникам, и данный проект пришлось ограничить общими вопросниками, обращенными к школьникам, где спрашивали об уровне их информированности о СПИДе.

Как результат, проблему этического каждый российский исследователь решает самостоятельно и по-своему, в одиночку или в своем узком коллективе. Естественно, это налагает на каждого из нас личные моральные обязательства перед нашими респондентами. Но как сообщество, мы этими проблемами пока не интересуемся достаточно серьезно. Хотя, возможно, в нашем случае централизованные этические комиссии служили бы больше ограничителем, чем стимулятором моральной полемики.

Если говорить в общем плане, то пока ни о формальном информированном согласии, ни об этической экспертизе проектов, ни о правах респондентов на знание результатов исследования мы как исследователи не рефлексировали достаточно глубоко и не дискутируем в своем научном сообществе. Вместе с тем, эти аспекты качественной парадигмы встают перед каждым исследователем в практике его профессиональной деятельности, но так и не становятся объектом коллективных дискуссий.

На мой взгляд, этические аспекты качественных исследований не просто должны активно обсуждаться в профессиональном сообществе социологов-практиков, но и стать частью нашего образовательного процесса. Это необходимо для того, чтобы хотя бы следующее поколение молодых исследователей было готово к моральным рискам, связанным с вторжением в мир частного, и было способно совладать с этими рисками в конкретных исследовательских ситуациях. По результатам этих размышлений автор выносит на обсуждение вопрос о тактике обучения студентов этически-ориентированным навыкам проведения качественного исследования и о введении этого аспекта в систему социологического образования.

Источники:

1. Косинова Т. 2012. Облсуд Архангельска отказал Дудареву и Супруну в удовлетворении кассацией Cogita.ru. Общественные новости Северо-Запада. 29 февраля, 2012. <http://cogita.ru/syuzhety/arhangelskoe-delo-professora-supruna/oblsud-arhangelska-otkazal-dudarevu-i-suprunu-v-kasaciyahigovor-dudareva-i-kassacionnye-zhaloby-supruna-i-dudareva>
2. Омельченко Е.2000. (ред.) Героинашеговремени.Социологические очерки. Ульяновск: Издательство«Средневожский научный центр».
3. Adler, Patricia A. and Adler, Peter,, 2002. 'Do University Lawyers and the Police define Research Values?' in Will C. van den Hoonaard (ed.) Walking the Tightrope: Ethical Issues for Qualitative Researchers, pp. 34–42. Toronto: University of Toronto Press.
4. Burgess, R. G. (Ed.) (1989). The ethics of educational research. London: Falmer Press.
5. Cassell, J. (1982). Harms, benefits wrongs and rights in fieldwork. In J. Seiber (Ed.), The Ethics of Social research: Fieldwork, Regulation and Publication . New York: Springer verlag.
6. Evans, T. J., V. (1996). Research ethics in open and distance education: Context, principles and issues. Distance Education, 17(1), 72-94.
7. Flick, U., 2005. Qualitative Research in Sociology in Germany and the US - State of the Art, Differences and Developments, FQS, Volume 6, No. 3, Art. 23, September 2005.
8. Fine, M. (1992). Disruptive Voices. New York: University of Michigan Press.
9. Hammersley, Martyn, 2000. Taking Sides in Social Research. London: Routledge;Ian Shaw, 2010, Ethics and the Practice of Qualitative Research Qualitative Social Work Vol. 7(4): 400–414 www.sagepublications.com DOI:10.1177/1473325008097137
10. Kiegelmann, M. (1996). The subject writes back. Reflections on ethics in qualitative research. Paper presented at the American Educational Research Association.
11. Konza, D. Ethical Issues in Qualitative Research: What Would You Do?<http://www.aare.edu.au/about.htm>.
12. Punch, M. (1986). The politics and ethics of fieldwork. (Vol. 3). California: Sage Publications.
13. Roth, W.2005. Ethics as social practice: Introducing the Debate on Qualitative Research and Ethics, FQS,vol. 6, no. 1, Art.9, January 2005. <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/index>
14. Shaw J., 2005. Ethics and the Practice of Qualitative Research. Qualitative Social Work, 2008, no 7, p.400-411, <http://qsw.sagepub.com/content/7/4/400>

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

К вопросу об эмоциональной работе в поле¹

Елена Леонидовна Омельченко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Статья посвящена ряду аспектов эмоциональной работы исследователей в ходе проектов, в которых используется метод командной этнографии. Анализ полученных результатов, размышления исследователей, работавших в проекте включенным наблюдением, коллективная работа над монографией, последующие исследовательские проекты, использующие методологию разработанного нами подхода, сделали очевидным важность введения в научную дискуссию ряда новых вопросов профессиональной этики, часть которых будет обсуждена в этой статье².

Идея совместной этнографической работы может выглядеть нелогичной, поскольку усложняет элемент полевой рефлексивности, приводит к еще большей фокусировке на индивидуальных отношениях между исследователем, другими участниками исследования и информантами, ставит новые вопросы перед каждым ученым, требуя критического отношения к тому «багажу», с которым он или она приходит в поле. Так, например, Аул Девис пишет: «В классическом варианте включенное наблюдение подразумевает *одного* (мой курсив) исследователя, который проводит длительный период времени ... проживая среди людей, которых он или она изучает...» (Aull Davies 2008: 77). Отношения с участниками исследования зачастую очень запутанные и эмоционально сложные, их выстраивание и поддержка требуют не только «рефлексии», но и постоянного эмоционального труда. С одной стороны, командные исследования помогают ученому справиться со своими вопросами и сомнениями, с другой стороны, этот метод может ограничивать пространство личной рефлексии. Усложняют исследовательский процесс дополнительные типы отношений, с

¹ Часть этих вопросов была рассмотрена автором в главе «No right to remain silent? In search of equality in the field» (Omel'chenko, E., Pilkington, H. and Garifzianova, A. (eds.) (2010) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*, London and New York: Routledge, p. 189-200).

² В фокусе анализа данного проекта была компания молодых людей, идентифицирующих себя как наци скинхедов. Проекты: «Субкультуры и жизненные стили» (НИЦ «Регион» УлГУ, поддержка Европейского сообщества 2006-2009). География – Санкт - Петербург, Воркута, Сочи. Методы – включенное наблюдение, глубинные интервью, видео съемки; Ряд исследовательских находок и, прежде всего, используемая методология и полевая этика, стали ключевыми при разработке программ и инструментария последующих проектов, и прежде всего: «Новые молодежные движения» и «Молодежные солидарности в локальном и глобальном контексте: экономика, политика, культура» (Центр Молодежных Исследований НИУ ВШЭ (СПб) в 2009-2011 гг. при поддержке ЦФИ НИУ ВШЭ). География – Санкт-Петербург, Ульяновск. Методы – опрос, глубинные интервью, фокус -группы, кейс-стади, включенное наблюдение.

которыми необходимо работать (исследователь - исследователь, «другой» исследователь – участники исследования). Это может привести к новым проблемам, когда написанный текст должен вызывать доверие не только со стороны тех, кто это будет читать (в том числе и информантов), но и со стороны коллег исследователей, которые уж точно знают больше про конструирование «себя». Однако проведенное исследование показало, что командная этнография помогает избежать фетишизации собственных рефлексий в полевой работе и рассматривать рефлексивность как постоянный процесс идентификации себя именно как исследователя внутри собственно процесса исследования.¹ Итак, в данной статье акцент будет сделан на эмоциональной работе и этических моментах коммуникации группы исследователей, работающих в жанре командной этнографии и ключевых информантов проекта.

Границы близости

Исследование проводилось в этнографических традициях, не удивительно, что к концу проекта между исследователями и информантами сложились близкие и доверительные отношения. Поддержание такого уровня близости требовало от всех участников исследовательской коммуникации большой эмоциональной работы. Чтобы преодолеть барьеры недоверия и неравенства, следовало выстраивать отношения, сравнимые с повседневными практиками, привычными для этой компании. Не просто декларация равенства, но стремление поддерживать баланс отношений означает признание за информантами равного с нами права спрашивать и «исследовать» нас. Тон общения, который был задан с самого начала, привел к неожиданным эффектам. Наши собеседники настойчиво ждали от нас «чего - то еще», и любыми способами - проверки, эксперименты, провокации, демонстрация привязанности и симпатии - переворачивали формат исследования. Они становились актерами, помещая нас в позицию зависимых. Проблемы выравнивания баланса между включенными субъектами остается одной из самых острых, провоцирующих критику и сомнение в искренности и достоверности получаемой информации. Как бы мы ни пытались приблизить исследовательское общение к, что называется – обычному, «человеческому», эти вопросы остаются открытыми.

Если в проживаемом «вместе» кусочке жизни обе стороны равны, тогда они обладают равным правом *задавать вопросы*. Это простая и почти очевидная мысль только теоретически выглядит не требующей доказательств. Практически же это невыполнимо. Неравенство остается².

Стремление понять жизненные логики и стратегии друг друга, мотивации выборов и отказов, принятия и сопротивления, согласия и

¹ См. H.Pilkington “ Does it have to end in tears? Reflexivity and team-based ethnography” (Omel’chenko, E., Pilkington, H. and Garifzianova, A. (eds.) (2010) *Russia’s Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*, London and New York: Routledge, p. 211-224).

² Существует достаточный корпус академической литературы, посвященной социологической этике. Часть работ непосредственно обращена к социологическому образованию, другие посвящены обсуждению господствующих этических принципов и их критике. Подавляющая их часть принадлежит зарубежным ученым: Back 2007; Blackman 2007; Mauthner, Birch, Jessop et al 2002; Kleinman, Copp 1993; Kvale 2007; Omel’chenko, Garifzianova 2009; Omel’chenko, Pilkington, Garifzianova 2010; Pilkington 2010; Pratt 1986; Rose 1990; Walcott 1995; Веселкова 2000; Доброштан 2004; Кижеватова 2005; Омельченко 2004, 2008 (а,б).

протеста было обоюдным. Наши миры были далеки друг от друга, но мы реально желали понять наших информантов, выбравших свои пути, наше желание было искренним и настоящим. Это чувствовалось и не могло не порождать ответной симпатии и интереса.

Статья преимущественно построена на материалах разговоров со Славой – одним из ключевых информантов исследования¹. Выбор этого информанта объясняется плотностью нашего общения, именно в разговорах с ним затрагивались ключевые «болевые точки» профессиональной этики социолога. Особенности разговора со Славой во многом определялись его личностными характеристиками и человеческими качествами, прошлым опытом и габитусом, его особой вовлеченностью в наше исследование².

Что остается после социолога?

Спорными и открытыми остаются важные методологические вопросы: насколько верно была выбрана нами исследовательская стратегия? Может быть, стоит признать, что никакого равенства в исследовании быть не может? Не слишком ли мы любимея своими пост полевыми переживаниями, празднуя профессиональную чувствительность? Эти и многие другие вопросы остаются эмоциональными спутниками всех полевых исследований и аналитических размышлений. К концу исследования нам хотелось понять, не «испортили ли мы поле», «испортили ли мы кому - то жизнь»?

Ответы информантов сводились к двум идеям: первая - жизнь мы не испортили, но значительные сомнения внесли; вторая – ничего мы не испортили и вообще ничего про них не поняли. Слава говорил, что он очень привык к нам, и не только к вниманию к себе, но и работе с нами, потому что он реально считал, что самым активным образом нам помогает³:

Остается...ну что может остаться от социологов, конечно же воспоминания, те же, привыкания..., общаешься же с вами, в основном.... человеческий организм постоянно к чему-то приспособливается к чему-то адаптируется, правильно да? вот А. уехала, стало тяжеловато⁴. Я так думал, что может быть сейчас позвонить, потрещать, может быть погулять и все, и этого хватило бы... Здесь с вами идет постоянный задрочь, я серьезно, в чем задрочь? Ну в том, что мы встретимся, мы не встретимся, интервью надо...

¹ Концентрация внимания на Славе не означает, что все размышления этой статьи построены исключительно на разговорах с этим информантом. Но именно в этих беседах наиболее ярко и эпатажно выразились самые важные вопросы плотного взаимодействия исследователей и информантов при включенном наблюдении.

² Не только мы, но и сам Слава называл себя – «информант со стажем». Его отличали особый тип человеческого любопытства – к поиску себя, к понимаю, того, что происходит, к новым людям – вполне социологические качества. «если честно, я тебе могу сказать, я себя не понимаю, и что мне больше всего в себе нравится, это мое непонимание с самим собой. Моя не дружба самим с собой. Вот это самая главная тема. Вот, знаешь, многие люди дружат сами с собой, а я –нет...».

³ Слава рекрутировал информантов, помогал формировать нам доверительную репутацию, очень много времени проводил с нами. Его большое желание поработать социологом и «нарыть нам море информации» – только отчасти были бравадой.

⁴ Ключевыми исследователями в данном проекте были А.Гарифзянова, О.Доброштан, Э. Ариф, которые приезжали в поле, для проведения включенного наблюдения на протяжении 2003-2007 гг. Дважды на к ним присоединялись Хилари Пилкингтон и Елена Омельченко для проведения видео съемок и повторных глубинных интервью, а также обсуждения первых результатов проекта.

надо сделать это, надо сделать то. Я не знаю, если бы я был, сука, социологом, я бы делал это все таки по сучьему, так клево бы для всех, просто не знаю...»

Андрей¹ же считал, что мы никак не повлияли ни на него лично, ни на компанию. Он в целом был довольно критично настроен к исследованию и нашему вниманию к компании. Не исключено, что он ревновал нас, поскольку мы общались не только с ним, удивляясь, что кто-то еще, кроме него, может вызывать к себе интерес:

У меня к тебе вопрос: вот зачем вы нам, скажи? ... мы-то вам нужны, это понятно, мы для вас источник информации. А вот вы нам зачем? Мы живем своей жизнью... Да никак вы не влияете. Для нас это просто прикол. Вы типа нас изучаете, а мы – вас. Вот собираемся когда – обсуждаем, прикалываемся. Ну, просто, как сказать, развлекуха такая – и все. Нее..., ну интересно конечно, новые люди и все такое, но менять? чего менять? нет, ничего вы не меняете, да и не можете...

Андрей постоянно стремился перевести исследование, или хотя бы беседы с нами в русло равноправных (в его контексте) дискуссий и логики. Настаивал, что он не меньше нас, социологов озабочен ситуацией в стране: *«я говорю, что меня волнуют не только мои личные корыстные проблемы, чтобы мне было сухо и тепло. ... Вот вы социологи, вы для чего ездите, изучаете? Я конечно не социолог, не поставлю на один уровень с вами себя. Но в тоже время меня тоже волнует, куда наша страна катится, почему это происходит. И по мере каких-то своих возможностей я пытаюсь это изменить»*. Он пытался доказать нам своего рода профессиональную близость - *«для меня скинхед – это как профессия»*. Критическое отношение к нашей профессии в целом и к нам в частности он объяснял тем, что мы допустили, по его мнению, непростительные профессиональные ошибки. Для этой критики были основания, на первых этапах мы действительно больше внимания уделяли субкультурной идентичности членов компании, а не им, как личностям. Во многом более напряженный и с его стороны агрессивный характер разговора с нами определялся личными особенностями Андрея и его позицией в группе.

«Я с вами стараюсь вести, так сказать, дискуссию... слушать вы можете кого-то другого. Но уж точно не меня. Я с вами веду дискуссию, и я надеюсь она немножко равноправная. ... смущает, когда люди начинают первым делом спрашивать: ты скинхед? И все, у вас все вопросы были фактически по теме скинхедства».

Андрей доказывал нам, что таким образом мы упускаем что-то очень важное – *«грубо говоря, мой мир... какой-то мой человеческий фактор»*. С одной стороны, он пытался закрыть от нас свой эмоциональный мир, с другой, как видно из разговора – испытывал глубокую потребность высказаться. Следует признать, что с ним у нас особых доверительных отношений не сложилось...

¹ Андрей - это второй ключевой информант, лидер исследуемой компании.

Социолог - сука или презерватив?¹

Оба термина по отношению к нам использовал Слава для характеристики своего видения нашей профессии и того, чем мы реально занимаемся.

«Сука социолог» - в его контексте, это такое представление об исследователе, который до всего докапывается, везде проникает, от него не отвяжешься (не отделаешься) просто так.

« социолог, что-то такое непонятное, сука, это слово социолог.... Я социолог. Ты социолог? Ага, понятно, что ты хочешь? я всем говорю – репортер. Все такие: а, понятно, репортер. Вас лучше репортер назвать, чем социологом... И все такие, не сильно обращают, ну социолог, социолог, че хочет? Да там, суки заебали, ладно завтра разберемся».

Презерватив – это слово Слава относил к характеру использования нами информантов. Несмотря на шуточный тон, за словом скрывалась обида на потребительский подход к общению, на то, что наш интерес к ним ограничен задачами исследования, и, соответственно, вся близость и доверительность - временные, пока они нам нужны. А после решения задач (использования) они, как презервативы, забываются и выбрасываются, как нечто ненужное и даже физиологически неприятное.

В одном из разговоров Слава сказал, что ему не нравится слово *«информант, потому что это - то же самое, что презерватив»*. Нам это показалось обидным, потому что мы воспринимали общение, как что-то неформальное, близкое и доверительное. В разговоре участвовало трое исследователей. Мы хором начали убеждать Славу, что он не прав, что именно ему мы уделяли больше всего внимания, больше всего говорили и думали о нем. Настаивали на том, что наш профессиональный подход существенно отличается от стереотипов, пытались доказать, какие мы на самом деле «хорошие и порядочные социологи...». В ходе разговора мы вышли на вопрос оплаты информантов. Этот аргумент был явно лишним: *«А..., у вас социологи и платят еще, у вас социологов, что за отношение вообще? Это проститутки уже какие-то. Я лучше уйду короче. Я не буду проституткой, лучше я буду презервативом, чем проституткой. Seriously...»*.

Слава достаточно уважительно относился к нам по-человечески, но был не очень высокого мнения о нашем профессионализме. Разговор о презервативе заканчивается так:

«И: Так тебе все равно, что ли?»

С: ... не то что без разницы, но, в принципе, сколько вы нас видите, сколько мы вас видим, вы такие же презервативы для нас, как и мы для вас, по факту, просто вы приезжаете к нам, вы у нас берете, а мы вам даем. Понятно да? Интересно, да? Мы те же, мы одинаковые с вами...»

Обращают на себя внимание две особенности используемых для нас имен: первая – в обоих терминах ярко проявляются сексуально - гендерные коннотации и прямые указания на особый режим нашего общения. Мы – женщины, они – мужчины, мы – суки, они – презервативы. Мы добились всего, чего хотели, они, после использования, оказались ненужными и выброшенными. Однако то, что диспозиция более сложная

¹ Я вынуждена воспроизводить аутентичную лексику информантов, поскольку это важно для передачи не только речевых особенностей взаимоотношений в исследуемой компании, но и передаче смысла исследовательской и личной коммуникаций.

доказывается последней фразой: мы с ними - одинаковые. Вторая особенность – это проявившееся с нашей стороны откровенное за/подигрывание. При чтении транскриптов длинных разговоров (не могу назвать их интервью), особенно заметными становились наши провокации информантов на экстремальные высказывания и даже откровенная лесть: *«И: Если бы тебя (Славы) не было, то и этого поля не было бы».*

С определенной долей юмора к особенностям нашего общения можно отнести и бесконечные посиделки с информантами. С одной стороны, очевидно, что питейные практики – часть, причем значительная, повседневности компании в том ее варианте, который мы застали к последнему этапу.

«С.: вот реально, когда вы приезжаете, почему-то мы начинаем пить, вся кампания резко начинает пить (смеются).

И.: Ну это эффект социологический

С.: Это какой-то непонятный социологический эффект. Это серьезно, вся кампания, просто все начинают пить. Резко...».

Эта цитата не случайна, вряд ли можно утверждать, что мы совсем не повлияли на интенсивность жизни наших информантов в целом, и специфических культурных практик – в частности. Эта цитата интересна не только курьезностью ситуации, здесь в емкой форме отражается условность границ пространства исследования, амбивалентность ситуаций, которые могут быть прочитаны и проинтерпретированы в зависимости от исследовательской парадигмы. В ходе последних этапов проекта, когда работала целая команда, каждую ночь у нас начинались долгие беседы, дискуссии, импровизированные семинары. Они были единственным способом проверки себя и друг друга на «правду», на понимание смысла того, что происходит, профилактикой профессиональной идентичности и просто взаимной помощью. Мы полагали, что ведем себя естественно, и что это самое важное свидетельство профессиональной искренности и ответственности.

Быть или не быть... социологом

В разговорах о нашей профессии сам собой возникал один из ключевых вопросов профессиональной повестки дня – возможна ли понимающая социология? Если проекты объясняющей и предсказывающей оказались частично дискредитированы, то в чем же социологическая миссия? А может информанты были правы, и речь идет лишь о более изощренной форме власти? Переходя допустимые границы приватности (и при этом, до последнего оберегая свое пространство), мы проникаем в важные для человека тайники памяти (случившегося), становимся свидетелями того, что происходит здесь и сейчас, делая собеседника уязвимым и зависимым. Вот пример из очередного разговора Славы с исследовательницей о социологической профессии. Он настаивает, что незачем стремиться понять его, он и сам себя не понимает: *«Чтобы меня понять надо хотя бы наверно ну минимум 22 года со мной жить».* Исследовательница реагирует, что тогда «социология или профессия социолога просто бессмысленна».

Р.: Да не сможешь ты меня понять. ... я сам себя, говорю, не могу понять. Вот подожди, ты расскажи, ... ты как социолог, тебе вообще нравится работать социологом? Ты реально. У тебя повадки

социологические. А можно я здесь сфотографирую? А можно на диктофон?

И.: Меня так научили.

Р.: Это тебя так научили? Блин. Я реально, я, а у вас там Нобелевские премии есть, да?

И.: Нет.

Р.: Нет Нобелевских премий? Ой. Я наверно такие феньки тут врубил бы у вас. Чёрт».

На прямой вопрос - хочет ли он сам быть социологом, Слава отвечает – «*Нет. Мне хотелось бы просто бы тупо зарабатывать деньги на этом*». Мы ему каждый раз пытались объяснить, что на этом деньги не заработаешь.

И тут, на мой взгляд, Слава проговаривает основной свой мотив, видимо именно то, что его лично больше всего привлекает и удивляет.

«мне нравится тупо общаться с людьми, а социологи должны общаться с людьми. ...Общение с людьми постоянное. ...Да? Ну и всё, если я общаюсь с людьми, значит я социолог? Считай ты уже социолог, да? Я постоянно узнаю каждого человека психологию и долблю его через эту психологию. Будь здорова! Живи богато! Дай Бог свидимся! И серьёзно. Я через эту социологию, понимаешь? через эту социологию пытаюсь как-то выдолбить, трахнуть человека на смерть».

Слава считал, что быть социологом – значит испробовать все в своей жизни, и не раз предлагал поработать для нас социологом и «принести» нам огромное количество любой информации. Насколько это желание серьезно – судить сложно. Можно сказать лишь одно – период такого плотного, близкого общения помог нам собрать богатый материал, и, вместе с тем, породить много мифов и предубеждений относительно того, чем мы занимаемся.

Друзья, родственники, любовники или собутыльники?

Что было между нами?

С одной стороны Слава говорит, что «родными нас не назовет», но близкими людьми - точно, с нами можно поделиться, рассказать о себе то, что другим не расскажешь. Поскольку по его словам – он всегда говорит правду (и очень уважает себя за это), то он бы точно не стал с нами общаться, если бы мы ему не нравились.

«А социологи - приобщились вы к нам, ближе стали и все. ... Внедряетесь. Мы психологически атакованы практически, вы подвязанные, такие, психологически, суки. Психологически подвязанные суки... А я реально вот серьёзно могу сказать, я о вас не вспоминал, но в тоже время я о вас так вспоминал! Мне так вас не хватало...»

Славе очень нужно было понять, действительно ли он так важен для нас, внимание к нему - это временное явление, или у нас действительно уже общая «история»?

«А подожди, у меня вопрос, как ты сказала - в регионе¹ все знают? То есть меня знают не только ты и какая-то, не знаю там человек?... помимо вот вас тут (и Оли) ещё знает кто-то из регионовских, знают?»

¹ Имеется в виду НИЦ «Регион» УЛГУ.

Это не было вопросом конфиденциальности, скорее, наоборот, для него важно было понять, какой статус он приобрел в проекте – как для нас, так и то, как это повлияло на отношение к нему рабочего коллектива.

Вопрос о том, кем мы друг другу приходимся, волновал всех. Исследовательницам могло показаться очень обидным, что информанты называли нас «временными» или «одноразовыми» друзьями. Мы стремились к большей близости, нам тоже хотелось, чтобы нас понимали, причем, чем дальше и ближе мы общались, тем более значимым для нас становилось их отношение к нам как к людям, а не только как к социологам.

Так, например, довольно часто и конфликтно обсуждался вопрос о роли и месте эмоций в поле, излишняя эмоциональность и чувствительность одной из исследовательниц осуждалась, как проявление не профессионализма.

Плотное ежедневное общение, долгие часы, проведенные вместе, общие дела не могли не привести к реальной привязанности и вместе с этим - стремлению узнать друг о друге как можно больше. Сошлюсь лишь на один пример записанного разговора с исследовательницей. Слава просит А. рассказать ему «секретно-жизненно-личное». Ему интересно все, *«вплоть до того, когда у тебя было в первый раз и во сколько лет ... Вплоть до секса. И.: Тебя только секс по-моему интересует... С.: Нет, нет. Я говорю вплоть до секса. Мне вот интересно всё, вплоть до этого»*. В ответ она сказала, что ей тоже интересно все знать о его жизни, вплоть до «первого раза», кого он любил, с кем встречался... В этот момент Слава смутился и заметил, что это будет уже не интересно, *«тупо личная моя жизнь уже пойдёт. Ну а так это вообще будет, это не нужно для интервью уже.... Это не в тему»*. После этого стало ясно, что личными вещами он интересуется «без диктофона», отметив, что по сравнению с прошлым годом он «обгрейтился». В предыдущий приезд он, по его словам, не очень серьезно отнесся к исследованию, не чувствовал еще себя реально вовлеченным в процесс, а потом подумал, что *«обо мне все узнали, а я здесь где-то, я вообще по-по-пописать вышел? Или где? Я не понял. Чё за собака гавкает? Чё-то знаешь типа такого. Не знаю. Аха. Потяфкала и убежала типа такого в пустое. Вот и я так...»*.

Этот разговор служит хорошей иллюстрацией того, насколько плотно переплелись исследование и личные отношения, подпитывая и подогревая друг друга.

Что же так завораживало, чем привлекала их наша профессия? Может быть необычным графиком (поездки, командировки, суточные, хорошее оснащение), или их представлением об исследовательской власти? Что мы, благодаря профессии, получаем пропуск в чужие пространства, что мы наделяемся неоспариваемым правом спрашивать, и требовать ответа, а главное – владеть потом информацией и знать что-то очень важное, например то, что может сделать их слабыми и беззащитными. Вероятно, поэтому им периодически хотелось проникнуть дальше формальной рамки, сделать то же самое и с нами. А именно: задавать вопросы, чтобы мы отвечали, причем отвечали обо всем, о самом сокровенном и даже тайном... Чаще всего нас спрашивали – почему именно к ним такой интерес? Когда наше общение вышло за рамки стремления понять субкультурный выбор, и внимание в большей степени было обращено к их биографии, семейной истории - стали

возникать симпатии, привязанности, а вместе с ними - обиды, выяснения отношений, ожидания большего...

Исследование, как гендерный разговор

Компания, которую мы изучали – агрессивная мужская компания, с ярко выраженным и поддерживаемым патриархатным гендерным режимом. Мы не раз обращали внимание на противоречия телесных репрезентаций в компании – не проговариваемая, но проявляемая чувственность, эмоциональность, откровенная телесная близость мужчин в компании были, по крайней мере, на наших общих «посиделках», одним из ключевых моментов их взаимодействия друг с другом¹. Противоречивым было и их отношение к участию женщин в движении. Из разговора с ключевым информантом:

«Инф: Вот ты, Лена, ты же не просто исследователь, ты же не бесполое существо, так? Ты – женщина, конечно для меня это важно. Вот почему вы тут все к нам приехали женщины? Вот был бы пацан, мужик, вот он бы точно больше всего тут нарыл. Ну как – я бы его без проблем везде таскал, я бы его в такие места водил, он бы вам такую информацию насобирал...».

Слава искренне считал, что ситуация была бы другой, если бы приехал мужчина-исследователь. Все было бы проще, без излишних сантиментов. Социолог – не бесполое существо – этот тезис был, пожалуй, вторым по частоте употребления после сука-социолог. То, что мы не бесполое существа и воспринимали наши беседы вне формальных рамок исследования, иллюстрируется и особыми реакциями на вопросы информантов о возрасте и семейном положении каждой из нас.

И1 а А. говорила сколько ей лет?

С.: Да. говорила

И2.: а зачем ты нас спрашиваешь?

С.: я именно вас сейчас спрашиваю, такой социологический вопрос.

И3.: я могу сказать, сколько мне лет... Как ты думаешь, сколько мне лет?

С.: я тебе не дам ничего, я уже не могу думать ...

И3.: нет, ты предположи просто, а я тебе потом скажу

С.: Ну, где-то 28

И3.: так и есть

С.: Не бесполое вы люди. У всех есть чувства, вы же все равно сюда приезжаете, у вас же все равно что-то появляется в душе, у каждого человека так. Но, блин, отношение этого презерватива, респондента, знаешь, это все равно, ну, дам я тебе, знаю много людей, которые, ну, дал, все. А когда чуть ближе, чуть дольше начинаешь с этим общаться, ну как...».

¹ Омельченко Е. «Парадоксы жесткой маскулинности: гомоэротика + гомофобия = мужская солидарность? (случай скинхед сообщества)» доклад на конференции «Гендерные политики в России в 21 веке: молодежь и телесность» (Гардарика, Карелия, 23-28 июля 2011) В рамках проекта «Между дисциплиной и экспериментом: телесные режимы молодежи в повседневной жизни в современных российских социально-экономических условиях». (Проект № 11-04-0038, Научный фонд НИУ ВШЭ, 2010-11, руководитель Е.Омельченко)

Информанты искренне интересовались нашими семейными положениями – мужа, дети, друзья, многие недоумевали, как мы – женщины так надолго уезжаем из семей, стремились проследить наши биографии по Интернету, важно было понять – насколько мы известны, какая у нас профессиональная репутация, какие книги и статьи мы написали...

Сомнительные ситуации

Подобных ситуаций было достаточно много. Может показаться, что о подобных моментах не стоило бы писать, но мне они представляются важными для понимания атмосферы исследования. К ним можно отнести шутки «на грани» и наши реакции на них, уроки нецензурной лексики, флирт и кокетство исследователей, обман и развод на деньги, выпивку, наркотики, эксперименты и проверки...

С одной стороны уроки нецензурной лексики могут показаться довольно странным и сомнительным способом завоевания доверия и создания «своей» атмосферы. Однако с другой стороны - мат в исследуемой нами компании - не что-то исключительное, а повседневный словарь общения и эмоций. И в этом смысле – не зная, не понимая нюансов используемых информантами матерных слов очень сложно проникнуть в смыслы речевой коммуникации. Разговаривая о значении мата два информанта, исследователи приходят к выводу, что без этих слов они просто не смогут общаться, потому что будет непонятно и неинтересно:

«С: самое главное – в окончаниях... мат уже не знаю, ну тяжело без мата. А знаешь, кто матом учит? Даже не те же сверстники, в основном родители... мне было два года, отец рассказывал, он старался при мне не материться, когда я родился. Он меня несет в садик, ему на работу, поскользнулся тоже, в сугроб воткнулся рожей и произнес слово блядь. Через неделю в садике, купил мне новые сандалеты, я застегиваю их, голову поднимаю – блядь, никак не получается. Папа говорит, я встал в шок... Мы же все выпитываем с кровью, с молоком мамки, все наши маты...P2.: И с матом папки, да...».

На просьбу исследовательницы объяснить, как будет «на матном» - клево, она получила целый набор «синонимов»: *«Пиздато, заботельски, охуительно, заебись, просто пиздец... И.: Как мне это понимать? С.: По контексту надо смотреть...»*

Мат мог использоваться для доказательства и демонстрации особых качеств: *«у меня ебинячая сила воли. ... Вот я вот сказал, вот хуй ... Я это сделал. Всё. Вот что называется ебинячая сила воли».*

Сдерживание негативных эмоций или игра не по правилам¹

Впечатления от «поля» поставили под сомнение некоторые постулаты профессиональной этики социолога. Наш проект проходил в несколько этнографических этапов, с дистанцией в год. К последнему периоду, большая часть компании распалась, как такового скин сообщества мы не обнаружили. С определенной долей юмора можно отнести этот явно позитивный (в гражданском смысле) результат к

¹ Подробнее об этом: Омельченко Е. Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии. /Антропологический форум. N 86 2008. с 82-91.

нашему исследованию. Сложно определить, насколько на наших информантах отразились долгие беседы вокруг национальных чувств, возможно ребята просто выросли, сказать сложно¹. Почти половина компании ко второму этапу исследования – уехали в другие города, часть - «ушли в личную жизнь»: новые гел и бойфренды, одна пара за этот период успела создать семью. Кто-то решил вообще «завязать с движением». По мнению одного из лидеров компании, сохранившего свою скин идентичность, *«оказалось, что многие бывшие друзья перепугались развернутой пропаганде в СМИ, ну и новым законам ... (речь идет о статье 282 ч.1 УК РФ «возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды – прим. автора)... причины то они могут говорить разные, но я уверен, что просто испугались. Так что никакие они не скины, просто тусовались и все».*

Столь высокий уровень интереса и внимания, какие проявляет исследователь к информантам в процессе включенного наблюдения – не из обыденной жизни. Какой бы закрытой, и даже конспиративной компания ни была, редко, кто остается абсолютно индифферентным к постоянному и (если исследователь работает профессионально) – заинтересованному, не любопытствующему в обывательском смысле, бескорыстному вниманию.

Очень сложно было вести непринужденные диалоги, когда речь заходила о причинах расовой/национальной нетерпимости, выслушивать аргументы информантов, рассказывающих о фактах открытой агрессии по отношению к другим национальностям. Нам не приходилось демонстрировать полное понимание и разделение, исследовательская легенда не требовала изображать из себя «приверженцев идей национал социализма». Характер общения с информантами, уровень доверия к нам, позволял сохранять в определенной степени отличающуюся позицию. Мы не вступали в открытые дискуссии, но и не демонстрировали согласия, что выглядело бы неестественно. Мы всячески подтверждали свой интерес к мыслям и чувствам наших собеседников, что было правдой. Свои собственные позиции по обсуждаемым вопросам, взаимную психологическую и интеллектуальную терапию мы оставляли для ночных бесед.

Разные жизненные миры - разные компетенции

Этот момент коммуникации был невероятно сложным, пожалуй, одним из самых критических. Разница в уровне компетентности, жизненном опыте, обусловленных не только возрастом (хотя и им тоже) или научной степенью², но, прежде всего, жизненной позицией. Приходилось преодолевать в себе самые разные социальные навыки и

¹ Наши информанты оказались более проницательными, чем можно было ожидать. Так, несмотря на то, что нашей легендой было «изучение разных молодежных компаний в разных уголках России», они сразу поняли, что мы изучаем их, как скинов, а вовсе не как «просто людей». В наших откровенных разговорах этот «очевидно корыстно-политический», интерпретировался информантами от объяснения нам, какие мы непрофессиональные социологи (мягкий вариант) – до «вы работаете на систему», в самом жестком варианте – «на ФСБ».

² Научные степени скрывать было бессмысленно. Наши информанты отличались высокой информированностью о нас и о нашем исследовательском центре. Они, как выяснилось, регулярно посещают наш сайт, читают новости, в том числе и о проводимых у них исследованиях. Они были в курсе наших научных биографий, читали наши статьи. Последнее особенно удивляло и вызывало уважение. К концу проекта они свободно говорили с нами и спорили о правильных и неправильных, с их точки зрения, используемых нами методов исследования, а также о тех выводах, которые мы делаем.

привычки общения: материнские (жалость), руководителя (авторитарность), учителя (дидактика, назидание, поучение), члена академической тусовки (научные термины, специфический юмор); легко и незаметно отказываться от культурных или потребительских привычек не полевой жизни – свободно реагировать и самой использовать сленг, нецензурную лексику, пить дешевое пиво и плохую водку, закусывая дешевым фастфудом, адекватно контексту компании реагировать на юмор, не вставать в позу в пограничных ситуациях. Эти ситуации могли быть крайне провокационными: ухаживания, употребление наркотиков, битье татуировок в виде нацистских символов, слем – специфический, достаточно агрессивный и травматический танец, ночные походы/проверки на «мужество», задушевные беседы на излишне личные темы, провокации эмоциональных взрывов, конфликты и драки между лидерами.

Так, например, достаточно сложно было понять и разобраться в своего рода телесных провокациях, которые не просто устраивали наши информанты, но и вовлекали нас в необычные перформансы. Публичные проявления дружбы и особого «мужского, телесного братства» и доверия могли принимать самые разные формы. Пережитая опасность провоцирует не только агрессию, но и нежность. Страх и ненависть к общему врагу, вместе с телесной близостью, неизбежной в ситуации драки (нападения или защиты), порождают взаимную привязанность и немислимую в других условиях немую психологическую интимность. Здоровое, красивое и готовое к атаке тело – это не только гарант личной безопасности, источник самоуважения, но и своего рода знак готовности физически доверять и доказательство права на доверие к себе. Контекст доверия в исследуемой компании особенно интересный фокус для анализа. Демонстрация своего тела друзьям – не только дань нарциссизму или намек на гомосексуальность, а телесное, интимное доказательство доверия. Показы своего обнаженного тела по форме могут выглядеть стебом или демонстрируемой издевкой над «гомосеками», но в то же время в них реализуется глубинная потребность в постоянных доказательствах (своих и чужих) в интимности, нежности, поддержке и доверии. Подобные практики могут принимать вид проверок или гомоэротических провокаций. Смысл происходящему исследователи вынуждены были придавать сами.

***Из исследовательского дневника
«практика приема общего душа»***

«Когда меня завели в душ, я выразила свое беспокойство по этому поводу. ... Они (двое информантов, один из них С – прим.автора.) сказали, что у них в душе здорово – забирайся к нам, и скинули полотенца. Я не знала, куда глаза деть. Пыталась сослаться на менструацию, но на них это не подействовало, они сказали – можешь в трусах залазить. Уйти у меня не получилось, я постояла, подумала и разделась. ... когда я первый раз приходила в зал, подумала: не знаю, что со мной должно случиться, чтобы я принимала в ЭТОМ душ, настолько во мне это душевая вызвала брезгливость. ... Они сидели на квадратном резиновом половичке, я уселась рядом, подтянула коленки к груди и поверх сложила руки. М. заметил мой пирсинг и попросил показать, я встала, прикрыв грудь рукой. Он сказал, что прикрывать

бесполезно, потому что все равно все выглядывает. Я убрала руки. Они сказали, что гантелька коротковата для моего тела. М. стал рассказывать о том, как они как-то бились с хачами. Попутно заметил, что это было в прошлом и уже не вернется, и закрыл тему. В этот же душ приволокли магнитофон – играло радио. Они немного поплясали под какую-то композицию, я воздержалась. Пляски представляли из себя энергичные прыжки – про себя я говорила им спасибо, что они ко мне спиной. Потом еще посидели под душем. Они сказали, что это только начало – теперь мы выбежим на улицу, и там будем валяться в снегу. Пробежали через весь зал, выбежали во двор дома, забежали за припаркованные машины и плюхнулись в снег – на улице было минус 20. Забежали в зал и сразу под горячий душ. Сидели, грелись. М. сказал, что завтра в 7 ему на работу вставать, времени было половина второго. Потом мы поливались из шланга, сидели под теплыми струями. Р. говорил, что для них это очень важно. Вот они вместе душ принимают, девушки с ними никогда не ходили, а я согласилась – это здорово. Снова сидели под горячей водой. Разговаривали про музыку ...»

***Когда задевают не вообще кого-то,
а твое собственное происхождение...***

Довольно критическим был момент общей дискуссии в компании, когда один из информантов не просто скептически, а довольно цинично, с издевательством рассуждал об базовых идеях христианской религии, в частности об основных символах веры. В тот момент, от жесткой реакции, меня спасла видео камера, которой я снимала очередной фрагмент исследования. Другой тяжелый момент был вызван дискуссией вокруг идеи «жидовского заговора», вызывающего у меня, как личности и у меня, идентифицирующей себя в силу ряда причин, с еврейским происхождением, резкий протест и тяжелую психологическую реакцию¹.

Особую остроту этическим моментам трудного исследования придавали фото и видео съемки и их последующие презентации. Этот аспект этнографического исследования, пожалуй, самый спорный. Вокруг этических ограничений использования визуальных документов существует широкая дискуссия. С одной стороны, визуализация стала одним из неотъемлемых атрибутов современной жизни, причем далеко не только молодежи, хотя для молодежи характерна в наибольшей степени. Создается впечатление, что право на реальное существование имеет лишь то, что запечатлено и показано на экране мобильного, монитора телевизора или компьютера. Форумы, блоги, социальные сети «одноклассников», «контактов», «друзей» и «Фанов» переполнены личными и коллективными репрезентациями. Все очевидней тенденция деаномизации присутствия, что говорит не только о росте потребности в самоактуализации, но и дефиците искренности и интимности в «немониторной», реальной жизни. Это не может не влиять на наше понимание допустимых пределов визуального вмешательства в жизнь информантов. Наши информанты тоже часто параллельно с нами снимали

¹ Этот сюжет имел для меня и позитивный эффект. Попав в пограничную ситуацию, я отчетливо поняла, что этничность – далеко не всегда только конструкт, и тем более - не только дискурсивный. Почему-то очень хотелось спросить: «А ты случайно не меня имеешь в виду? Я что, по-твоему – тоже участник заговора?». По крайней мере, хотя бы на время, я обрела отчетливую идентичность, ценности которой очень хотелось броситься тут же защищать.

друг друга и нас. Так, например Слава активно критиковал нас за излишнюю чувствительность в использовании техники:

«Вы постоянно: можно я фотографирую? Многие люди отмораживаются из-за вопроса самого. Я сколько раз отмораживался: нет, нельзя. Ну, а зачем? Просто берешь и фотографируешь. Зачем спрашивать «можно»?»

И: Ну, как если человек не любит фотографироваться

С: как это человек не любит фотографироваться. ... Ты думаешь если мы сейчас начнем фотографироваться, кто-то не будет? Она: ну, ну, ну... и все. Она сфотографирована уже на сто кадров... Это есть каждая система в человеке, это та же психологическая структура, я не хочу, я не сделаю. Ну, как ты не хочешь, если уже сделал это? Правильно, по сути дела?».

Сообщающиеся сосуды или сужающийся коридор?

Эмоциональная составляющая взаимодействия исследователей с теми, кто допускает их до себя, становится одной из актуальных тем современного социологического знания. Важно преодолевать упрощенно формальный подход к исследованию, учиться брать на себя ответственность за разделяемые принципы построения человеческих отношений, в которые мы вступаем в процессе исследования. Насколько мы сами толерантны, с каким собственным человеческим багажом привычек, ценностей, идеалов мы вступаем в коммуникацию? Несут ли в поле сами участвующие наблюдатели, присущие им ксенофобные, гомофобные и другие «фобные» настроения? Или мы заражаемся ими, включаясь в «напряженное» поле? Начинаем ли мы, может быть и незаметно для самих себя, разделять ценности информантов, проникаясь их аргументацией? О рисках для информантов, участвующих в исследованиях, говорится много, реже - о рисках для исследователей. Нужно ли выработать стратегию управления эмоциями? И как научиться использовать эмоционально окрашенное знание? Академическая среда подталкивает к вытеснению эмоций, социологическое письмо требует рациональности, но есть ли подходящий язык для адекватной передачи эмоциональной стороны исследования? Проблема риска близких контактов исследователя и информанта – не менее важна, чем вопрос о способах перевода эмоций в знание, страха потери объективности, отказа ученого от решения научной задачи ради практической помощи. Дело не только в том, насколько исследователю удалось не испортить информацию, а как информация влияет на исследователя – меняет его(ее) жизнь. Наш опыт показывает, что оставаться в том же состоянии, что и до поля не получается. Последствия могут варьироваться от не комфортных - до травма/драматических.

Реализуемый нами проект показал, насколько проблематична подобная модель командной этнографии. Несмотря на то, что в приведенных примерах отображена лишь выборка отдельных ситуаций из этнографического опыта, все вместе они иллюстрируют сильное давление на конструирование исследовательского «себя» в поле и повышенную ненадежность субъективности исследователя, которая производится в процессе столь разнонаправленной коммуникации.

Исследовательская команда, в нашем случае, состояла из ученых с разным уровнем опыта в полевых исследованиях, впрочем, как и в случае

с разными иными формальными и неформальными маркерами авторитета (возраст, институциональный авторитет, длительность и более близкое знакомство с респондентами, «местные», как противоположность «иностранным» исследователям и т.д.), подтолкнули или даже принудили каждого из нас к обострению субъективности. С одной стороны, мы, отчасти, переворачивали традиционные иерархии, позволяя молодым исследователям получить больше опыта в конкретном поле. И при этом, можно сказать, что пространство, в котором кто-то из нас делал собственные ошибки в поле, для одних было ограничено присутствием «начальства», а для самих «боссов», исследовательская свобода, в отличие от авторитета, была недостижима.

Используемые здесь примеры показали не только трудности само и командной рефлексии и полевых переговоров, усложнявшихся по мере вовлечения информантов в исследовательский процесс, но и проиллюстрировали специфику конструирования «себя» в поле, беззащитность и уязвимость исследовательских «я» в отношении манипуляций и игр со стороны информантов. Через использование нашей разности внутри исследовательской команды, информанты ставили под вопрос существующие иерархии власти исследователей и пытались переопределить ситуацию, получить право тех *кто* знает, а не тех *о ком* знают, быть субъектами, а не объектами исследования.

И, наконец, то, что было одним из ключевых сюжетов этой статьи: как быть готовыми самим отвечать на вопросы и отдавать хотя бы часть своей исследовательской власти? Оказывается, что обнаружение собственных эмоций – процесс очень болезненный. Какое-то звено оказывается лишним. Может быть то, что мы пытаемся смешать жизнь и работу?

Источники:

1. Веселкова Н.В. (2000) Об этике исследования/ Социс – 2000. – N 8. – С. 109-114.
2. Доброштан О. (2004) Стать скинхедом и остаться социологом: опыт погружения в другую культурную среду. В *Полевая кухня: как провести исследование*/Под ред. Н.Гончаровой – Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», стр. 109-119;
3. Кижеватова В. (2005) *Этика социолога – исследователя и консультанта: Учебное пособие.* – Ульяновск: УлГУ;
4. Омельченко Е. (2004) Как измерить поверхность Земли, или к вопросу о техниках триангуляции. В *Полевая кухня: как провести исследование*/Под ред. Н.Гончаровой – Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», стр. 157 – 173.
5. Омельченко Е. (2008а) Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии. /Антропологический форум. N 86, с 82-91.
6. Омельченко Е. (2008б) Исследователь - наблюдатель в ксенофобном поле: этика беспристрастности или профессиональное лицемерие? В сб. *Современная социология в поисках новых методологических подходов и методов исследования.* Сборник научных материалов всероссийской научной конференции. Самара, Издательство "Универс групп", стр. 249-259.
7. Aull Davies, C. (2008) *Reflexive Ethnography: A Guide to Researching Selves and Others*, London and New York: Routledge.
8. Back, L. (2007) *The Art of Listening*, Oxford and New York: Berg.
9. Blackman Shane J. (2007) '*Hidden Ethnography*': *Crossing Emotional Borders in Qualitative Accounts of Young People's Lives*. Sociology;
10. Mauthner, M., Birch, M., Jessop, J. et all (eds) (2002) *Ethics in Qualitative Research*. Thousand Oaks, CA: Sage;
11. Kleinman, Sh, Copp Martha A. (1993). *Emotions and fieldwork*: Sage;
12. Kvale Steinar (2007) *Doing Interviews*: .Sage;
13. Omel'chenko, E., Pilkington, H. and Garifzianova, A. (eds.) (2010) *Russia's*
14. *Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*, London and New York: Routledge;
15. Omel'chenko, E., Garifzianova, A. (2009) 'Skinheads - defenders of Russia? Power versus Friendship in Xenophobic Youth Subcultures' in C.Williams, E. Ramanauskaite, G.McKay, M.Goddard and N. Foxlee (eds) *Subcultures and New Religious Movements in Russia and East-Central Europe*, Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
16. Pilkington, H. " Does it have to end in tears? Reflexivity and team-based ethnography" in Omel'chenko, E., Pilkington, H. and Garifzianova, A. (eds.) (2010) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*, London and New York: Routledge, p. 211-224.
17. Pratt, V. (1986) 'Fieldwork in common places', in Clifford and G.Marcus (eds), *Writing Culture: The Poetics of Ethnography*, Berkley: University of California Press, pp. 27-50.
18. Rose, D. (1990) *Living the ethnographic life*. Newbury Park, CA: Sage;
19. Walcott, H. F.(1995) *The art of fieldwork*: Sage.

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Эмпирический анализ субъективных смыслов и самоидентификации представителей российского среднего класса

Денис Викторович Прохоров

Самарский государственный университет (Самара)

Дискуссии о том, существует ли средний класс в России и какова его специфика по сравнению с западными образцами, по сей день ведутся весьма оживленно. Это обстоятельство говорит о том, что средний класс был и остается довольно проблематичным понятием. Очевидно, что это понятие служит для обозначения большой или даже массовой социальной группы. Тем не менее подобные обозначения групп различаются по источникам своего происхождения и характеру своего отношения к реальности. Одни из них естественным образом «рождаются» из повседневного социального опыта и обозначают эмпирически легко различимые феномены; другие появляются в результате концептуально-теоретического, идеологического или даже мифологического осмысления действительности и тем самым относятся к разряду аналитических категорий, будучи предназначены не только для обозначения, но и для интерпретации явлений действительности. Не случайно в работах исследователей, посвященных современному российскому среднему классу, отдельное место занимает вопрос о методологических подходах к его изучению. В современной отечественной социологии можно выделить несколько основных подходов к проблеме исследования формирования и развития российского среднего класса, и каждый из них имеет определенные познавательные возможности¹. Мы остановимся на особенностях и результатах применения качественной методологии к изучению современного российского среднего класса.

Начиная с 2009 года автором данной статьи была проведена серия свободных интервью среди жителей г. Самары, которых по «объективным» показателям (если обобщить результаты исследований,

¹ См. подробнее: Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. / Г.Г. Дилигенский. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.; Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Наука, 2004. – 259 с.; Горюнова С.В. Средние слои и «средний класс» в современном российском обществе. // *Общественные науки и современность*. – 2006. – №4. – С. 58-68; Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: ИС РАН, 2007. – 320 с.; Балобанова Е.Г. Средний класс как объект исследований российских социологов. // *Общественные науки и современность*. – 2008. – №1. – С. 50-55; Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.; Прохоров Д.В. Социальная идентичность и границы среднего класса в социальной структуре российского общества: проблема операциональности категории в исследовании социально-политического и экономического развития современной России. // *Современные проблемы управления*. Выпуск 2: Сборник научных статей / Под ред. В.Б. Тасеева. – Самара: Издательство «Глагол», 2010. – С. 174-200. и др.

осуществленных в рамках количественного подхода) с большой степенью уверенности можно причислить к среднему классу.

Основная цель исследования состоит в эмпирическом анализе субъективных смыслов, вкладываемых в понятие «средний класс», а также в определении степени социальной идентичности с этой группой у представителей среднего класса г. Самары по объективным показателям.¹

Исследование показало, что большинство информантов относят себя к среднему классу, однако не безоговорочно. Среди факторов, сдерживающих у информантов осознание себя в качестве представителей среднего класса, можно выделить следующие:

1. рассогласованность критериев, по которым можно отнести себя к этой категории: *«Смотря по какому признаку. В финансовом плане полностью не могу, а в интеллектуальном, т.е. в плане образования и квалификации, профессиональном плане могу»* (муж., 55 лет, выс. обр., зам. нач. цеха, 27 тыс. р./чел.); *«Если исходить из совокупности критериев, то посередине – 5 место (по десятибалльной шкале – прим. автора). Если брать образовательный и профессиональный статус, то можно взять и повыше на одну ступень, если только материальное положение – то понижее...»* (жен., 30 лет, выс. и доп. обр., нач. отд. в круп. част. комп., 30 тыс. р./чел.)
2. отсутствие чувства стабильности своего социального положения: *«Средний класс – это стабильность, его представители должны продержаться даже во время финансового кризиса благодаря именно накоплениям, а поскольку у нас накоплений нет, то мы никакой не средний класс»* (жен., 24 года, выс. обр., нач. отд. круп. част. комп., 30 тыс. р./чел.);
3. выраженная дифференциация самоидентификации в зависимости от типа населенного пункта и региона проживания: *«И мне сейчас можно говорить с уверенностью только для своего города и непосредственно в то время, в котором я живу. ...И если говорить локально – о Самарской области – то я, безусловно, в зарплате, в статусе, в престиже работы, скорее всего, средний класс, потому что зарплата у меня считается нормальной, приемлемой, даже хорошей для нашего региона и для моего возраста. В нашем регионе я безусловно нахожусь где-то в среднем классе»* (муж., 26 лет, выс. обр., спец. част. комп., 35 тыс. р./чел.). Кроме того, в этом высказывании содержится указание и на предыдущий фактор: *«непосредственно в то время, в котором я живу»*.

В процессе исследования было выявлено как наличие, так и отсутствие положительной мотивации самоотнесения к среднему классу.

Анализ транскриптов интервью показал, что мотивация самоидентификации со средним классом определяется прежде всего осознанием подобия с представителями данной социальной группы и различия с представителями других слоев по ряду признаков. Так, представляющими позитивную ценность признаками представителей такой группы как средний класс для информантов являются:

¹ Под представителями среднего класса мы будем понимать людей с доходом не менее 25 000 рублей в месяц на каждого члена домохозяйства, имеющих образование не ниже среднего специального, выполняющих в качестве наемных работников задания, связанные преимущественно с интеллектуальным трудом, занимающих должности не ниже специалиста и имеющих, как правило, соответствующее должности определенное число подчиненных, либо имеющих собственное дело (малые и средние предприниматели). Данные показатели были определены на момент начала исследования (2009 г.)

1. Стабильность, уверенность в завтрашнем дне, определенный образ и уровень жизни (занимает первое место в этом «рейтинге» признаков): *«Это люди, которые защищены, которые ходят и исправно голосуют, у которых трое детей, две машины, они работают... Их родители спокойно сидят с медицинской страховкой, не болеют – все хорошо... они защищены и спокойны, и никуда не рвутся»* (жен., 24 года, выс. обр., нач. отд. круп. част. комп., 30 тыс. р./чел.);
2. Честно заработанное, достигнутое самостоятельно положение: *«[Представитель среднего класса] Это человек, который работает, стремится к чему-то и в материальном, и в профессиональном плане, так как наш мир, по-моему, устроен так, что все равно больше где-то 10% населения богатыми быть не могут»* (муж., 34 года, выс. обр., нач. отд. круп. част. комп., 35 тыс. р./чел.);
3. Эмос, основанный как на ценности индивидуального успеха, так и на любви к труду, взаимоуважении: *«- Какова должна быть иерархия критериев, по которому человека следует относить к среднему классу? - Первое – это воспитание. Должна быть привита с детства любовь к труду. Иначе ничего не выйдет. Затем любовь к своему делу. Затем уважение к людям, так как любое дело ты делаешь для людей и «на людях», и с людьми, поэтому успех в деле будет только тогда, когда выработано качество уважения к другим людям, уважение к обществу»* (муж., 57 лет, нек. выс. обр., спец. сред. част. орг., 25 тыс. р./чел.).

Отличительные особенности среднего класса находятся преимущественно в сравнении с «бедными» (нижний класс/слой) и «богатыми» (верхний класс/слой) – причем, сравнений с «бедными» намного больше и они более четко выражены: *«По сравнению с бедными средний класс может больше себе позволить – покупки, поездки, квартиру в ипотеку, обучение на более высоком уровне, а если сравнивать с богатыми, то даже не знаю... Пока уровня «богатых» я не достигла, а может, и не достигну – я ценю то, что у меня есть»* (жен., 33 года, выс. обр., специалист гос. предп., 40 тыс. р./чел.).

В целом информантам представляется уровень жизни массового западного среднего класса, который в интервью характеризуется как средний уровень жизни большинства населения, повышающийся при благоприятных социально-экономических и политических условиях. В высказываниях о массовости среднего класса звучит не только констатация, что «так есть на Западе» или «должно быть в России», но и тема социально ориентированного государственного управления.

Особое срединное положение исследуемой группы, положение, при котором очерчиваются и верхние, и нижние границы среднего класса, определяются в следующем высказывании через такой индикатор как «возможность выбора»: *«Если человек имеют такую финансовую возможность, которая давала бы ему право выбора на место проживания, медицинское обслуживание, образование детям... Если есть такая возможность выбора, значит, он - средний класс. Если есть возможность выбрать самое лучшее – это уже высший класс. Или, если нет возможности выбора, то это уже низший класс, то есть ниже среднего. Средний класс – это возможность иметь не самое плохое, чуть получше. Но, к сожалению, не самое лучшее. Поэтому он средний»* (жен., 55 лет, юрист мун. предп., 27 тыс. р./чел.).

Такой признак среднего класса как стабильность, вводимый самими информантами, очерчивает переход от чисто материальной оценки к зависимости между различными критериями выделения среднего класса, которая более явно выражена в обществах развитых стран и которая является «камнем преткновения» для формирования среднего класса в России. Стабильность – это твердая материальная, финансовая основа «достойного» уровня жизни, которая, в свою очередь, сама зиждется на профессиональной состоятельности и на перспективе профессионального роста. Кроме того, материальная составляющая в субъективных смыслах категории «средний класс» понимается как показатель массового достаточно высокого уровня жизни, обеспечиваемого целенаправленной государственной политикой, а также как показатель общественного согласия.

Следующая совокупность субъективных смыслов понятия «средний класс» относится к особым мировоззрению, психологии и этосу. Основные ценности, характерные для представителей среднего класса – это трудолюбие, любовь к своему делу; взаимоуважение, «взаимовежливость, уважение к обществу»; размеренный образ жизни, гармоничное сочетание работы и отдыха; индивидуализм; профессионализм, нацеленность на саморазвитие. В то же время в интервью встречается более скептическая позиция, указывающая на желательность постоянно повышающихся образования, культуры, профессионализма у представителей среднего класса, но вместе с тем признающая, что в реальности многие люди достигают определенного уровня и не стремятся развиваться дальше («довольны тем, что имеют»).

Как мы видим по базовым данным информантов, чьи высказывания используются в тексте, их доход варьируется в диапазоне 25-40 тыс.р./чел. Это, конечно, не значит, что 40 тыс. рублей на одного человека в месяц мы считаем «потолком» для определения всего среднего класса – здесь скорее речь идет о «нижнем» среднем классе, который в западных странах является наиболее массовым, но уже не о слое «бедных». В связи с этим среди информантов наблюдается одновременно стремление закрепить достигнутое положение и еще выше подняться по социальной лестнице – в зависимости от возраста информанта между этими двумя интенциями и ставится основной акцент.

Отсутствие мотивации и значимости самоидентификации со средним классом объясняется тем, что такое понятие как «средний класс» мало что говорит информантам и, следовательно, они не рефлексируют на эту тему. Можно сказать, что в большинстве случаев информанты только в процессе интервью первый раз задумались над тем, как назвать свое положение в терминах социальной стратификации, и основным выводом исследования является признание того факта, что *бедными, нищими* себя они назвать уже не могут, но этого недостаточно для того, чтобы увидеть *позитивную ценность* идентичности со средним классом. Достаточно точно вышесказанное характеризуют следующие слова: *«Мне вообще не важно, к какой категории себя относить или к какой категории меня кто-то относит. Хотя, конечно, никто не хочет быть бедняком и никто не хочет себя причислять к этому. Понятие «средний класс» весьма и весьма расплывчато...»* (жен., 47 лет, выс. обр., спец. нотар. конт., 30 тыс. р. / чел.). Отсутствие видимых преимуществ самоотнесения к среднему классу объясняется еще и тем, что социально-экономическая ситуация в

современной России не позволяет этой положительной мотивации закрепиться в сознании людей, т.е. наблюдается *«отсутствие уверенности в завтрашнем дне: если полтора года назад (на конец 2008 года – прим. авт.) такая уверенность появилась, то сейчас она в который раз рухнула, так что можно сказать, что сейчас живем практически одним днем»* (муж., 55 лет, выс. обр., зам. нач. цеха, 27 тыс. р./чел.). Вместе с тем наряду с такой постановкой вопроса наблюдается и другая – нежелание рефлексивно закрепляться в качестве представителя среднего класса из-за более высокой достижительной мотивации. Кроме того, в интервью присутствует утверждение, что средний класс – есть некая «объективная данность», очевидный факт, не зависящий в своем существовании от субъективных оценок, и потому нет никакой необходимости человеку осознавать себя средним классом.

Анализ транскриптов интервью выявил также, что более «оптимистичную» оценку своего положения, более уверенную идентичность со средним классом проявили информанты, уровень жизни которых за последние несколько (примерно 5-7) лет заметно и даже качественно изменился в лучшую сторону – в недалеком прошлом они сами и члены их семей принадлежали к нижнему слою, к «бедным». Так, в проведенных интервью можно выделить ситуации, когда информант переехал из села в Самару и устроился на работу в крупную организацию, где начал продвигаться по карьерной лестнице (жен., 30 лет, сред. спец. обр., бухгалтер круп. част. комп., 35 тыс. р./чел., начинала с должности учетчика в той же организации) или когда информант – выходец из рабочей семьи, сильно снизившей свой уровень жизни в 1990-х годах, получивший высшее образование и устроившийся на перспективную, хорошо оплачиваемую работу по специальности (муж., 34 года, выс. обр., нач. отд. круп. част. комп., 35 тыс. р./чел., работает в нефтедобывающей отрасли).

В целом можно сделать вывод о том, что в представлении информантов те, кто входит в средний класс имеют особую психологию, сочетающую эффективное использование «правил рынка» как неустойчивой среды и одновременно нацеленность на стабильность с вытекающими отсюда отличительными мышлением, мировоззрением и стереотипами поведения. Вместе с тем исследование продемонстрировало довольно слабую степень мотивации самоидентификации со средним классом, а также наличие когнитивной рассогласованности при попытке осмысления данного понятия среди информантов.

В заключении хотелось бы привести фрагмент из еще одного интервью, обобщающий, как нам кажется, и мотивацию попадания в средний класс как некий достижительный ориентир в современном российском социально-экономическом пространстве, и желание закрепить свою идентичность с этой сложно определяемой социальной группой, и важность политических усилий руководства всех уровней в нашей стране в направлении создания условий для укрепления и расширения среднего класса: «- Возможно ли будет Вам через 3-5 лет отнести себя к полноценному среднему классу? - *Думаю, что да. Я очень буду стараться, чтобы так было.* - Почему это так важно для Вас? - *Потому что я собираюсь в этот период завести детей. Пока средним классом не стану – не заведу (Смеется.)»* (жен., 24 года, выс. обр., нач. отд. круп. част. комп., 30 тыс. р./чел.).

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Фокусированное интервью в изучении трудовых ценностей и притязаний рабочей молодежи

**Ирина Марковна Козина
Елена Витальевна Виноградова**

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

В статье на материалах групповых и индивидуальных фокусированных интервью с работниками промышленных предприятий рассматриваются два основных сюжета: Какие мотивы приводят молодых людей на завод? Как строится иерархия их трудовых ценностей и каковы границы их притязаний в отношении благосостояния и социального статуса, жизненные стратегии и способы достижения целей?

Вопреки широко распространенному мнению о том, что «молодежь не идет работать на предприятия», в настоящее время молодые работники промышленности представляют собой довольно многочисленную группу: 25,5% в добывающих и 22,5% в обрабатывающих отраслях против 24,5% (в целом, по всем возрастным группам). С 2007 г. доля молодежи, занятой в обрабатывающих отраслях сократилась всего на 0,4%, причем за счет младшей молодежной группы (до 20 лет), почти полностью вовлеченной в процесс профессионального обучения, а доля молодых людей, занятых в добывающих отраслях, даже увеличилась на 5,3%¹. Оплата труда молодых работников, занятых по профессиям, наиболее широко применяемым в промышленности, чаще всего лишь в небольшой степени отстает от оплаты труда работников старших поколений, относимых к соответствующим квалификационно-профессиональным группам. Так, заработная плата работающих в промышленности молодых сварщиков, формовщиков, вальцовщиков составляет около 95% заработной платы их старших коллег; заработная плата молодых слесарей-инструментальщиков, слесарей-сборщиков, наладчиков - 91-95%. По некоторым специальностям, таким как операторы оборудования в химической и сталеплавильной промышленности отмечается и некоторое превышение уровня оплаты труда молодежи (104-109%). С точки зрения оплаты труда положение молодых работников в промышленности в лучшую сторону отличается от положения молодежи в сфере образования, здравоохранения и ряда других отраслей, где возрастные различия в рамках профессионально-квалификационных групп составляют 23-27%.²

¹ Рассчитано по: Экономическая активность населения России. – М.: ФСГС, 2008, с.61. То же издание, 2010, с. 64. Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: ФСГС, 2010, с.109.

² Молодежь в России. ЮНИСЕФ/Росстат, М. 2010. С.111-113.

Какие мотивы приводят молодых людей на промышленные предприятия? Как строится иерархия их трудовых ценностей и каковы границы их притязаний в отношении благосостояния и социального статуса, жизненные стратегии и способы достижения целей? Исследование этих вопросов важно не только для решения задач прикладного характера, связанных формированием корпоративной политики управлением персоналом, но и для задач более широкого плана, которые ставит социология молодежи. Исследование ценностей, самоидентификации и поведения значительной части молодежи в контексте трудовой деятельности во многих случаях может оказаться более информативным для создания социально-экономического портрета поколения, чем их рассмотрение в отрыве от конкретных практик.

Эмпирическая база и методология исследования

В данной работе используются материалы третьей волны лонгитюдного сравнительного монографического исследования (comparative case study), которое осуществляется на ряде российских промышленных предприятий с 2009 года. Общие задачи всей этой работы состоят в последовательном анализе различных аспектов трудовых отношений в их взаимосвязи: механизмы взаимодействия работников и менеджмента, индивидуальные и коллективные конфликты - являлись фокусом исследований первой и второй волн (2009-2010 гг.). Третья волна посвящена изучению молодежи - молодых работников на трех промышленных предприятиях, которые представляют основной объект наблюдения и анализа.¹

Выбор предприятий основан на принципах стратегии case study и, в соответствии с общими задачами лонгитюдного исследования, нацелен на то, чтобы получить представление о человеческом капитале, о работниках «опережающей группы», а также о сложившихся социально-трудовых отношениях в наиболее продвинутой части отечественной промышленности. Отобранные предприятия отличаются значительными масштабами и высокотехнологичным характером производства. Одно из них специализируется на нефтепереработке, два – машиностроительные. Включение в исследование предприятий обрабатывающей промышленности важно с методологической точки зрения: обладая производственной структурой и социальной организацией, сходной с нефтегазовым комплексом, они лишены специфических преимуществ, присущих добывающим отраслям. Все предприятия относятся к корпоративному сектору экономики: входят в крупные холдинги или компании, что предопределяет, в частности, применение развитых современных управленческих систем. Все предприятия, хотя и различаются в плане экономической ситуации, тем не менее, являются примерами успешного бизнеса с точки зрения репутации на рынке, экономической стабильности, а также социальных показателей, в частности, по уровню заработной платы, наличию солидного пакета социальных услуг. Что немаловажно, на всех предприятиях молодежь является приоритетной группой в кадровой политике (во всяком случае это подтверждается наличием молодежных социальных программ). И, наконец, все предприятия, где проводилось исследование, отличаются

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 году.

наличием «истории», традиций: два предприятия были образованы в 30-60-х годах XX в., одно – в конце XIX в.

В рамках исследования осенью 2011 года были проведены шесть групповых дискуссий (фокус-групп) с молодыми рабочими и специалистами, а также 15 фокусированных интервью с руководителями различных уровней и специалистов по работе с персоналом на изучаемых предприятиях.¹ На каждом предприятии было проведено по две фокус-группы (ФГ) с молодыми работниками: одна с рабочими, другая – с молодыми специалистами. Количество участников каждой фокус-группы составляло от 7 до 17 человек. К обсуждению были предложены четыре основные темы: трудовые ценности и притязания молодых работников; молодые работники в коллективе; социальная активность, участие в управлении; корпоративная молодежная политика. Те же темы предлагались и в индивидуальных интервью с руководителями, которые выступали экспертами по «молодежной тематике». В статье приведены результаты анализа материалов дискуссий и интервью только по первой теме. В целом, материалы фокус – групп использовались в их классическом назначении – для уточнения интерпретации данных опроса, который был проведен на предприятиях годом ранее.²

Комбинация количественных и качественных методов в исследовании является исключительно важной: материалы качественного этапа позволили расширить и детализировать знания о тенденциях развития «ценностных синдромов» молодежи по мере смены поколений. Фокусируясь на рабочих и специалистах, занятых на успешных высокотехнологичных предприятиях, то есть на группах работников, от трудового поведения которых в значительной степени зависит будущее модернизационных проектов, исследование дает возможность выявить особенности их ценностей, связанные как с социально-демографическими характеристиками, так и со спецификой избранной карьеры.

Работа на заводе: удел неудачников или призвание?

Одним из важных факторов, определяющих трудовое поведение работников, является соответствие работы набору ценностей, на основе которых формируется их жизненная стратегия и карьерные устремления. Согласно сложившемуся стереотипу, после получения диплома для большинства молодых важным становится не реализовать в профессии полученные знания, а попасть в те сложившиеся экономические ниши, где есть «большие деньги», где старт, даже с самых низких должностных позиций, сразу дает большой доход, чем это предполагают квалификации инженера, преподавателя и т.п. Эту тенденцию к стратегии «понижающей адаптации»,³ ценностному синдрому «комфортного материализма», отмечают и некоторые эксперты.⁴ С позиций «комфортного материализма» работа на предприятии должна рассматриваться как

¹ «Моторостроительный завод» (МЗ), «Турбинный завод» (ТЗ) и Нефтеперерабатывающий завод (НЗ), в Перми, Рязани и Санкт-Петербурге. Названия изменены.

² Общий объем выборки – 935 человек. В соответствии с принятой методологией, к группе молодых работников мы относили людей в возрасте до 30 лет включительно. Их доля по выборке в целом составила 26%, причем основную их часть составляет «старшая молодежь» - от 25 до 30 лет.

³ Магун В., Энговатов М. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985-2005 годы) //Отечественные записки, 2006, №3.

⁴ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Молодежь России — М.: Московская школа политических исследований 2011; <http://www.levada.ru/sites/default/files/molodezh.pdf> с.34.

жизненная неудача, в крайнем случае – как трамплин для развития карьеры в указанном направлении.

Полученные нами данные, как материалы фокус-групп, так и результаты массового опроса, показывают, что подобные настроения, если и присутствуют, то не получили широкого распространения среди молодых работников. Согласно материалам фокус-групп, работа на предприятии для многих молодых рабочих и специалистов являлась результатом сознательного выбора, а не неудач в реализации соответствующей стратегии. Разумеется, достойный (приемлемый) уровень оплаты труда и стабильность рабочего места рассматриваются как важнейшие условия выбора работы на предприятии.

В качестве движущих мотивов, которые обусловили предпочтение работы на промышленном предприятии офисной работе в коммерческих структурах, финансовых организациях и т.п., прежде всего назывались **желание реализовать полученные знания, получить отдачу на усилия, затраченные в процессе приобретения технического (инженерного) образования**, которые (по видимому, не без оснований) представляются им более значительными, чем усилия, необходимые для приобретения профессии «менеджера», «маркетолога» и т.п.

«Ну не менеджером же по продажам идти. Там, может, и денег больше, но неинтересно, и потом, зачем тогда учился?» (ФГ- ТЗ, специалисты)

«Не хотелось убить 5 лет в университете, а потом пойти торговым представителем в Евросеть» (ФГ- НЗ, специалисты)

«Есть институт, и раз уж ты его закончил... да еще такие серьезные вузы у нас...» (ФГ- ТЗ, специалисты)

Другой важный мотив, предопределивший выбор работы – **ее творческий характер, возможность участвовать в решении новых и сложных технических задач, а также масштабность задач, решаемых на крупном предприятии, в рамках большой компании**. Этот мотив отмечался не только специалистами, но и рабочими.

«Вот если просто деньги зарабатывать, можно уйти и по специальности в принципе. Скоро все предприятия должны будут иметь энергетические паспорта, они будут обращаться в специализированные фирмы, вот туда можно уйти и большие деньги заработать. Но это же совершенно тупая работа. А у нас каждый день новые творческие задачи!» (ФГ- ТЗ, специалисты)

«У нас опыта не было, но были знания. Было желание работать. Я работал на другом предприятии начальником, но оно было меньше и в другой области. Было с чем сравнить. И я пришел сюда» (ФГ- НЗ, специалисты)

«Я могла устроиться в Краснодаре, но там была только «первичка». А здесь такой завод огромный – первичная и вторичная обработка. ...мне захотелось увидеть большего, и я выбрала сюда.» (ФГ- НЗ, специалисты)

Еще один значимый мотив связан с оценкой **перспектив роста**. По мнению многих, в коммерческих структурах существует возможность более высокооплачиваемого старта, однако перспективы роста ограничены в большей степени, чем на производстве.

«На данный момент, работая в Л' Этуаль, я получала бы больше ...Деньги, деньгами, но здесь перспективы.» «Компания динамично

развивается, внутри происходят изменения быстро, и есть возможности для карьерного роста. И если ты сам хочешь, то ты добьешься»; «Что важно в работе? Стабильность, зарплата, перспективы. Дают возможности не просто так стоять на месте, а подниматься. Хочешь, учись, и тогда уже выше можно подниматься.» (ФГ - НЗ, рабочие)

Отмечались и **традиции, воспитание, полученное в семье.**

«У меня было понимание, что нужно связать жизнь с производством. У нас в семье инженерная династия, поэтому так.» (ФГ- НЗ, специалисты)

Взгляд на текущую работу как на возможный трамплин для последующей карьеры в других, более «денежных», секторах экономики фигурировал в ходе групповых дискуссий. Однако, по мнению респондентов, он ни в коей мере не является доминирующим в среде их коллег-сверстников. Эту позицию следует отличать от более распространенного (можно сказать – типичного) взгляда на сегодняшнюю работу как на **один из этапов профессиональной карьеры в промышленности, которая может продолжиться как на данном предприятии, так и на других – в зависимости от условий и перспектив.** При этом хорошая репутация предприятия естественно рассматривается и как залог роста квалификации, и как «бренд», «полезная строчка в резюме», конкурентное преимущество на рынке труда.

*«Молодые специалисты хотели бы и по специальности работать, и в принципе зарабатывать прилично. Ну и они приходят к нам, два-три года работают, набираются опыта, знаний – и ищут, где им **за это** будут платить лучше. Или даже сами создают свои небольшие предприятия. Они используют нас как бренд. Запись в резюме о том, что ты работал на этом предприятии, создает хорошие перспективы.»*(ТЗ, специалист отдела по работе с персоналом)

«Руку держим на пульсе, периодически отслеживаем вакансии... Не активный такой поиск, а чтобы понимать свои возможности на рынке труда» (ФГ-ТЗ, специалисты)

«Если потом уходить, то имя (предприятия) что-то да значит.» (ФГ-НЗ, специалисты)

Нельзя не отметить, что молодое поколение отличается от старших большей готовностью к смене рабочего места, что объясняется рядом причин, в частности, такими как расширившиеся возможности миграции (в связи с некоторым снижением административных барьеров, связанных с пропиской, с расширением рынка съемного жилья); отсутствие у многих работников собственных семей и необходимости согласовывать трудовые планы с планами и возможностями других членов; отказ от практики предоставления квартир «по очереди», формировавшейся внутри предприятий, вынуждавшей работников оставаться на их рабочих местах (в том числе и при наличии привлекательных альтернатив) и др.

Данные опроса подтверждают, что с возрастом работники все больше «привязываются» к предприятию.

«Чем дольше работаешь на заводе, тем тяжелее уйти. Привязанность какая-то возникает, ты уже свой» (ФГ-ТЗ, специалисты)

Однако и большинство представителей молодежных групп работников (более 60%) связывают с предприятием свои карьерные планы, во всяком случае, в обозримой перспективе. В прожективной

ситуации ухудшения условий работы (задержки зарплаты, сокращение рабочего времени, административные отпуска и пр.), молодые работники демонстрируют меньшую терпимость, чем представители более старших возрастных групп, однако доли работников, заявляющих о готовности терпеть кризисные явления и остаться на предприятии довольно значительны и среди молодежи. Если в старших возрастных группах доли лояльных предприятию работников составляют от 70 до 79% , то в молодежных группах соответствующие доли составляют в «младшей» группе - 57% , а в «старшей» - 43%.

**Притязания молодых работников:
что считать «хорошим заработком» и «нормальной жизнью»?**

Отличия уровня притязаний молодых от притязаний старших поколений, которые выявлялись социологами на основе опросов соответствующих возрастных групп (выпускников школ и т.п.), в нашем исследовании, применительно к молодым работникам работающим на предприятиях, отмечались практически всеми респондентами старших групп: специалистами и руководителями отделов по работе с персоналом, линейными руководителями и др. *«Молодежь 90-х годов, приходя на предприятие, хочет все и сразу!»*, - эта характеристика дословно повторялась в большинстве интервью со старшим поколением. При этом эмоциональные составляющие этих констатаций и оценки, которые давали эти респонденты, различны. Некоторые из них оценивают притязания молодежи в сопоставлении с их собственными или с притязаниями работников «в их время», характеризуя их как «завышенные», а иногда как «наглость», «меркантильность» и т.п.¹ Более объективный подход формируется на основе сопоставления амбиций молодых работников с отдачей от их труда:

«Их амбиции в принципе объяснимы и нормальны, они не хотят ждать, у них много соблазнов, на которые нужны средства, другое дело, что отдачи от их труда пока такой нет, опыта и квалификации не хватает, а стремление зарабатывать больше... ну как бы опережает умение» (ТЗ, руководитель службы персонала)

Те из респондентов-руководителей, которые делились своим развернутым анализом характера притязаний молодых работников, связывают сдвиги, произошедшие в сфере притязаний молодых людей, с изменениями социально-экономической среды. Одним их важнейших факторов, определивших эволюцию (или революцию) притязаний является, по их мнению, общий рост жизненных стандартов в России.

«...(раньше) пределом мечтаний была профессия, которая приносит тебе признание в обществе... и достаточный уровень самообеспечения: отдельная квартира, автомобиль и дача. Все, дальше это не двигалось!... Теперь формируются новые ценности в общественной жизни, в личной, т.е. понятие жизненного успеха тоже изменилось. ... Это карьерный рост, это постоянный рост благосостояния, это достижение жизненных целей, которые он себе поставил, это получение образования....Если раньше главное было

¹ Заметим, что это направление критики не остается без внимания молодого поколения: *«...просто люди, которые работают здесь уже всю жизнь, помнят, что раньше были другие условия, они к ним уже привыкли, к современному социуму привыкнуть не могут и какие-то вещи не то что не принимают, а... обижаются»* (ФГ специалисты)

поставить детей на ноги, то сегодня это гораздо шире, т.е. это не только детей, но и самому создать комфортные условия для своей собственной жизни, жизни семьи...Если в предыдущие десятки лет люди приходили на завод, вставали в очередь и получали через 15-20 лет отдельную квартиру, и это устраивало, и этот ритм жизни был для всех, и никто не мечтал об ином, то сегодня у нас возможности абсолютно иные. Сегодня, например, тот, кто имеет постоянное место работы, и определенный уровень дохода, может воспользоваться ипотечным кредитованием.» (МЗ, руководитель отдела мотивации персонала)

В ряду факторов, способствовавших росту притязаний молодых поколений респонденты отмечают также либерализацию политической жизни (по сравнению с советским периодом), которая принципиально расширила возможности выбора места жительства, места работы, раскрепостила личность.

«Если предыдущие поколения были воспитаны на определенной системе страха, устрашения, ... то нынешнее поколение – это поколение выбора! Они просто могут сказать: ну если здесь мы не можем (реализовать поставленные задачи), то мы пойдем к другому работодателю, ... то есть они более комфортную среду изберут» (МЗ, руководитель отдела мотивации персонала)

Существенное воздействие на объем и содержание притязаний молодых работников оказывает и расширение платности в сфере образования, здравоохранения, реформа пенсионного обеспечения. Эти сдвиги, во-первых, переложили немалую часть ответственности за благосостояние и защищенность российских семей на их работающих членов, и, во-вторых, предоставили возможность получения более качественных услуг, добавив тем самым в бюджеты работников статьи расходов, ранее отсутствовавшие.

«молодые стремятся вложить и в свое будущее, и в детей, чего раньше вообще не было, потому что были мощные государственные институты, которые определяли уровень пенсионного обеспечения и т.д. Т.е. сегодня и время изменилось, и отношение ко всем этим ценностям тоже изменилось. Отсюда нестыковка идет многих стандартных процессов, которые у нас существуют десятками лет, и интересов того поколения, которое вливается в трудовой процесс.» (МЗ, руководитель отдела мотивации персонала)

Анализ материалов фокус-групп показывает, что представления об уровне благосостояния, нормальном, желательном для молодых работников «в натуральном выражении» довольно однородны. Прежде всего, единодушно отмечается **необходимость иметь жилье, отдельное от родительского**. При этом ни в одной из фокус-групп не формулировались какие-либо требования относительно статуса и размеров жилья. Хотя в перспективе многие хотели бы приобрести жилье в собственность, в начале самостоятельной жизни вполне нормальным считается проживание на съемной жилплощади, размеры которой могут быть скромными.

*«Никто (в смысле работодатель) не должен работнику молодому обеспечить рай на земле. Но... для начала у молодого работника должно быть свое жилье – пусть не квартира, но своя комната, за которую он сможет заплатить. **Взрослый человек должен жить сам по себе, не на***

шее у родителей. То есть зарплаты должно хватать на это. Ну и откладывать из той же зарплаты на будущее жилье...»(ФГ-ТЗ, рабочие)

«Вот у нас люди тут по 30 лет стояли в очереди на квартиру от завода, а потом они приходят, а им говорят: «Знаете, у вас уже возраст такой...» А людям хотелось хоть на склоне лет пожить нормально. Ну... и нам хочется не тянуть до такой ситуации.»(ФГ-ТЗ, рабочие)

Возможность планировать расходы и делать, пусть и минимальные, сбережения, не жить «от зарплаты до зарплаты» - другая важная характеристика желаемой модели благосостояния.

«Главное – чтобы была стабильность, в том числе и материальная, чтобы можно было планировать свои сбережения и траты. А не жить от зарплаты до зарплаты, считая каждый рубль.»(ФГ-ТЗ, рабочие)

«...чтоб отложить можно было. Из Турции прилетел - а в кошельке деньги остались!» (ФГ-НЗ, рабочие)

Перечень жизненных благ, формирующих модель достойной жизни, составленный респондентами, не содержит элементов престижного потребления, ориентацию на которое часто приписывают молодым. Посещение ресторанов, поездки на дорогие курорты, приобретение одежды из модных бутиков и т.п. ни в какой форме не фигурировали в их описаниях. Отсутствовали и упоминания дачи, являющейся элементом «исторической триады» старших поколений.

Детализируя структуру жизненных благ, на которые должно хватать их заработков, вслед за оплатой жилья, участники фокус-групп называли **питание**. Контекст, в котором рассматривалась соответствующая статья расходов, указывал на то, что ее удельный вес в гипотетическом бюджете молодой семьи или молодого человека представляется им довольно значимым, что косвенно указывает и на размеры этого бюджета. При этом в обсуждении не фигурировали требования высококачественного, например, экологически чистого питания. Вопрос о качестве рациона был поднят лишь одной из участниц фокус-групп со специалистами – в формулировке, которая говорит сама за себя: *«...продукты купить, поесть не что попало, а что хочется»*. Большинство участников ставят перед собой задачу «прокормить семью».

«...чтобы можно было прокормить всех, допустим, жена только родила, чтобы можно было прокормить и жену, и ребенка, поскольку она работать не будет.» (ФГ-МЗ-специалисты)

Важная часть достойной жизни – **возможность продолжения собственного образования и обеспечения внеклассных занятий, занятий физкультурой и спортом для детей**.

«Человек ведь должен иметь возможность развиваться, расти. Не только в жилищном смысле». «Ну и вообще, молодость – время, в которое нужно инвестировать, потому что оно потом воздастся» (ФГ-ТЗ, рабочие)

«Я иногородняя, мне нужны деньги на жилье - это в первую очередь, также на еду, на учебу, так как мы молодые мы хотим получить высшее образование, а сейчас оно дорогостоящее.»... «У меня приоритет один – ребенок. Чтобы хватало на ребенка, та же самая еда, лекарства, жилплощадь, которую нужно оплатить, и ребенка в какие-то секции сводить!»(ФГ –МЗ, рабочие)

Для многих понятие достойной жизни включает наличие **автомобиля**.

«...(хватать должно) на еду, на жилье, на машину отечественную – и чтобы накопления были хоть какие-то...» «...прибери автомобиль, хотя бы в кредит, - и чтобы за жилье оплачивать» (ФГ-МЗ, специалисты)

«...создать резерв, и чтоб при этом человек жил нормально: спокойно заплатить за квартиру, бензин на машину, жене подарок, сходить куда-нибудь - и чтоб отложить...»(ФГ-НЗ, рабочие)

Бюджет должен открывать возможности **развлечений и отдыха** - от походов в кино до ежегодных путешествий за границу.

*«...у человека не только потребности, чтобы только поесть и поспать, охота **куда-нибудь сходить, в кино сходить**, культурно отдохнуть. Так вот.» «...нужно, чтобы помимо питания и жилья, хватало погулять сходить куда-нибудь, откладывать на машину, на квартиру будущую, на отдых» (ФГ-МЗ, рабочие)*

«У нас жизнь другая, чем у тех, кто раньше был молодым. Мне так кажется, что нам жизнь больше предлагает даже в плане отдыха, путешествий, то есть потребностей у нас больше, потому что предложений больше, отсюда и стремление зарабатывать больше. Раньше куда мог советский человек поехать – ну на Черное море, а теперь – весь мир открыт!» (ФГ-ТЗ, рабочие)

«...съездить куда-нибудь за границу отдохнуть раз в год, чтобы зарплаты хватало, чтобы откладывать на отпуск...»(ФГ-МЗ-специалисты)

Наконец, важной характеристикой представлений молодых работников о достойной жизни является **способность справляться с жизнью самостоятельно, с самого начала строить свою семью без помощи родителей**. Практически все участники фокус-групп отмечали, что способность самостоятельно обеспечить потребности своих существующих или будущих семей –обязательное условие их нормального социального самочувствия.

«И когда ты даже готовишься завести семью, ты должен об этом помнить. От того момента, что свадьба – это тоже расходы (ну а как же без того, чтобы свадьбу сыграть, это же на всю жизнь всем праздник и память!), до того, что ты должен какой-то базис для семьи подготовить, ведь потом будут дети, нельзя все решать только по мере «поступления проблем». Хочешь жениться – приготовить надо для семьи какой-то задел материальный.» (ФГ-ТЗ, рабочие)

«...часто мы при этом не просто красивой жизни ищем, умеем распределять как-то. Вот я жениться собрался в следующем году. И это значит, мне деньги нужны не на то, чтобы в клуб сходить и т.п., мне нужно на жилье зарабатывать, потому что буду не только за себя отвечать. Ну это я говорю, чтобы у вас не сложилось впечатления, что нам деньги нужны только на развлечения» (ФГ-ТЗ, рабочие)

«"Меркантильность" молодых – это естественно, нам же очень многого надо достичь, и хочется достичь самим, не на шее у своего старшего поколения сидеть. Мы семьи заводим, детей, их надо содержать, и жить хочется достойно, а у нас, в отличие от тех, кто старше, кто свой багаж уже заработал, кто может теперь проявлять

альтруизм на работе – нам надо именно зарабатывать.» (ФГ-ТЗ, рабочие)

Несмотря на некоторый разброс в оценках, связанный главным образом с территориальными различиями в стоимости жилья и жизни в городах, где проводилось исследование, с отраслевыми характеристиками, а также с семейным статусом респондентов, материалы фокус-групп дают довольно консистентную картину притязаний молодых работников в отношении размеров заработной платы. Молодые специалисты в Петербурге и Рязани считают, что достойный уровень их заработной платы на старте карьеры должен находиться в пределах 30-35 тыс. рублей, а по прошествии некоторого, «не очень продолжительного» времени, при условии успешной работы, - достигать 80-100 тыс.руб. В Перми притязания несколько ниже: 20-35 и 40-60 тыс. руб. соответственно. Молодые рабочие считают, что достойная заработная плата при наличии некоторого опыта успешной работы должна быть не ниже 40-50 тыс. руб. Соответствие получаемой заработной платы желаемому уровню, и соответственно удовлетворенность заработной платой, отмечалось только в фокус-группах на НЗ. В Перми и Санкт-Петербурге молодые работники достигают желаемого уровня только в исключительных случаях, главным образом в результате командировок, когда работа отличается высокой интенсивностью, большой ответственностью (как, например, при наладке турбин электростанций), ненормированным рабочим днем. В целом же их заработки ниже желаемого уровня.

Итак, обсуждение в фокус-группах показывает, что молодые работники предприятий, где проводилось обследование, оказались на своих рабочих местах вовсе не в результате неспособности трудоустроиться на другие, где оплата труда выше, а работа менее сложна и интенсивна. Они не считают и не ощущают себя неудачниками, их выбор работы во многом был мотивирован интересом к технике, желанием работать на современном, крупном высокотехнологичном предприятии. Их стратегию можно характеризовать не как «понижающую адаптацию», а как поиск баланса между ценностями высокой оплаты труда и привлекательным содержанием работы, соответствующим профилю их инженерно-технического образования и квалификации.

Наиболее очевидной тенденцией в эволюции трудовых ценностей, единодушно отмечаемой всеми исследователями и характерной для всех российских работников, является существенный рост значимости размеров заработка. Как анализ опросных данных, так и дискуссии в фокус-группах и интервью, проведенные в рамках нашей работы, показывают, что значимость этого фактора для изучаемых групп молодых работников первостепенна. При этом по их представлению, заработная плата уже на первом этапе карьеры, сразу вслед за демонстрацией работником адекватной профессиональной квалификации, должна обеспечивать ему способность самостоятельно, без посторонней помощи, удовлетворять все базовые потребности (отдельное жилье, питание) и постоянно увеличиваться таким образом, чтобы в короткий срок обеспечить «достойный» уровень жизни.

Стремление к максимизации заработка реализуется в рамках определенных ограничений, связанных с наличием ряда других значимых ценностей. К ним прежде всего относятся стабильность рабочего места и

выплат заработной платы, перспективы роста (развитие карьеры) и доступ к ресурсам роста (образованию/профобучению), а также содержание работы. Эти ценности влияют на принятие решений о первом трудоустройстве и последующих сменах места работы, однако при условии, что размер заработной платы соответствует представлениям о приемлемом стартовом уровне.

Единодушно отмечая сдвиг ценностей российской молодежи в направлении «материализма», российские социологи расходятся в оценке готовности нового поколения к напряженному труду. Наше исследование показало, что активно демонстрируемое молодыми стремление к высоким заработкам и продвижению по карьерной лестнице (часто раздражающее старшее поколение), как правило, сопровождается готовностью к значительным трудовым усилиям. Молодые работники стремятся к тому, чтобы брать на себя ответственность и наращивать профессиональные знания и квалификацию.

В то же время материалы исследования указывают на развитие новых тенденций в отношении к труду в условиях, вредных для здоровья, а также к работе за пределами нормального рабочего дня. На сегодняшний день для значительной части работников «доплаты за вредность» и более высокооплачиваемые сверхурочные работы являются единственной практически доступной возможностью увеличения заработка. Во многих случаях необходимость «сверхнормативных» трудовых усилий и рисков бывает связана с экстренной производственной необходимостью, а готовность идти на них – частью профессиональной репутации и императивом командной работы. Эти обстоятельства – настоятельность потребности в заработках и требования лояльности коллективу – преопределяют довольно широкое их распространение и высокую степень адаптации к ним работников. Однако, как показало наше исследование, притязания молодых работников в отношении качества трудовой жизни и, в частности, условий труда, повышаются. Меняются и их представления о необходимом балансе между работой, с одной стороны, и личной и семейной жизнью, с другой: стремление к карьере и высоким заработкам ограничивается потребностью в свободном времени.

Вопросы развития трудовой мотивации молодых работников и стимулирования их инициативы и инновационной активности требуют дальнейших исследований. Имеющаяся же информация указывает на то, что трудовые ценности и установки нового поколения, пришедшего на промышленные предприятия, конкурентоспособные как на продуктовых рынках, так и на рынке труда, в целом соответствуют задачам успешного развития. Сегодняшние молодые работники готовы к усердному труду, при этом ждут от работодателя адекватной оценки своих усилий и создания благоприятных условий труда. Есть немало оснований присоединиться к оценке одного из респондентов - руководителей: «Я бы не сказал, что наша молодежь – потерянное поколение. В чем-то они лучше, чем мы, дальше смотрят».

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Методологические аспекты изучения жизненных траекторий одаренных детей

Ольга Яковлевна Дымарская
Елена Михайловна Новикова
Елена Юрьевна Колесникова
Ольга Алексеевна Базина

Московский городской
психолого-педагогический
университет (Москва)

Статья посвящена методологическим аспектам изучения жизненных траекторий одаренных детей на материалах интервью с выпускниками специализированных школ. В результате качественного анализа данных, был выявлен спектр разнообразных социальных факторов, негативно (факторы-барьеры) или позитивно (факторы-ресурсы) влияющих на жизненные траектории одаренных детей.

В настоящее время развитие интеллектуальной и инновационной сферы становится основой успешной модернизации экономики, повышения конкурентоспособности России в мировом пространстве. Повышение интеллектуального потенциала страны является одной из значимых задач государства. Для ее решения, в последние годы в нашей стране был представлен ряд программ, одна из которых – проект «Национальная образовательная инициатива "Наша новая школа"». В данном проекте предлагается ряд мер по усовершенствованию образовательной системы, в т.ч. одной из главных задач проекта является выявление и поддержка одаренных детей. Проблематика развития указанной категории детей довольно хорошо разработана, прежде всего, в педагогической и психологической науке. Тем не менее, существующие исследовательские направления не уделяют достаточного внимания тому, как одаренность детей влияет на их дальнейшую траекторию (в первую очередь, профессиональную), и какие социальные факторы влияют на их реализацию. Этим проблемам был посвящен исследовательский проект Лаборатории мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета¹.

¹ Жизненные стратегии и реализованные траектории одаренных детей (социальные факторы реализации одаренности), Лаборатория мониторинговых исследований МГППУ, август-ноябрь 2011 г.

Исследование состоит из двух частей:

- часть I («перспектива») посвящена изучению жизненных стратегий старшеклассников (опрос учащихся 11 классов школ для одаренных детей и их родителей).
- часть II («ретроспектива») посвящена изучению реализованных жизненных траекторий выпускников специализированных школ для одаренных детей (опрос выпускников школ для одаренных детей).

Данная статья посвящена методике проведения, анализу и результатам второй части исследования.

Специфика построения выборки и ее реализация

Основную сложность для исследования представляла операционализация понятий «одаренность» и «одаренные дети», так как в социологии данная проблематика не разработана. Как отмечает Л.А. Паутова, несмотря на то, что само слово «у всех на слуху», нельзя говорить о его смысловой ясности, его сложно дифференцировать от близких понятий «талант», «способности»¹. Соответственно, кого считать одаренными детьми, а кого нет, также являлось ключевым вопросом.

Поиск решения данной исследовательской задачи привел нас к тому, чтобы обратиться к выпускникам специализированных школ. Основанием для утверждения, что учащиеся специализированных, или (школ с углубленным изучением некоторых дисциплин или «элитных») отличаются от учеников массовых школ своими способностями, является ряд особенностей спецшкол: Во-первых, это конкурсный отбор учащихся, подразумевающий некоторую селекцию по интеллектуальному уровню. Во-вторых, педагогический состав спецшкол: преподавание в таких школах осуществляется сотрудниками вузов и научных учреждений, а также высококвалифицированными специалистами, прошедшими конкурсный отбор, среди учителей много заслуженных учителей и лауреатов разных конкурсов, например, фонда Сороса (так называемые, Соросовские учителя). В-третьих, подходы к преподаванию отличаются стремлением привить учащимся навыки самостоятельного мышления, умения не только решать, но и формулировать задачи, что очень важно вне зависимости от того, в какой отрасли профессионалами в дальнейшем становятся их выпускники. Четвертая особенность, связанная с предыдущей, заключается в использовании авторских и инновационных методик при построении программ обучения. И последнее: как правило, в спецшколах, иногда в сотрудничестве с ВУЗами, иногда нет, используется вузовский способ организации занятий (разделение учебного времени на лекции и семинары) и преподаются профилирующие дисциплины уровня Высшей школы.

Специализированные школы, таким образом, задают определенную «планку» для поступающих в них, соответствовать которой изначально могут дети, к которым в той или степени применимо понятие «одаренность». Конечно, нет достаточных оснований утверждать, что прохождение процедуры отбора при поступлении в специализированные школы тождественно диагностике одаренности, оно может являться следствием иных факторов (в том числе, и социальных): «обученности»,

¹ Паутова Л.А. Одаренность в России: Феномен сквозь прицел социологических опросов// Психологическая наука и образование, 2009. - №4. – С. 50.

культурного и иных капиталов семьи, о чем свидетельствовали социологические исследования¹. Но, в то же время, прохождение респондентами некоторых стандартных процедур отбора, дает определенные гарантии, что в выборку исследования вошли дети, обладавшие на входе в школу, как минимум, повышенными академическими способностями. С другой стороны, выпускники данных школ также выгодно отличаются от большинства своим сверстников, так как процесс их обучения протекал особенно.

Выбор школ обусловлен особенностью подходов к диагностике уровня развития ребенка и уровня его интеллектуальных способностей. Нас в первую очередь интересовали те школы, где в качестве интеллектуально одаренных диагностируются дети, имеющие аналитические способности и демонстрирующие их, прежде всего, в области математики. Очевидно, что этот подход не совершенен, и современной наукой уже доказано, что различные типы одаренности имеют различный интеллектуальный профиль². Это вынужденное ограничение существующей образовательной и научной модели частично компенсируется включением в выборку школы, реализующей программы для одаренных детей без профилизации обучения (гимназия «Созвездие»).

Отбор школ для проведения опросов осуществлялся на основании экспертных выводов о том, какие московские школы наиболее успешно реализуют образовательные программы интересующего вида. В выборочную совокупность вошли следующие школы (рис. 1):

Рисунок 1. Распределение респондентов по школам

¹ Например, Г.А. Чердниченко изучала учащихся средних специальных школ с углубленным знанием иностранного языка, ставя задачу выявить скрытые стратегии обретения разнообразных социальных ресурсов (капиталов), позволяющих в дальнейшем выпускникам данных школ занимать более высокие позиции в социальной структуре, нежели их сверстникам из обычных школ. При этом обнаруживается, что данные образовательные институты создают и воссоздают социальное неравенство, воспроизводят латентные механизмы присвоения одними людьми власти, собственности, престижа при недостаточности или отсутствии этих атрибутов у других. Таким образом, система образования становится ключевым моментом в стратегиях по обеспечению преемственности в среде высших слоев (элит).

² The Development of Giftedness and Talent Across the Life Span/ Ed. by Horowitz F.D., Subotnik R.F., Matthews D.J. Washington, DC: American Psychological Association. 2009. - 252 P.

Вошедшие в выборку школы имеют высокий статус и по многим критериям попадают под категорию «элитные» учебные заведения». Это доказывается наличием процедуры диагностики одаренности перед поступлением в некоторые из них. Так 57-я школа вместе со школой-интернатом «Интеллектуал», гимназией № 1530, прогимназией № 1733 и другими входит в университетский округ МГППУ, где ведётся подготовка детей для этой школы. В детском центре университета при поступлении проверяют способности детей, проводят диагностику и дают независимую экспертную оценку наличия одаренности.

Таким образом, в категорию «одаренные дети» вошли респонденты:

- диагностированные как одаренные;
- прошедшие стандартные процедуры отбора в специализированные школы.

За основу был взят список выпускников 2000-2003 гг. названных школ. Такое ограничение по возрасту респондентов обусловлено несколькими причинами. Во-первых, отобранные выпускники начали свое обучение в начале 90-х гг., то есть во время политической, экономической и социальной трансформации российского общества. Система образования ещё работала по советским программам, но в обществе в целом начали формироваться уже совершенно «не советские» идеалы и ценности. Изначально, специализированные школы, такие как Специализированный учебно-научный центр МГУ (школа Им. Колмогорова), являлись «поставщиками» будущих научных кадров. В новых условиях при неуклонном падении престижа научной работы и её материальной составляющей, выпускники должны были искать другие пути профессиональной самореализации, изучение которых входило в задачи исследования. Другой фактор ограничения по возрасту связан с возможностью отслеживания реализованных траекторий, то есть после выпуска из школы выпускникам было необходимо некоторое время для построения образовательных и профессиональных карьер.

Для подтверждения определенных качественных характеристик респондентов (наличие повышенных академических способностей) также был проведен мониторинг данных о победителях Всероссийской олимпиады по математике и призеров других предметных конкурсов. После соотнесения двух списков и маркировки в основном списке выпускников-победителей Олимпиад, был осуществлен процесс поиска респондентов с помощью социальных сетей. Особое внимание уделялось привлечению к участию выпускников-победителей Олимпиад.

Полевой этап исследования был проведен в 2 этапа:

- Анкетный скрининг-опрос, реализованный через социальные сети Интернета (www.facebook.com, www.vkontakte.ru, www.odnoklassniki.ru, www.moikrug.ru). Получено 58 заполненных анкет.
- Серия полужформализованных интервью. Опрос проводился среди участников скрининг-опроса. Проведено 33 интервью.

Следует отметить, что география опроса определяется местом проживания выпускников указанных школ и охватывает, помимо России, ряд зарубежных стран (США, Швейцария и др.). Это стало возможным благодаря использованию технических средств, таких как Skype, телефон.

Исходные теоретические понятия

В западной и отечественной литературе в последнее время стало популярным понятие «жизненного пути», операциональный анализ которого помог при подготовке методики исследования. Как пишет О. Ежов: «в общем представлении жизненный путь обычно соотносится с переплетением возрастно-градуированных траекторий, таких, как карьера и семейная жизнь, подчиненных изменяющимся условиям и мнениям о будущем, а также с короткими периодами жизненных переходов, начиная от поступления в школу и кончая выходом на пенсию»¹. Таким образом, жизненный путь складывается из различных траекторий, образовательных, профессиональных, семейных. Так как в задачи нашего исследования не входило предельно широкое изучение биографий одаренных выпускников, то в качестве исходного понятия было взято понятие «траектория». Теоретические и эмпирические разработки социологов в области биографических исследований² позволили разработать схемы получения и анализа информации. Так, ключевым аспектом при изучении жизненных путей является вплетение социальной истории, общественных изменений в личную историю.

Концептуальная разработка понятия «траектория» принадлежит Константиновскому Д.Л.³ и Чередниченко Г.А.⁴. На основании их исследований *образовательная траектория* была определена как получение ее субъектом формальных квалификаций, институционально подтвержденных компетенций, и неформально приобретенного опыта в виде знаний и навыков. При таком подходе она представлена как движение, прежде всего, от «уровня» к «уровню» образования, от диплома к диплому, от квалификации к квалификации, а также как формально не фиксируемое приращение и приумножение знаний и навыков.

Профессиональные траектории определялись с точки зрения перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой. Они различаются уровнем оплаты труда, престижностью профессии, социальным статусом профессии и пр. и оцениваются в ракурсе карьерной успешности/неуспешности. «... будучи тесно связанными, образовательная и профессиональная траектории являются все же разнородными формами перемещения в пространстве социальных позиций»⁵.

Такой подход к рассмотрению жизненной траектории заложил основу для разработки гайда полужормализованного интервью и для стратегии анализа полученных данных.

¹ Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии//Журнал социологии и социальной антропологии. 2005.Т. VIII. № 3. С. 23.

² Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций)// Социологические исследования.2002. № 7.С. 61-67.

³ Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и ВУЗов: первые результаты/Тюменева Ю.А., Куракин Д.Ю., Константиновский Д.Л., Фруммин И.Д., Попов Д.С., Вахштайн В.С.. // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, Москва: Изд. дом ГУ - ВШЭ, 2010.

⁴ Чередниченко Г.А. Пути формирования человеческого капитала: изучение образовательных и профессиональных траекторий молодежи после получения среднего образования // Официальный сайт ИС РАН. - 2009. URL: :<http://www.isras.ru/publ.html?id=1226>.

⁵ Там же.

Стратегия анализа

При анализе интервью в качестве отправных точек рассматривались пункты жизненной траектории, характеризующиеся наличием значимого выбора, определяющие дальнейший вариант ее развития. Именно сделанные определенным образом выборы в какие-либо моменты жизни в итоге приводят к достижению определенного образовательного, социального и профессионального статусов и пр., либо одновременно этот статус меняют (например, получение ученой степени). Такие моменты выбора были обозначены авторами как *точки фуркации*¹ (или выбора). Содержательно это близко к понятию *статусного перехода*, обозначающего ключевое событие в жизни, ведущее к значимому изменению социального положения и организации жизни индивида. Сюда относится, в частности, окончание школы, поступление в вуз, начало трудовой деятельности или вступление в брак. В рамках формирования жизненной траектории были выделены следующие точки выбора (см. рис.2):

1. первичный выбор профессии, связанный с переходом в специализированную школу;
2. переход к профессиональному образованию (прежде всего, поступление в вуз);
3. выход на рынок труда (в том числе, фиксация совмещения учебы и работы);
4. получение дополнительного образования (в продолжение первого высшего), в том числе аспирантура;
5. защита диссертации, получение ученой степени;
6. получение дополнительного образования по новой профессии / смена профессии;
7. карьерная мобильность (смена мест работы, смена должностей);
8. совместительство (например, сочетание бизнеса и науки);
9. открытие собственного дела;
10. проживание за рубежом.

Выбранные практики, с одной стороны, представляющие собой формы социальной мобильности (изменение социальной позиции по определенным основаниям) и, с другой стороны, вызывающие мобильность по другим основаниям, определяют морфологию жизненной траектории.

¹ Дымарская О.Я. Трансформация функций элитного среднего физико-математического образования // Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных трудов / Отв. редактор А. М. Аблажей. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, Новосибирский государственный университет, 2004. – С. 46-63.

Рисунок 1. Пример точек выбора на жизненной траектории одаренного ребенка

Выборы в описанных точках формировали траекторию образовательной, профессиональной и, в конце концов, жизненной карьеры и представляли для настоящего исследования особый интерес. Очевидно, что сделанные определенным образом выборы могли привести актора в различные профессиональные группы, позволили достичь различных профессиональных статусов, и, в том числе, за рубежом. По ходу реализации сценария индивидом в него вносились корректировки и изменения, обусловленные успешностью выполнения предыдущих этапов.

Иногда решающим при построении траектории было влияние социальных факторов, на выявление которых было направлено особое внимание исследователей. Под *социальными факторами* понимался набор параметров, характеризующих ситуацию, в которой находится и развивается одаренный ребенок, и выступающих основанием повышения или понижения жизненных шансов. В первом случае они являются *ресурсами* развития, во втором – *барьерами* на пути формирования индивидуальных траекторий.

Выявление данных социальных факторов было наиболее важным при сопоставлении идеальных жизненных сценариев и реализованных траекторий. С этой целью респондентам задавался ряд вопросов, посвященных представлениям о будущем: кем по профессии хотели стать, какого профессионального статуса достичь, в какой области себя проявить.

В ходе интервью выяснилось, что у выпускников спецшкол наиболее проработанным была часть образа будущего, связанная с материальным благополучием. Многие давали понять, что при построении жизненной траектории ориентировались именно на решение материальных проблем.

- ✓ *«Безусловно, какой-то материальный достаток. Это, наверное, было связано все-таки с семьей»*
- ✓ *«Образ был совершенно классический. Т.е. – квартира, машина и все».*
- ✓ *«Образ успеха (...) такой (...), что я уеду за границу. У меня будет своя машина. Я в ней буду красиво ехать. Будет хорошая, красивая, интересная жизнь самостоятельная. То есть, был такой образ буквально бытовой».*
- ✓ Материальное благополучие олицетворяет для респондентов, прежде всего, независимость.
- ✓ *«Скорее, финансовая независимость ни от кого и ни от чего. И возможность реализовать все, что хочется сделать».*
- ✓ Были и те, для кого материальное благополучие (во всяком случае, на уровне деклараций) важным не является.
- ✓ *«Никакого дома, машины, замка – такого у меня в воображении...[не было]».*
- ✓ *«На самом деле стремления много зарабатывать у меня не было».*

Также довольно-таки проработанным в представлениях выпускников спецкол был образ будущей профессиональной деятельности. Примечательно, что респонденты, высоко оценивающие важность своего профессионального развития, часто противопоставляют его материальному благополучию, а не считают, что одно является следствием другого.

- ✓ *«Успешности как в плане денег у меня никогда не было. Для меня важно, чтобы человек имел определенные возможности еды, жилья и потребностей необходимых и просто развивал себя профессионально».*
- ✓ Возможно, отсутствие прямой зависимости профессиональной и материальной успешности в представлениях респондентов вызвано тем, что респонденты, ориентированные на профессиональное развитие, связывали свое будущее с наукой, которая уже многие годы не является материально привлекательной сферой деятельности.
- ✓ *«Я считал, что важно быть в первую очередь профессионально успешным, чтобы быть уважаемым среди людей в этой области. Если ты ученый, то должен проявлять себя на конференциях, в тех местах, где ты не просто работаешь сам собой и с партнерами, а вот именно много людей профессиональных в твоей области».*

При анализе интервью, безусловно, обращалось внимание на влияние фактора одаренности на построении жизненных траекторий. Одаренность, осознавалась она или нет, в большинстве случаев интерпретировалась исследователями как базовый ресурс, который в идеале должен способствовать достижению целей выпускников, хотя сами респонденты зачастую отмечали, что ключевыми качествами, помогающими в реализации образовательных и карьерных устремлений, были трудолюбие и упорство, влияние и помощь семьи, роль школьных педагогов. То есть одаренность, как таковая, не всегда в глазах самих респондентов, т.е. по субъективному мнению, являлась определяющим фактором их развития и реализации.

Одаренность, повышенные и, что важно, разнообразные способности – это первое в собственном субъективном капитале из того, что выделяют респонденты.

- ✓ *«(Разнообразные) способности, они помогают каждый день. Уже то, что я упомянул. Например, способности контактировать с людьми помогают в повседневной работе. Потому что у меня работа сопряжена с контактами с большим количеством людей. Способности уметь качественно делать техническую какую-то работу».*
- ✓ *«Ресурсами были способности. Много чего я могу. Что не умею, могу научиться. Я считаю, что многому научиться могу. Довольно легко контактировала с людьми, была целеустремленная».*
- ✓ *«И самое главное – трудолюбие, которое пригождается в жизни, даже при решении математических задач. Когда что-то не получается, можно все бросить и уйти, а можно сесть, напрячься, еще раз подумать и решить».*
- ✓ *«Я могу точно сказать, что, если я в свое время тратил на математику по 8 часов в сутки, то люди, которые в школе делали домашнее задание за полчаса, за час, и списывали ответ из конца книжки, они, наверное, имели хуже багаж знаний и опыт решения каких-то задач, чем я, который тратил по 8 часов в сутки».*
- ✓ *«Из того, что мне помогало, я думаю, это терпение и упорство. ... мне легко никогда ничего не давалось».*
- ✓ Как видно из полученных ответов, мотивация, целеустремленность, работоспособность – обратная сторона медали, без которой способности развития не получают.

Далее анализировались собственно образовательные и профессиональные траектории респондентов, факторы, способствующие или препятствующие их реализации. Например, в качестве барьеров на пути реализации респондентов в избранных областях и в науке выступили такие социальные факторы, как невостребованность избранной выпускником области деятельности на рынке труда, невысокий престиж или низкая оплата труда по определенным специальностям, низкий престиж ученого и плохая материальная база научных исследований. Для многих выпускников такие факторы выступили непреодолимыми барьерами и привели к тому, что они были вынуждены скорректировать свою образовательную, а далее, - профессиональную стратегию, получив дополнительное образование (в том числе, сменив профессию) либо уехав работать по изначально выбранной специальности за рубеж.

- ✓ *«Просто потому, что за бесплатно, просто так за «спасибо», я этим заниматься не был готов».*
- ✓ *«Хотелось стать финансово независимым. И это перевесило чашу того, чтоб заниматься наукой».*
- ✓ *«Я тогда уже четко понял, что в нашей науке денег особо не сделаешь. Плюс, надо обеспечивать маму и сестер, бабушку. Тратить время на какую-то научную деятельность, которая не приведет ни к каким практически результатам, я не собирался».*
- ✓ *«Первая – это финансово-организационная – то, что современная российская, физика, во всяком случае, в странном положении и если хочешь серьезно работать, то, скорее всего, надо ехать за границу, а у меня как-то на это была негативная реакция; это был один важный блок, второй – то, что мне постепенно стало казаться что жизнь гораздо шире, чем просто физика, и много другого интересного».*

- ✓ *«Но если я пойду в науку, не понятно, кем я буду через 20 лет. Я так и могу остаться научным сотрудником с небольшим окладом, и буду только смотреть со стороны».*

При этом часто респонденты акцентируют внимание на том, что не хотели бы работать в сфере науки именно в России, что именно здесь сложилось такое нелегкое положение, тогда как за границей дела обстоят лучше, и если заниматься наукой – то только за рубежом.

Предложенный подход к изучению образовательных и профессиональных траекторий одаренных детей позволяет не только построить модель этих траекторий, но и комплексно подойти к проблеме реализации одаренности. Одаренные дети, безусловно, являются базовым ресурсом для модернизации страны, и изучение социальных, социально-психологических или экономических факторов, выступающих барьерами или ресурсами, в процессе реализации их потенциала может способствовать более грамотному выстраиванию социальной политики по отношению к данной социальной группе.

Исследование жизненных траекторий, безусловно, не исчерпывается предложенным подходом. Но в данном случае специфика респондентов и предмета исследования определили стратегию анализа.

Источники:

1. Дымарская О.Я. Трансформация функций элитного среднего физико-математического образования // Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных трудов / Отв. редактор А. М. Аблажей. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, Новосибирский государственный университет, 2004. – С. 46-63.
2. Дымарская О.Я., Задорин И.В., Колесникова Е.Ю., Новикова Е.М., Базина О.А. Отчет о НИР «Жизненные стратегии и реализованные траектории одаренных детей (социальные факторы реализации одаренности)». МГППУ, 2011.
3. Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии//Журнал социологии и социальной антропологии. 2005.Т. VIII. № 3. С. 22-33.
4. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций)// Социологические исследования.2002. № 7.С. 61-67.
5. Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и ВУЗов: первые результаты/Тюменева Ю.А., Куракин Д.Ю., Константиновский Д.Л., Фруммин И.Д., Попов Д.С., Вахштайн В.С.. // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, Москва: Изд. дом ГУ - ВШЭ, 2010
6. Паутова Л.А. Одаренность в России: Феномен сквозь прицел социологических опросов// Психологическая наука и образование, 2009. - №4. – С. 50-62
7. Чередниченко Г.А. Пути формирования человеческого капитала: изучение образовательных и профессиональных траекторий молодежи после получения среднего образования // Официальный сайт ИС РАН. - 2009. [URL:http://www.isras.ru/publ.html?id=1226](http://www.isras.ru/publ.html?id=1226).
8. The Development of Giftedness and Talent Across the Life Span/ Ed. by HorowitzF.D., Subotnik R.F., Matthews D.J.Washington, DC: American Psychological Association. 2009. - 252 P.

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

По ту сторону чулана: нарративный контекст гомосексуального камин-аута¹ в фокусе перформативных практик

Сергей Владимирович Мозжегоров

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Проникновение и последующая артикуляция гомосексуальной проблематики в область социальных наук в странах Западной Европы и США обусловлена событийным контекстом происходящих социально-политических трансформаций второй половины XX века. Прежде всего, “открытие” гомосексуальности в качестве социального феномена предшествовал публично-актуализированный политический контекст маргинального положения сексуальных меньшинств в западном социуме. Череда событий, получивших в дискурсе публицистов и культурологов недвусмысленный маркер “сексуальная революция”, предопределила не только становление гомосексуальной культуры и появление новой формы социального ЛГБТ-сообщества², но и потребность в осмыслении проблемы социокультурного и политического контекстов гомосексуальной самоидентификации личности.

Социально-конструктивистская позиция

Как отмечает М.Фуко, в различные исторические эпохи понимание гомосексуальности в западном общественном сознании было подчинено религиозному, медикализированному и криминальному дискурсам [Фуко, 1996]. На уровне властных механизмов, социальный статус и положение гомосексуалов характеризовались в категориях стигматизации и маргинализации. На рубеже XIX-XX веков этому во многом способствовала доминирующая на тот момент эссенциалистская парадигма объяснения гомосексуальности, апеллирующая к генетическим и биологическим предпосылкам идентичности. Заметим, что эссенциалистский подход игнорировал социальную проблематику гомосексуальности, таким образом, представляясь существенно ограниченным.

Позже, со второй половины XX века теоретико-методологическую оппозицию эссенциализму составил социальный конструктивизм, в соответствии с которым гомосексуальность присуща не биологическому телу, а социальным правилам культуры. Конструктивисты пришли к выводу, что гомосексуальная идентичность не является транс-историческим явлением [Джагоз, 2008. С. 25]. Исходя из данной предпосылки следует, что понимание гомосексуальности, как и генезис

¹ Камин-аут (от англ. coming out – «выход наружу») – процесс открытого и добровольного признания человеком собственной гомосексуальной идентичности.

² ЛГБТ (от англ. LGBT) – сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов.

современного гомосексуального субъекта зависит от конкретно-заданного культурно-смыслового контекста.

Отмеченный подход предопределил перспективу возникновения новых тематических и методологических векторов современных социальных наук. Таким образом, научная артикуляция теоретико-методологических основ социального конструктивизма в отношении ЛГБТ-исследований стала возможной в условиях конкретного ситуационного контекста, имеющего отчетливо выраженный политический фрейм. Политизация гомосексуальной идентичности нашла своё отражение в акционистских практиках социального движения за гей-эмансипацию, и главным образом, в перформативном акте “выхода” гомосексуального субъекта в пространство публичного.

События Стоунволла и генезис гомосексуального субъекта

Рассуждая об истоках зарождения акционистских практик движения за гей-эмансипацию, западные социальные исследователи расходятся в вопросе определения конкретного места и времени, открывающего перспективу акционистским практикам участников движения за права гомосексуалов. Дискурсивная монополия в этом вопросе принадлежит исследователям и ЛГБТ-активистам, апеллирующим в своей аргументации к июньским протестным событиям 1969 года, произошедшим в нью-йоркском гей-баре Стоунволл (Stonewall Inn).

Примечательно, что на рубеже второй половины XX века именно заведения подобные гей-барам являлись “первичными социальными институтами” гомосексуального образа жизни и самоидентификации формирующегося ЛГБТ-сообщества [Verube, 1990. P. 271]. Тематически-ориентированный бар представлял собой место встречи друзей и сексуальных партнеров, определяя, таким образом, формы индивидуальной и групповой идентичности [Kennedy & Davis, 1993]. В этом смысле, Стоунволл являлся примером такого публичного места, в рамках которого реализовались различные практики самоидентификации гомосексуально-ориентированных индивидов.

Вместе с тем, Стоунволл как и другие заведения для сексуальных меньшинств имел нелегальный статус, находясь под постоянным контролем местных органов полиции. Регулярные полицейские рейды, сопровождавшиеся унижениями и арестами гомосексуальных посетителей и покровителей бара, являлись обыденной практикой так называемых “блюстителей порядка ” [Loughery, 1998. P. 181]. По подобному сценарию развивались и события 27 июня 1969 года в Стоунволле. Однако в тот день агрессивно-гомофобные действия полиции не остались проигнорированными, а спровоцировали собой массовое сопротивление со стороны посетителей гей-бара. Факт физического сопротивления гомосексуалов полиции и стал тем поворотным моментом в истории ЛГБТ-сообщества в США, в результате чего события Стоунволла и стали восприниматься как искра движения за гей-эмансипацию [Duberman, 1993; Teal, 1995].

Как отмечают западные исследователи, именно стоунволлские события 1969 года позже отпечатались в памятном сознании ЛГБТ-сообщества как символическая точка невозврата, разделяющая историю ЛГБТ-сообщества на две эпохи – “до Стоунволла” и “после Стоунволла” [D'Emilio, 1992]. В этом смысле, справедливо замечание А. Джагоз о том,

что Стоунволл не в буквальном смысле является точкой отсчета освободительного движения геев [Джагоз, 2008. С. 87].

Между тем, фактическая сакрализация беспорядков Стоунволла стала возможной по двум причинам – во-первых, эти события представляются важными для самих гей-активистов, а также ЛГБТ-движения в целом, во-вторых, они обладают необходимым мнемоническим и мобилизационным потенциалом, позволившим на сознательном уровне сконструировать смысло-содержательную форму социокультурной памяти посредством конкретной символически-адаптированной перформативной практики современности – парада гордости гомосексуалов или гей-прайда (gay pride) [Armstrong & Cragе, 2006]. Не случайно то, что первый в истории гей-прайд состоялся ровно через год 28 июня 1970 года, став демонстративным публичным актом участников американского ЛГБТ-движения в память о событиях Стоунволла. В последующие годы, сложившаяся в западных странах традиция проведения гей-прайда приобрела форму массового перформативного акта публичной репрезентации людьми собственной гомосексуальной идентичности.

Безусловно, трудно переоценить значение Стоунволла в процессе конструирования коллективной памяти ЛГБТ-сообщества, но не менее важной является проблематика гомосексуального раскрытия или камин-аута (coming out), актуализированная публичными действиями участников стоунволлских событий. Именно посредством стоунволлского сопротивления мы концептуализируем гомосексуальный камин-аут в контексте нарративного конструирования и перформативного воспроизводства индивидуальной Я-идентичности. Более того, события Стоунволла имеют значимый эпистемологический смысл, позволяющий понять и осмыслить генезис гомосексуального субъекта в качественно новом социокультурном контексте.

Гомосексуальный субъект “по ту сторону чулана”

В западных ЛГБТ-исследованиях концептуализация гомосексуального камин-аута неизбежно выстраивается вокруг двух понятий – метафоры “чулана” (closet), т.е. обозначения засекреченности, и непосредственно категории “выхода из чулана” или “раскрытия” (coming out of the closet). Как отмечает С. Кософски, данные понятия включаются ныне в любой контекст, связанный с возможным пересечением практически любых политически окрашенных границ репрезентации, и являются значимыми и притягательными [Кософски, 2002. С. 87].

Публичный перформанс – есть эксклюзивная форма гомосексуального “выхода”, сопряженная с неизбежным погружением гомосексуала в перманентный интерактивный контекст. Примером осуществления такого перформативного действия в буквальном понимании С. Кософски может служить футболка с надписью «*I am out, therefore I am*»¹, предназначенная для того, чтобы человек, надевший такую футболку, не утруждал себя постоянными заявлениями, что он/она совершил гомосексуальный камин-аут [Кософски, 2002. С. 11-12]. Подобная содержательно-наполненная смысловая форма перформанса может

¹ «Я вышел, следовательно, я существую» - слоган, использующий двойное значение выражения «to be out» - «выйти на улицу» или «выйти из подполья», «обнаружить свою гомосексуальность».

быть противопоставлена многочисленной “приписываемой” гомосексуалам в повседневной жизни атрибутики, в том числе аксессуарам в одежде и на теле, которые не могут быть распознаны и/или интерпретирована в смысле гомосексуального раскрытия, а скорее имеют более широкий метросексуально-стилевой подтекст. Именно поэтому, публичная репрезентация гомосексуальной “открытости” возможна исключительно в содержательно-конкретном акционистском смысле. В данном ключе не вызывает удивления признание одного московского гей-активиста “если не считать активистов, я почти не знаю открытых ЛГБТ в России”¹. Это отнюдь не значит, что сам по себе гомосексуальный камин-аут осуществляют только участники ЛГБТ-движения, но означает то, что публичное раскрытие гомосексуальности сопряжено с воспроизводством акционистских практик, выходящих из пространства частного/семейного. И в этом случае известный феминистский фрейм “личное – есть политическое” (the personal is political), некогда воспроизведенный феминисткой Кэрол Ханиш, приобретает особую актуальность. Публично манифестировать свою гомосексуальность – значит бросить “вызов” существующим гендерному и сексуальному порядку, намеренно стремиться субверсировать сложившиеся гомофобно-ориентированные социальные нормы и институции, маргинализирующие сексуальные меньшинства. В заданном контексте и выстраивается стратегия политически-ангажированных “открытых” гомосексуалов, участников движения за гей-эмансипацию.

Следует подчеркнуть, что структурно и мотивационно гомосексуальный камин-аут реализуемый в пространстве публичного контрастирует с формой камин-аута невыходящего за рамки личного жизненного пространства и бытия гомосексуалов. В отличие от гомосексуального раскрытия, совершенного в частном пространстве (родители, родственники, близкие друзья, знакомые), являющегося попыткой разрешения личных экзистенциально-психологических потребностей геев и лесбиянок, публичная репрезентация гомосексуальности приобретает значение осознанного демонстративного акта, направленного вовне, в социальную среду. Таким образом, гомосексуальный камин-аут помещает субъекта в некое социальное пространство, в рамках которого, во-первых, гомосексуал примеряет на себя определенный набор диспозиций и статусов, принятых и усвоенных в данном конкретном социуме; во-вторых, гомосексуальный субъект неизбежно обрекает себя на вступление в практики символической интеракции с другими индивидами, социальными общностями и институтами.

Рассуждая в категориях П.Бурдьё, отметим, что находиться “по ту сторону чулана” – значит воспроизводить определенный габитус. В данном контексте, габитус представляется в качестве целостной системы диспозиций восприятия и действия гомосексуального субъекта, которая характеризуется не пассивным приспособлением гомосексуалов к сложившимся доминантным условиям марко-социальной среды (т.н.

¹ Открытым текстом // Антидогма – крупнейшее сообщество ЛГБТ и их друзей в Живом Журнале. Доступ: <http://ru-antidogma.livejournal.com/1141602.html>

гегемония “гетеросексуальной матрицы”), а принципиальной рассогласованностью с ними.

Публичный гомосексуал оказывается в амбивалентной для самого себя ситуации – с одной стороны, его публичность осознанна и мотивированна определенными ценностными установками; с другой стороны, его положение маркировано конкретными стигматизирующими моментами социальной среды. В процессе интеракции гомосексуальный субъект сталкивается с множеством властных сопротивленческих и насильственных практик – символических и силовых. Такие практики находят свое выражение в задействовании широкого диапазона коммуникативных методик – от стигматизированного игнорирования до воспроизводства риторики агрессии и применения физической силы, насилия.

Таким образом, гомосексуал включен в систему социальных взаимодействий, в рамках которой он имеет нелегитимный и маргинальный статус. Вместе с тем, гомосексуальный субъект, сделавший собственный выбор в пользу перформативности собственной Я-идентичности вполне осознает возможные социальные риски и издержки своего публичного статуса. Отчасти это происходит от того, что ценностные личностные установки абсолютизируются, определяя поведенческие паттерны участников ЛГБТ-движения в пространстве акционистской деятельности.

Нарративное измерение гомосексуального камин-аута

Перформативные практики публичных гомосексуалов открывают перспективу нарративному аспекту конструирования гомосексуальной идентичности. В этом смысле, категории перформанса и нарратива контентно-неотделимы и взаимообусловлены; они находят своё отражение в общей когнитивной структуре гомосексуального камин-аута. Перформанс как акционистская практика *субъекта-действующего* предопределяет конкретные контекстуальные нарративы *субъекта-говорящего*. Гомосексуальный субъект, манифестируя и разглашая для других факт своего существования (“я говорю, следовательно, я существую”), нарративизирует собственную Я-идентичность, делая её доступной для других.

Нарративизация является закономерной в процессе гомосексуального камин-аута. Нарративы о раскрытии гомосексуальности репрезентуются в контексте языковых практик дихотомии *говорения/умолчания*. Безусловно, процесс говорения или публичной артикуляции актуализирует и воспроизводит конкретные нарративы гомосексуального субъекта, но не менее существенна в этом процессе и роль практик умолчания. Как отмечает М.Фуко, “не существует бинарного разделения, которое можно произвести между тем, что говорится и что не говорится; мы должны определить различия в не произнесении этих слов... Существует не одно, а множество умолчаний” [Кософски, 2002. С. 11].

Практики умолчания, как и говорения, в прямом смысле пронизывают личное и публичное пространство гомосексуального субъекта. Нарративный контекст публичного камин-аута, выраженный в конкретных речевых актах, как это ни парадоксально, проблематизируется на уровне микро-социальной среды. Таким

образом, для понимания структуры публичного камин-аута неизбежно приходится обращать внимание к гомосексуальному раскрытию в пространстве личного/приватного. Иначе говоря, попытка проведения демаркационной линии между личным и публичным раскрытием (что вполне адекватно перформативному пониманию), в нарративном контексте не столь очевидна, ибо в процесс концептуализации вступают категории говорения/умолчания, без которых немислимо само понимание происхождения гомосексуального субъекта.

Таким образом, не смотря на то, что публичный камин-аут представляется эксклюзивной и отличной формой гомосексуальной самоидентификации, диалектически он когерентен раскрытию в приватной сфере. Эта диалектика личного и публичного отображается в общей языковой матрице, где показателями раскрытия становятся нарративы говорения/умолчания. Методологическая трудность состоит в том, что отмеченные контрастирующие нарративы не всегда могут быть однозначно дифференцированы и сведены к пространствам личного и/или публичного. Выделенная проблематика и предопределяет методику качественного эмпирического исследования.

***Методика участвующего наблюдения:
личное и исследовательское Я***

Методика участвующего наблюдения позволила мне, как исследователю не просто наблюдать со стороны за публичными акционистскими действиями ЛГБТ-активистов, но и принимать непосредственное участие в них в качестве субъекта идентичного другим участникам. Отмечу, что моя собственная вовлеченность в российское ЛГБТ-движение как гей-активиста и участника акционистских практик, имеет некоторую историю (2008-2011 года). За прошедшее время я принимал участие в правозащитных и просветительских ЛГБТ-акциях, в таких публичных мероприятиях как “Неделя против гомофобии”, “День молчания”, “Радужный флешмоб”¹, проводившихся в городе Тюмени. Таким образом, мое осознанное ценностное и политическое позиционирование сопровождалось перманентной рефлексией и осознанной актуализацией исследовательского Я. Однако, в непосредственных формах интеракции с другими ЛГБТ-активистами я сознательно акцентировался на презентации собственной позиции гей-активиста и правозащитника, что соответствовало заданной драматургии.

Размышляя о собственном опыте ретроспективно, отмечу, что изначально перспектива участия в акционистских практиках ЛГБТ-организации воспринималась мной неоднозначно. Вполне адекватно осознавая существующие социальные реалии, некоторое время я не мог для себя ответить на вопрос “Нужен ли мне публичный камин-аут? Готов ли я публично представить себя в качестве “открытого” гомосексуала?”. Особую остроту ситуации придавал тот факт, что мой личный/приватный камин-аут ограничивался кругом близких друзей, но не включал в себя семью и родственников, в том числе родителей. Закрытость в приватном пространстве собственной жизни и практики

¹ Инициатором отмеченных публичных акций выступала тюменская региональная ЛГБТ-организация «Радужный дом».

умолчания длительное время казались мне правильной дискурсивной стратегией. Совершенно очевидно, первоначально мне проще было раскрыться в среде незнакомых людей, и, безусловно, в среде гей-сообщества. Между тем, делая выбор в пользу публичного разглашения собственной гомосексуальности, я осознавал, что посредством электронных средств и ресурсов коммуникации (прежде всего распространения сети интернет) моя публичность в конечном счете станет “достоянием” приватного пространства, в том числе собственной семьи, родственников и широкого круга знакомых.

Устанавливающее мотивационное значение моего вовлечения в российское ЛГБТ-движения имела гомофобная риторика, определявшая социальную среду, в условиях которой я находился, и которая буквально подталкивала меня к участию в ЛГБТ-акциях в качестве “открытого” гомосексуала. Это предопределило мою политическую позицию о необходимости борьбы с дискриминационными практиками и важности формирования толерантного отношения российского социума к сексуальным меньшинствам. Кроме того, я осознавал, что участие в публичных перформативных практиках будет способствовать моей собственной гомосексуальной “открытости”, что представлялось актуальным в контексте момента самоидентификации и закрепления собственных ценностных установок.

Результаты исследовательской рефлексии

Исследовательская стратегия включала в себя две эмпирические компоненты наблюдения и личной интеракции, которые позволили выявить процессуальные особенности гомосексуального камин-аута ЛГБТ-активистов, структурирующие публичные перформативные практики в их нарративном контексте. Данное исследование представляло собой лишь предварительный зондаж (общее число участников-коммуникантов варьируется от 7 до 13 человек), имеющий существенные осознаваемые когнитивные ограничения и вероятные погрешности. Эвристическая ценность подобного рода зондажа состоит в возможной перспективе более тщательной проработки проблематики гомосексуального раскрытия, конкретизации методологических и методических основ дальнейшего эмпирического исследования.

В рамках заданного текста представлены некоторые результаты рефлексии относительно проблематики воспроизводства нарративов говорения/умолчания в контексте публичных акционистских практик ЛГБТ-активистов. Такая рефлексия выстраивается как в фокусе личного опыта, так и других участников ЛГБТ-движения реализации гомосексуального камин-аута. Следует заранее предупредить о том, что результаты рефлексии и презентованная умозрительная схема процессуальной структуры гомосексуального раскрытия, не претендуют на абсолютную объективность, но напротив, отображают именно субъективно-субъектное восприятие отмеченной проблематики.

Одно из основных наблюдений за участниками акционистских ЛГБТ-акций касается определения поведенческих паттернов гомосексуалов в пространстве публичного. Отметим, что гей-акции проходили во вполне презентабельных и многолюдных местах, вроде площадей у памятников и органов власти, городских скверах и садах. Акционистские практики были максимально приближены к местам межличностной и социальной

коммуникации горожан. Как правило, публичные акции были предварительно анонсированы, информация о них распространялась по информационным каналам и ресурсам, что отвечало требованиям информационной открытости и необходимости артикуляции проблем ЛГБТ-сообщества в пространстве масс-медиа. Журналисты, чаще всего неправительственных изданий, с интересом и вниманием реагировали на “выход” тюменских гомосексуалов на улицу. Таким образом, наличие на гей-акциях представителей прессы (а также простых наблюдателей с “направленным объективом”), предполагающих фото- и видеосъемку, явились тем критерием, позволившим сделать вывод о том, насколько или в каких определенных границах участники ЛГБТ-акций способны/готовы презентовать собственную “открытость”.

На стадии участвующего наблюдения было очевидно то, что участники ЛГБТ-движения ценностно-мотивированы осуществлять публичный “выход”, противостоя собственному страху и очевидным рискам нахождения во внешней социальной среде. Это проявлялось в различных формах гей-активизма – от распространения на улице анти-гомофобных листовок и вступления в диалог с горожанами до проведения правозащитных акций и пикетов в футболках с радужной эмблемой и недвусмысленной надписью *“границы условны”*.

Однако как оказалось, совершая публичный “выход” гомосексуалы находились в различных ситуационных и нарративных контекстуальностях раскрытия собственной “нетипичной” идентичности. Оказываясь в пространстве публичного, не каждый гомосексуал до конца осознавал, что его публичный камин-аут выйдет за рамки уличной социальной среды, и посредством масс-медиа бесконтрольно проникнет в частную сферу его личного бытия. Если определенная часть вышедших на улицу была готова к подобному сценарию в силу того, что проблема совершения личного камин-аута была для них разрешена в нарративе говорения, то другая часть гей-активистов к подобному сценарию была не готова, либо подсознательно только стремилась к подобному развитию событий, тем не менее изначально находясь в рамках нарратива умолчания.

Следует зафиксировать тот факт, что некоторые гомосексуалы намеренно скрывали свои лица перед “направленным объективом”, заранее предупреждая представителей масс-медиа о недопустимости попадания их лиц в кадр объектива. Между тем, внутреннее напряжение гомосексуалов по поводу того, что их узнают родственники и знакомые сохранялось, и как оказалось позже, было небезосновательно. Известны случаи, когда изображение гей-активиста (на фото в газете, в телевизионном сюжете) становилось поводом для домашних/семейных разборок и конфликтов; либо, напротив, публичный камин-аут расставлял все “точки над і” в отношениях гомосексуала с родственниками и друзьями, и имел позитивный эффект в процессе самоидентификации индивида. Заметим, что в том и другом случаях, личный камин-аут представлялся вопросом времени и фактически был неизбежен. В то же время сам по себе процесс “выхода” гомосексуалов мог происходить в течении длительного времени, а в отдельных случаях на протяжении многих лет [Bochenek & Brown, 2001]. Это в свою очередь подчеркивает характеристики неодномоментности и процессуальности реализации гомосексуального камин-аута.

Таким образом, в контексте понимания дихотомии личного/публичного, заметим, что исключительность ситуации заключается в том, что именно публичное или уличное пространство стало той средой, в рамках которой гомосексуалы с готовностью презентовали свою “нетипичную” сексуальность. Присутствие в пространстве публичного не всегда означало то, что ранее ЛГБТ-активистами был реализован личный гомосексуальный камин-аут, как и однозначно не предполагало готовности гомосексуала совершить камин-аут в приватном пространстве. Между тем, публичное пространство становилось чем-то вроде прибежища для “открытых” гомосексуалов, которому может быть противопоставлен так называемый приватный “чулан”.

Процессуальная структура гомосексуального камин-аута

При анализе гомосексуального камин-аута в фокусе публичных перформативных практик были выделены два основных *сценарных тренда* сюжетных линий “выхода из чулана” тюменских ЛГБТ-активистов. Каждый сценарный тренд презентует возможный нарративный контекст в общей процессуально-диалектической структуре камин-аута, которая может быть выражена в следующей схематической конструкции:

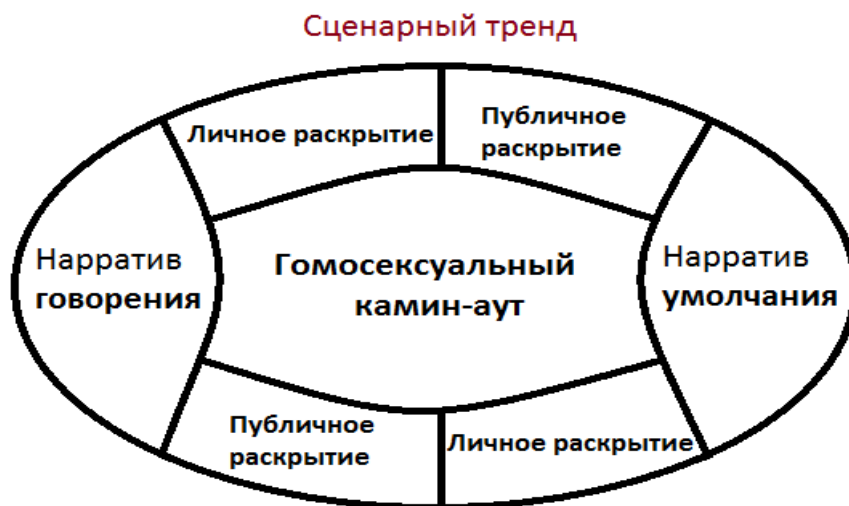

Схема. Процессуальная структура гомосексуального камин-аута

Не смотря на то, что данная схематическая конструкция носит умозрительный характер, она акцентирует и отображает некоторые актуальные нарративные контексты реализации гомосексуального камин-аута участниками и активистами социального ЛГБТ-движения. Именно возможность фокусирования на нарративных контекстах позволяет осмыслить гомосексуальное раскрытие как таковое.

Итак, в рамках схемы выделены следующие сценарные тренды:

- Первый сценарный тренд презентует так называемый “*нарративный стандарт*” гомосексуального раскрытия. Перформативность камин-аута является предсказуемым результатом пережитой персональной истории и успешного эмоционального освоения индивидом личного опыта в процессе говорения/проговаривания. Как правило, в таких случаях личное раскрытие предшествует публичным практикам политического акционизма. Активистами становятся гомосексуальные индивиды, которые ранее “вышли из чулана” и посредством говорения освоились в сфере приватного. Данное обстоятельство и становится предпосылкой к открытой репрезентации своей гомосексуальности в публичном пространстве. Публичное раскрытие, соотнесенное с полем нарратива умолчания, свидетельствует лишь о вторичности данного камин-аута по отношению к приватной сфере. Выделенный сценарный тренд является последовательно-адаптивным вариантом процесса гомосексуального камин-аута.
- Второй сценарный тренд, напротив, обнажает некоторое нарративные коллизии гомосексуального раскрытия. По сравнению с первым, он имеет обратную, если не сказать противоположную, процессуальную структуру. В данном случае, первичным является участие индивида в перформативных акционистских практиках ЛГБТ-движения, т.е. непосредственно его публичное раскрытие, которое выстраивается в поле нарратива говорения. В то же время, личный камин-аут публичного гомосексуала проблематизирован контекстом умолчания. В пространстве приватного личное раскрытие характеризуется нереализованностью и/или незавершенностью. Таким образом, ситуационный диссонанс заключается в том, что публичный перформативный камин-аут гомосексуального субъекта предшествует “выходу из чулана” в пространстве индивидуального (интимного) бытия, где гомосексуальность может длительное время маркироваться латентным статусом, то есть нарративом умолчания.

Отметим, что выделенные сценарные тренды определяют лишь некую нарративную векторность гомосексуального камин-аута, оставляя за скобками конкретные содержательно-наполненные сценарии и их вероятные перспективы развития. Однако уже на данном этапе исследования выявляется общая неоднозначность и амбивалентность процессуальной структуры гомосексуального раскрытия. В этом смысле концепт “выхода из чулана” можно представить в образе “вращающейся двери” (“быть в шкафу” и “быть вне”), когда степень индивидуального самораскрытия зависит от конкретного контекста [Schneider & Conrad, 1980]. Такая метафора предполагает селективную поведенческую стратегию камин-аута, т.е. способ избирательного гомосексуального раскрытия в зависимости от ситуации и связанных с ней вероятных рисков [Kaufman & Johnson, 2004]. Представляется, что и в условиях российских реалий избирательная и плюральная тактика гомосексуального раскрытия и соответствующая нарративная контекстуальность, не предполагающая единого шаблона действий, становится распространенной жизненной стратегией ЛГБТ-активистов.

Источники:

1. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал "Социологии и социальной антропологии". Вып.2. т. 1. 1998.
2. Джагоз А. Введение в квир-теорию / Отв. ред. В.Е. Вашаев. М. Канон-плюс. 2008. 208 с.
3. Кософски С. Эпистемология чулана. М.: Идея-пресс. 2002. 272 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. Касталь. 1996. 448 с.
5. Armstrong E., and Crag S. Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth. Source: American Sociological Review, Vol. 71, No. 5. 2006. pp. 724-751.
6. Berube, A. Coming Out Under Fire: The History of Gay Men and Women in World War II. New York: Macmillan. 1990.
7. Bochenek, M. & Brown, A.W. Hatred in the hallways: Violence and discrimination against lesbian, gay, bisexual, and transgender students in U.S. schools. New York: Human Rights Watch. 2001.
8. D'Emilio, J. "After Stonewall." Pp. 234-74 in Making Trouble: Essays on Gay History, Politics, and the University, edited by John D'Emilio. New York: Routledge. 1992.
9. Duberman, M. "The Making of a Myth." Gay & Lesbian Review Worldwide. 2004.
10. Kaufman J. and Johnson C. Stigmatized Individuals and the Process of Identity. The Sociological Quarterly, Vol. 45, No. 4. 2004. pp. 807-833.
11. Kennedy, E. Lapovsky and Madeline D. Davis. Boots of Leather, Slippers of Gold: The History of a Lesbian Community. New York: Routledge. 1993.
12. Loughery, John. The Other Side of Silence: Men's Lives and Gay Identities: A Twentieth Century History. New York: Henry Holt. 1998.
13. Schneider J. and Conrad P. "In the Closet with Illness: Epilepsy, Stigma Potential and Information Control." Social Problems. 1980. 28(1):32-44.
14. Teal, D. The Gay Militants: How Gay Liberation Began in America, 1969-1971. New York: St. Martin's. 1995.

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Дискурсивные стратегии политической мобилизации в сети Интернет: «приглашение на революцию»

Ирина Владимировна Ксенофонтова

Институт социологии РАН (Москва)

События, произошедшие в России в декабре 2011 года после парламентских выборов, вызывали и вызывают большой интерес со стороны научного сообщества. Процессы новейших форм политической и социальной мобилизации требуют оперативного осмысления и коллективного подхода к изучению, так как только таким образом можно получить наиболее полную картину происходящего. Материал, который можно получить в ходе наблюдения и исследования данной ситуации, разнообразен и не прост для получения и изучения. Для всех целей, которые перед социологией «ставит» данная ситуация, целесообразно использовать как количественный подход, так и инструментарий социолога-«качественника», позволяющий расширить понимание этого многогранного феномена. Одна из проблем, с которой мы можем столкнуться сейчас – это кажущаяся легкость исследования этих событий, так как его «поле» и вариативность интерпретаций при приближении к материалу оказываются бесконечными.

Исследование, которое, с одной стороны, явилось основой для построения гипотез настоящего доклада и его своеобразной понятийной рамкой, а, с другой, «бросило» определенный «вызов» социологам, изучающим коммуникацию в сети Интернет – это исследование политической мобилизации в российской блогосфере, проведенное коллективом Центра Беркмана в октябре 2010 г.¹ Авторы исследования в своей работе опираются на положение, что влияние сети Интернет на общественную жизнь неоднородно и в большей степени зависит от географической локализации общества, а также от того, насколько власть влияет на общество и как пытается контролировать СМИ и интернет. Россия характеризуется с этой точки зрения как страна с «хрупкой выборной демократией», с режимом «выборного авторитаризма». СМИ жестко контролируются, но в то же время в контроле над сетью Интернет государство придерживается выборочной стратегии или «тонкой фильтрации интернета». Сравнивая российскую блогосферу с американской и персидской, авторы замечают, что в российском сегменте «кластеры» политических дискурсов не так сильно разделены на противоборствующие стороны, что позволяет считать российскую блогосферу менее изолированным политическим

¹ Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете. Брюс Этлинг, Карина Алексанян, Джон Келли, Роберт Фарис, Джон Палфри и Урс Гассер. Исследования Центра Беркмана No. 2010-11 (19 октября 2010) // [http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public Discourse in the Russian Blogosphere-RUSSIAN.pdf](http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public%20Discourse%20in%20the%20Russian%20Blogosphere-RUSSIAN.pdf) [Электронный ресурс]

пространством, где возможны сквозные обсуждения и ссылки на тексты всех кластеров политических мнений. Тем не менее, на наш взгляд, после выборов 2011 года сейчас в российской блогосфере намечается та же тенденция: разделение политизированного сегмента российской блогосферы (по-видимому, сильно расширившемуся за счет большого количества политических «дебютантов») на оппозиционный и прокремлевский кластеры, между которыми ведется своеобразная форма информационной войны.

В конце концов, исследователи, проанализировав около 5 миллионов блогов различными методами, приходят к выводу, что признаки мобилизации можно обнаружить в сообществах, связанных с офлайн-социальными движениями. Для ситуации после выборов-2011, впрочем, уместно будет предположить, что такие признаки можно обнаружить локализованными, по большей части, онлайн; более того, мы не можем утверждать, что митингующие представляют собой сообщество: на первый взгляд, их объединяет лишь общность виртуальной площадки.

Одним из названных в отчете направлений возможного исследования в этой области является изучение языка политической мобилизации. В попытке ответить на этот запрос, представим результаты анализа некоторой цепочки дискурсов, возникших в период с 5.12.2011 по 10.12.2011.

Нашей основной гипотезой является предположение, что при определенных условиях: а) происходит некое сетевое и/или внесетевое событие А б) это вызывает реакцию и рост активности производства текстов интернет-пользователями в рамках определенной тематики (или тематик), связанных с событием А в) производимые тексты могут способствовать (или препятствовать) политической и общественной мобилизации г) «срабатывают» только некоторые из производимых дискурсов; отображение дискурса в тексте обладает, при этом, определенными языковыми характеристиками д) интернет-пользователи в результате такого рода мобилизации переходят от сетевой активности к внесетевой (ее подготовке и организации).

Таким образом, нам представляется, что происходит процесс формирования нового типа социально-политической мобилизации, *декларируемым* источником которой является не государство/власть/политическая организация/социальное движение¹, а солидарные действия большой группы людей, на первый взгляд, не связанных между собой ничем, кроме некоторых социально-демографических характеристик (+ возможно, сетевого или личного знакомства) и общности виртуальной коммуникационной площадки. Не будем утверждать, что это единственный и возможный путь мобилизации в ситуации декабрьских митингов; тем не менее, масштабность и новизна этого процесса делают его изучение весьма привлекательным и актуальным.

Мы не имеем возможности в рамках данного доклада рассмотреть все возможности исследования данного поля, поэтому вынуждены сузить запрос до какой-то «инструментальной» задачи. Представляется

¹ Безусловно, мы не можем исключать вероятности использования политтехнологий; тем не менее, основной целью данного доклада **не** является выявление такого рода вмешательств.

интересным, какими характеристиками должен обладать текст, чтобы содержащийся в нем дискурс вышел в пространство общего публичного дискурса и прямо или косвенно повлиял на процесс политической мобилизации? На практике, мы считаем, это выглядит так: за какой-то период времени некая новая (или «хорошо забытая старая») идея «выстреливает» в публичное пространство, обсуждается, распространяется, кристаллизуется, смешивается с другими идеями, в конце концов, входит в обыденное понимание, и высказывается человеком, собирающимся и/или идущим на митинг – в виде апологии принятого решения. Предположим, также, что тот же самый механизм срабатывает в ситуации, когда человек не собирается и/и не идет на митинг (но при этом, обосновывает свою позицию, высказываясь каким-либо образом).

Для решения этой задачи мы а) вели дневник наблюдений за сетевой активностью в период с 5.12 по 10.12, в том числе фиксировали динамику виртуального участия в социальной сети facebook б) провели отбор некоторой корпусной базы текстов с площадок livejournal.com, facebook.com и twitter.com¹ в) провели процедуру кодирования содержания текстов с выделением ключевых тем г) провели процедуру выделения наиболее характерных речевых конструкций и языковых приемов, содержащихся в текстах д) в качестве дополнительного иллюстративного исследования провели 4 неструктурированных интервью с участниками митингов.

Остановимся на характеристиках основных виртуальных площадок, где происходило производство и распространение ключевых текстов. «Живой журнал» (livejournal.com), который до какого-то момента считался площадкой-лидером социальных медиа в российском сегменте блогосферы, сегодня явно проигрывает социальным сетям и микроблогам в скорости коммуникационных процессов. Жанр «Живого журнала» - это статьи, осмысление, аналитика. Также, важную роль в период с 5.12 по 10.12 livejournal.com сыграл для размещения записей в жанре разоблачений фальсификаций в ходе выборов-2011. Здесь же «традиционно» располагаются самые читаемые блоги. Сеть микроблогов *Twitter* предлагает реципиентам совершенно другой жанр: это краткие призывы, лозунги, ссылки. *Twitter* представляется в исследуемой ситуации мощным каналом связи и распространения информации, хотя с точки зрения анализа его содержания это массив, сложный для интерпретации. Тем не менее, нам удалось выделить из этого массива определенные группы спам-сообщений, которые являются своеобразным доказательством использования техники спам-атаки в политических целях, а именно – попытки «разбить» коммуникацию ложными информационными сообщениями или сообщениями, не содержащими смысла, но в силу скорости распространения сильно затрудняющими чтение сообщений с популярными хэштегами (ссылками-отметками). Наконец, социальная сеть *Facebook* ставшая основной площадкой для процесса инструментального рекрутирования участников митинга посредством сетевой рассылки «приглашений» на

¹ Livejournal.com: популярные записи за каждый день в период с 5.12 по 10.12 2011 года (источник: топ постов yablog.ru); Facebook: страница события «Митинг на площади Революции 10 декабря (с 8.12 .2011 «Митинг на Болотной площади 10 декабря»); Twitter: записи по популярным тегам #10 dec, #10дек, #митинг и др. (источник: twitwave.ru; программа The Archivist (MIX Online))

событие. Здесь же публиковались ссылки на ключевые тексты в блогах, Динамика виртуального участия в будущем событии впечатляет: с 6.12 по 10.12, за четыре дня на событие записалось свыше 35000 человек. Нам представилось интересным изучить язык организации митинга в динамике. Важно отметить, что речевая стратегия организаторов митинга менялась с течением времени: изначально назывные информативные конструкции («митинг состоится на площади Революции 10 декабря») сменились образами общего солидарного действия, выраженного в глаголах: «мы пойдЕМ», «мы собираЕМся», «мы будЕМ» и т.д.

В ходе нашей работы мы постарались выделить основные тематические блоки каждого дня в период с 4 декабря по 11 декабря. Постфактум кажется, что некоторые из тем присутствовали в публичном дискурсе «всегда», тем не менее, внимательное чтение ключевых текстов показывает, что у этого процесса (формирования основных тем-дискурсов) была своя динамика, своё развитие. В частности, до 4-го декабря и 4-го декабря обсуждаются выборы и возможные стратегии протестного голосования; но уже 5-го декабря в публичный дискурс «вклинивается» тема фальсификаций и, более глобально, тема обмана: это многочисленные записи со свидетельствами нарушений на выборах; при этом широко используется визуальный материал (фото, видео). Изначально это простое дескриптивное изложение фактов, но затем – осмысление («нас обманули», «у нас украли голоса») и, наконец, переход к действию 5 декабря на Чистых прудах. В связи с этим хотелось бы сфокусироваться на блоге пользователя [navalny](http://navalny.livejournal.com/)¹ (Алексей Навальный, блогер, юрист, автор сетевых проектов «РосПил», «РосЯма» и др.). Как блогер призывает людей к «борьбе» против «наглого воровства»? Во-первых, это выстраивание в текстах образа противостояния между «мы» и «они»; это использование категорий *солидарности и гражданского долга*; в-третьих, несмотря на то, что при поверхностном рассмотрении «телеграфический» стиль изложения кажется эмоциональным и беспорядочным, в текстах [navalny](http://navalny.livejournal.com/) присутствует *четкая структура высказываний*, сходная с юридическим дискурсом: *утверждение-доказательство* (в виде статистики, ссылок и т.д.). В каком-то смысле заданные в этом блоге дискурсивные направления получили свое развитие в течение всей недели. И если [navalny](http://navalny.livejournal.com/) нельзя назвать дилетантом в мобилизационных практиках, популярный блогер [drugoi](http://drugoi.livejournal.com/)² (Рустем Адагамов) демонстрирует нехарактерное для него дискурсивное «поведение»: в его (обычно предельно отстраненном от фигуры автора) блоге звучит *директивный* призыв приходить на Чистые пруды. К вечеру 5 декабря в блогосфере «кристаллизуется» мобилизационная речевая структура «нас обманули, поэтому мы должны пойти на митинг». Осмысления первого митинга приносят «внезапные» выводы: «нас много», на митинге собрались «удивительно приятные люди»; митинг описывается его участниками как некий позитивный опыт солидарного действия, который многие захотели бы разделить. В совокупности с незавершенностью действия (про митинг не рассказали в СМИ, участники митинга были задержаны, власть не прореагировала

¹ <http://navalny.livejournal.com/>

² <http://drugoi.livejournal.com/>

«должным образом») эти направления дискуссии создали определенную «базу» для общественно-политической мобилизации – подготовке митинга 10 декабря на площади Революции (затем Болотная площадь)

Если воспользоваться сервисом «Яндекс. Пульс блогосферы» и обратиться к собранной нами базе популярных текстов, можно сделать вывод, что пик обсуждения политической ситуации в стране приходится на 7–9 декабря 2011 г. При этом, собственно описание процедуры выборов как бы отходит на второй план; основными тематическими блоками в этот период становятся рефлексивные тексты о предстоящем митинге и, в более широкой перспективе, возможном политическом будущем страны. Здесь дискурс принимает два направления, в зависимости от позиции автора относительно предстоящего митинга. Сторонники митинга применяют приемы «логичного убеждения», обращаясь к реципиентам как к *понимающим* людям, как к реальной политической силе; при этом, *власть* в лице ее носителей изображается как что-то маленькое, трусливое, незначительное. Митингующий при этом описывается как *гражданин*, как человек, обладающий чувством собственного достоинства. Используется прием личного обращения; создание эффекта объединения (постоянно используется категория «*мы*»). Постоянно увеличивается сила конструкций самооправдания: «*если я не пойду на митинг – я недостойный человек*». В большом количестве появляются связанные с этим тексты-апологии. Противники митинга выбирают тот же прием убеждения с привлечением аргументов, запугивания и метод сравнения («*оранжевые революции*», «*начало девяностых*»); также создается непривлекательный образ митингующего как «*марионетки*», «*хомячка*»; авторы при этом пользуются обезличенными конструкциями. В этот период происходит дискуссия вокруг атрибута митингующих («*белая лента*»), которая, на самом деле, является лишь «*вершиной айсберга*» *дискурса вмешательства внешних сил* (в частности, Госдепартамента США). И, наконец, к 9 декабря окончательно формируется концепция *общегражданского мирного протеста*, которая как бы противопоставляется иронически употребляемому слову «*революция*»; *митинг* четко обозначается как гражданская акция *ЗА* честные выборы, но не *ПРОТИВ* действующей власти; и эта концепция, по-видимому, принимается большинством сомневающихся как приемлемая. День митинга порождает большое количество «эйфорических» текстов-осмыслений, в которых вновь появляется образ митингующих как «*интеллигентных*», «*вежливых*», звучат мотивы *гордости* и *солидарности*; митинг обозначается как «*первый шаг*» к становлению «*гражданского общества*».

На наш взгляд, всё это в совокупности создало предпосылки для нового «витка» процесса общественно-политической мобилизации в сети Интернет, а затем, возможно, и формирования некой новой социальной практики – *практики человека митингующего*.

Виртуальные нарративные практики отечественных пациентов: опыт качественного он-лайн исследования

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Анна Семеновна Готлиб

Самарский государственный
университет (Самара)

Проблема субъективных смыслов болезни и их использования в отечественных медицинских практиках еще только начинает осмысливаться в российской социологии и философии медицины¹. Основное содержание ее состоит в том, что в ситуации современного общества, «общества ремиссии» в формулировке известного американского антрополога Артура Франка, когда «границы между здоровьем и болезнью фактически разрушены, так, что обычная дихотомическая формулировка здоровья как нормы и болезни как отклонения от нормы, поставлена под вопрос»,² хронические болезни составляют 70,0% в общей структуре патологии: благодаря успехам фармацевтики, борьбы с инфекциями создалась ситуация, когда пациенты и не выздоравливают полностью и не умирают от своих болезней, но скорее находятся в или вне состояния ремиссии. НЕ случайно сегодня в медицинской этике всерьез обсуждается вопрос о кардинальной смене ориентиров лечения: рассмотрение именно хронического больного как типичный случай вместо привычного «острого больного», о котором писал еще Т. Парсонс³. В этой кардинально изменившейся социальной ситуации обостряется проблема жизни с болезнью, периодически рецидивирующей и серьезно влияющей на жизнь больного в целом ⁴, когда «болезнь срастается с биографией, принудительно структурируя бытие человека в мире». ⁵

¹ Лехциер В.Л. Субъективные смыслы болезни: основные методологические различия и подходы к исследованию //Социологический журнал, 2009.№ 4; Лехциер В.Л. Раненый рассказчик: на пути к нарративной медицине //Вестник Самарского государственного университета, 2010, .№5; Готлиб А.С. Нарративная медицина глазами российских врачей // Вестник Самарского государственного университета, 2010. №5; Готлиб А.С. Современные отечественные медицинские практики в экзистенциальном измерении //Здоровье населения и национальные реформы: социально-антропологический анализ. М.: Вариант, 2011.

² Frank A. Wounded storyteller: body, illness, and ethics. Chicago: Chicago University Press, 1997. P.8

³Лехциер В. Субъективные смыслы болезни и: основные методологические различия и подходы к болезни //Социологический журнал, 2009.№4.

⁴ Эта проблема была, конечно, всегда, но только в современном обществе она принимает внушительные размеры.

⁵Лехциер В.Л. Нарративный поворот в медицине: терапевтические практики, этические сообщества //Экзистенция. Рига: ЕЕФАЕТ (Восточно-Европейская Ассоциация экзистенциальной терапии), 2011. №6, С. 47.

Вместе с тем именно к этой проблеме современная медицина, использующая классическую биомедицинскую модель, усиленную за счет процессов индустриализации медицины, практически глуха: биомедицинская модель видит в болезни лишь объективное явление природы, самостоятельную биологическую сущность, отделенную от человека, целостности его опыта, субъективных переживаний и социального контекста, а больного трактует исключительно как объект приложения научного знания и специфических манипуляций.

Современные медицинские практики (и отечественные, к сожалению, в первую очередь) убедительно демонстрируют «конфликт интерпретаций», рассогласование систем означивания: врачи, медицинское знание в целом «схватывают» болезнь в объективирующих медицинских терминах, в то время как для больного она прежде всего – опыт болезни, переживание болезни, понимаемое в русле феноменологии как наделение болезни собственными смыслами, накрепко спаянными с его (больного) индивидуальной биографией. Очень точно об этом пишет известная американская исследовательница Рита Харон: можно рассматривать болезнь только как «все то, что происходит с левой передней нисходящей артерией в груди пациента», (что прежде всего и делают врачи), а можно и как то, что «происходит в жизни больного и жизни его жены в ситуации болезни, что они думают о прошлом и на что надеются в будущем»¹, (что и должна делать нарративная медицина). Игнорирование современной медициной этих субъективных смыслов болезни, всего экзистенциального измерения неизлечимой болезни (а это скорее правило, чем исключение), не только приводит к неблагоприятному эмоциональному фону лечения, отрицательным образом сказываясь на самочувствии и времени выздоровления, но и существенно влияет на повседневную жизнь хронического больного, его способность к социальной мобильности, социальной адаптации, на его идентификационные структуры.

Включение экзистенциального пласта болезни в процедуру лечения с необходимостью предполагает знание врачами разнообразных субъективных смыслов болезни, которыми тот или иной больной наделяет свою болезнь. В рамках исследовательского проекта 2008-2010 г.г., осуществленного под руководством автора и поддержанного РФФИ, методом глубинного интервью с хроническими больными Самары (опрошено 50 хронических больных Самары) было выделено 16 классов таких смыслов²: 1. Болезнь как ограничение деятельности, привычного образа и ритма жизни, как упущенные возможности; 2. Болезнь как вина перед близкими; 3. Болезнь как приближение к смерти, финал, конец; 4. Болезнь как дополнительная материальная нагрузка; 5. Болезнь как социальное исключение, «вынужденное» выпадение из социума; 6. Болезнь как проявление слабости; 7. Болезнь как испытание, преодоление, своеобразный героизм; 8. Болезнь как невозможность эффективного (с точки зрения субъективного восприятия) исполнения семейных социальных ролей: жены, матери и т.д.; 9. Болезнь как унижение, как пространство

¹Haron R. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness. N.Y, Ox: Oxford University Press, 12006. P. 118.

² Готлиб А.С. Современные отечественные медицинские практики в экзистенциальном измерении //Здоровье населения и национальные реформы: социально-антропологический анализ. М.: Вариант, 2011. С.150-152

формирования «негативной» идентичности; 10. Болезнь как удел, судьба 11. Болезнь как расплата за жизненные успехи; 12. Болезнь как ощущение одиночества, непонимания; 13. Болезнь как экзистенциальное событие, как возможность «задуматься « о жизни, «остановиться», оглянуться». 14. Болезнь как проявления старения организма, как надвигающаяся старость; 15. Болезнь как потеря привычного облика, красоты; 16. Болезнь как зависимость от других.

Знание субъективных смыслов болезни врачи получают (или должны получать) из нарративных практик пациентов, осуществляемых ими в процессе общения «врач-пациент»: врачи интерпретируют нарративы больных людей, пришедших к ним получить медицинскую помощь. Проблема состоит в том, что ведущей фоновой практикой, как показало наше исследование, является практика «нерассказывания», практика «непосвящения» врача в свою жизненную ситуацию, вызванную болезнью. Ведущий мотив такого поведения – отсутствие привычки рассказывать врачу о чем-либо поверх своих физиологических ощущений болезни. Этот мотив, как мне кажется, сам является результатом торжества биомедицинской модели в отечественной медицине, следствием негласных конвенций, установившихся между врачом и пациентом: вы не спрашиваете, мы не рассказываем, в конечном итоге, следствием тотального институционального форматирования этих отношений, их иерархизации и формализации.

Вместе с тем известно, что в сети Интернет, в том числе и ее российской части, функционируют многочисленные виртуальные сообщества пациентов, участники которых с успехом обмениваются своими нарративами болезни, пытаются вести совместную жизнь-в-интерпретации, сообщая преодолевая хронические недуги. Часть этих сообществ образуют параллельные миры в отношении медицинских институтов, часть пытаются с ними виртуально взаимодействовать, находя поддержку тех или иных представителей медицинского знания, выступающих в Сети либо от своего имени, либо от имени своей институции. Эти разнообразные виртуальные нарративные практики пациентов сегодня практически не изучены.

Основная задача нашего исследовательского проекта 2011 года (грант РФФИ) состояла в анализе виртуальных нарративных практик пациентов, возникающих в пространстве взаимодействия «пациент-пациент» и «врач-пациент». При этом термин «практика» рассматривался в исследовании в широком смысле как рутинизированный тип поведения, включающий в себя как телесное, так и ментальное поведение (смыслы), а также эмоции и мотивы (А. Реквиц, Т. Шацки, В. Волков и О.Хархордин).

Ключевым концептом нашего исследования, имеющим непосредственное отношение к эмпирическому анализу нарративных практик, было понятие «нарративное сообщество». Современная социальная теория конструирует ряд типологий сообществ, используя различные типобразующие признаки: темпоральный, пространственный, цель, имманентность-трансцендентность, уровень (или масштаб) функционирования и т. д. 1. Медицинские нарративные сообщества рассматривались нами как аффективные этические

микросообщества, устроенные имманентным образом. Этическое сообщество имманентно, поскольку не определяется внешними задачами, институциональной, корпоративной логикой в частности. Оно обращено всегда внутрь себя. Смысл этого сообщества является достижение и удержание коллективного аффекта, коллективно разделяемых эмоций. При этом такое сообщество может быть и сообществом незнакомцев.

Конститутивным признаком пациентского нарративного сообщества (в нашем случае это сообщества коммуникаций «пациент-пациент» и «пациент – врач») является «ситуация крика о помощи», боль кричащего человека с одной стороны, и желание, и способность взять на себя бремя другого человека как ответ на крик о помощи с другой стороны¹. Кроме того, виртуальные пациентские сообщества – это всегда сообщества нарративов: хронические больные упорядочивают свое переживание болезни (свои смыслы болезни) как личный нарратив, который связан не только с неким новым самопониманием больного, но и с учреждением этического сообщества с его уникальной ситуацией онтологической совместности.

Для эмпирического анализа нарративных практик пациентов в соответствии с нашим пониманием пациентских нарративных сообществ были отобраны медицинские сайты (форумы), которые не преследовали коммерческих целей: продвижение медицинских услуг, медицинских институций, лекарств, конкретных врачей.

В качестве документа для качественного анализа текстов были выбраны три типа медицинских сайтов, различающиеся характером субъектов общения: «пациент-пациент», «врач-пациент», а также смешанный тип, где присутствует оба этих типа общения. Наряду с этим было проведено 10 качественных он-лайн интервью с пациентами-участниками анализируемых нарративных виртуальных сообществ. В исследовании решались следующие задачи: описать содержание нарративных практик в рамках коммуникации «пациент-пациент» и «врач-пациент»; описать мотивы производства нарративных практик, их эффективность (в субъективном измерении).

Анализ показал, что нарративные практики в рамках виртуального взаимодействия «пациент-пациент» содержат следующее: просьбы и оказание психологической поддержки в ситуации болезни; обмен сходным опытом болезни с «бывалыми людьми»; озвучивание собственного опыта выздоровления, собственной победы над болезнью; оценки конкретных клиник, врачей; просьбы относительно юридической консультации и сами эти консультации; предложения обмена и дарения лекарств и вещей; общение на отвлеченные темы с целью «поднять настроение»; конкретные рекомендации и помощь в ситуации сложных отношений с родными; предложения знакомства с целью создания семьи; поиск нужных лекарств и их оценка.

Анализ содержания нарративных практик пациентов в рамках взаимодействия «пациент-врач» показал, что их содержание отличается от содержания нарративных практик, рассмотренных мной ранее, и характеризуется большей направленностью на получение

¹ Лехциер В.Л. Сообщество и нарратив: новый тренд философии медицины // Герменевтика сообщества. Материалы конференции. Самара: Самарский университет, 2011.

профессиональной помощи в ситуации болезни: просьбы о консультации в конкретной ситуации болезни; перепроверка поставленных ранее другим врачом диагноза; обсуждение конкретных лекарств и методов лечения; просьбы получить информацию о перспективах конкретной болезни, ее отдаленных последствиях.

Сравнение содержания нарративных практик в двух анализируемых ситуациях виртуального взаимодействия показывает, что в виртуальном общении «пациент-пациент» в значительной мере представлены разнообразные смыслы болезни, когда она (болезнь) вставлена в важные для человека социальные и экзистенциальные координаты: в текстах присутствует боль одиночества, непонимания, социального исключения из привычного социального круга, связанного с болезнью; сетования по поводу материальных сложностей, связанных с необходимостью покупать дорогие лекарства; просьбы помочь в ситуации конфликта с родственниками, связанного так или иначе с болезнью. Особое место занимают «нарративы выздоровления», где выздоровевший человек предстает как герой, все преодолевший и победивший.

В то же время в виртуальном общении «пациент-врач» субъективные смыслы болезни практически не представлены. Анализ нарративных практик пациентов в рамках такого общения показывает, что те из них, в которых пациент выходит за рамки вопроса о конкретной болезни, фактически остаются без отклика. Коммуникация «врач-пациент» в этом случае просто не происходит. Такая, сугубо прагматическая ориентация на получение профессиональной врачебной помощи довольно часто задается уже самим сайтом. Призывы – обращения врачей к пациентам спрашивать только о конкретном, нередко встречающиеся на подобных сайтах, фактически блокируют появление нарративов, так или иначе относящихся не столько к физиологическим проявлениям болезни, сколько к ее экзистенциальному и социальному контекстам. Налицо, на мой взгляд, ситуация «двойничества»: виртуальное он-лайн общение фактически, к сожалению, повторяет реальное офф-лайновое общение врача и пациента.

Анализ он-лайн интервью показал, что участники нарративных сообществ связывают мотивы и эффективность своего участия (речь идет о субъективно ощущаемой эффективности) в коммуникации «пациент-пациент» не столько с прагматическими результатами, сколько с психологическими аспектами: психологической поддержкой в болезни (пациентская солидарность), избавлением от многих фобий, удовлетворением от возможности помочь другому, от возможности выговориться и быть услышанным. В то же время одним из часто проговариваемых мотивов участия пациентов в виртуальной коммуникации «пациент-врач» был мотив, связанный с возможностью анонимного общения с врачом, общения значимого для больного именно своей анонимностью.

С позиции методической рефлексии нашего опыта он-лайн исследования можно, как мне кажется, выделить два момента: этический и гносеологический. Первый связан с ответом на вопрос: обязателен ли здесь в нашей исследовательской ситуации (качественный анализ нарративных практик) принцип информированного согласия или

не обязателен?¹. На мой взгляд, не обязателен по ряду причин. Во-первых, известно, что информанты, участвуя в форумах, достаточно хорошо представляют себе, что Интернет все-таки при всех оговорках – публичная сфера, а блоги, форумы – это феномены «публичной интимности». Во вторых, и это никто не отменял, если социологический анализ не приводит к нежелательным социальным последствиям для информантов, если делается он исключительно в научных целях, то с этих позиций вполне может использоваться. В нашем случае, возможность производства социологического анализа без согласия информантов дополняется еще и тем, что практически все участники анализируемых нами виртуальных нарративных сообществ – участвуют на условиях анонимности.

Второй методический вопрос – гносеологический связан с оценкой познавательных преимуществ (или ограничений) качественного он-лайн интервью. Следует отметить, что в нашей исследовательской ситуации на интервью соглашались неохотно. Планируемые скайп-интервью, которые по нашему мнению, должны были создать эффект межличностного участия (а-ля «живое» интервью) практически не состоялись: информанты находили любые (преимущественно технические) причины, чтобы отказаться от общения «лицом к лицу», пусть и опосредованному техникой, и перейти к другим видам электронного интерактивного общения (электронная почта, чат). В то же время такие интервью были, на наш взгляд, полноценными, приносящими удовлетворение и информантам. Все это позволяет сделать вывод о том, что в случае сензитивных тем, (а это наш случай), анонимные интерактивные интервью – наиболее адекватный метод.

1 Девятко И.Ф. Он-лайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности //Онлайн исследования в России 2.0. М.: РИЦ «Северо-Восток, 2010. С.28.

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Социальная адаптированность инвалидов как объект социологического измерения: возможности совмещения количественной и качественной стратегий

Анна Юрьевна Домбровская

Орловского государственного института
искусств и культуры (Орёл)

История спора социологов о соотношении качественной и количественной стратегий - довольно длинная. Решений этого вопроса достаточно много. Во-первых, возможно поэтапное использование качественных (на этапе вхождения в проблему исследования) и количественных (на этапе сбора основной информации) методов исследования. Во-вторых, есть мнение о существовании совершенно определенных показаний к использованию качественных и количественных методов в зависимости от предмета исследования. В-третьих, возможно использование качественных методов как дополнительных способов анализа исследуемого предмета. В-четвертых, есть позиция об абсолютной недопустимости качественных методов в социологическом исследовании. В-пятых, существует обратная убежденность – социологические исследования, прежде всего, должны изучать микросоциальный мир посредством исключительно «мягких», качественных методик [1].

Изучая социальную адаптацию инвалидов, мы апробировали возможность поэтапного сочетания количественной и качественной стратегий в одном исследовании. Пилотажное исследование проводилось в сентябре 2011 г. в г. Орле (респондентами явились инвалиды из числа актива и рядовые члены областного отделения Всероссийского общества инвалидов) и г.Болхове (в Доме-интернате для детей- инвалидов, в котором были опрошены все воспитанники в возрасте 15-18 лет). Всего в исследовании приняло участие 100 лиц с ограниченными возможностями здоровья. Схема анализа данных тестирования была подчинена принципу: 1 балл – при выявлении адаптированности по данному индикатору, 0 баллов – при выявлении дезадаптированности по данному индикатору. Далее к числу адаптантов относили тех, кто набрал не менее 5 баллов по объективным критериям и не менее 5 баллов по субъективным индикаторам. Соответственно объективные адаптанты набирали не менее 5 баллов по объективным индикаторам и не более 4 баллов – по субъективным индикаторам. Субъективные адаптанты, наоборот, имели не более 4 баллов по объективным индикаторам и не менее 5 баллов по субъективным индикаторам. Дезадаптанты определялись как респонденты, набравшие не более 4 баллов по объективным и не более 4 баллов по субъективным индикаторам. Используя количественную стратегию, в

частности, тестирование уровня социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья (с применением 16 индикаторов: *объективные* - социальные роли инвалида в семье, социальный статус в семье, социальное окружение, социальные связи, способность удовлетворить свои основные потребности, уровень социальной активности, уровень успешности социальной активности, коммуникативная компетентность, состояние здоровья и *субъективные* - удовлетворенность своими отношениями с окружающими, удовлетворенность своим социальным статусом, удовлетворенность своим образом жизни, удовлетворенность реализацией своих основных потребностей, удовлетворенность уровнем своей самореализации, характер самооценки, восприятие уровня своей включенности в группу, физическое самочувствие) нам удалось получить долевое распределение респондентов по типам социальной адаптированности.

Прежде чем представить результаты осевого распределения людей с ограниченными возможностями по характерным для них типам социальной адаптации, отметим, что сам процесс оценки указанных критериев совмещал количественную и качественную стратегии. Количественной оценке (присвоению 0 или 1 балла) по каждому критерию предшествовал качественный анализ свободных ответов респондентов на определенные вопросы. Ведущим способом анализа данных здесь выступал метод «обоснованной теории» (grounded theory, А.С. Готлиб [2]). По некоторым критериям решение о присвоении 0 (дезадаптированности по данному критерию) или 1 (адаптированности по данному критерию) принималось в результате использования дополнительных методов сбора эмпирической информации. Например, измерение признака ролевого репертуара инвалидов осуществлялось посредством сопоставления нарративов (см. Е.Р.Ярская-Смирнова [3]) самих респондентов с транскрибированными текстами ответов их родственников на вопрос о выполняемых данным респондентом социальных функций в семье и общественной жизни. Часть критериев потребовала использование объективных методов сбора фактуальных данных. Так, оценка признака коммуникативной компетентности происходила посредством включенного наблюдения за поведением респондента в процессе его общения с другими людьми (в частности, на мероприятиях Всероссийского общества инвалидов). Кроме того, такие критерии, как состояние здоровья и успех социальной активности предполагали использование метода анализа документов (были привлечены личные документы: медицинская карточка, трудовая книжка, грамоты и благодарности за участие в творческих конкурсах, фестивалях и т.д.). Трудностей отнесения респондента к адаптационному или дезадаптационному значениям критериев практически не возникало, поскольку техники понимающего восприятия текста гораздо в большей степени, чем количественный контент-анализ, обеспечивали возможность оценки и интерпретации определенного аспекта социальной реальности, тем более что качественная стратегия позволяла производить уточнения в процессе самого сбора эмпирической информации.

Подсчет баллов и определение типа социальной адаптации, характерного для каждого лица с ограниченными возможностями здоровья, участвовавшего в исследовании, показал следующее

распределение. Адаптанты, сочетающие высокий уровень объективных и субъективных индикаторов социальной адаптированности, составили 3% от общего числа опрошенных. Субъективные адаптанты, совмещающие низкий уровень объективных показателей социальной адаптированности и высокий уровень субъективной адаптированности – 23%. Объективные адаптанты, демонстрирующие низкий уровень субъективной адаптированности при наличии высокого уровня объективных индикаторов адаптированности – 13%. Наконец, 61% от общего числа участников исследования составили инвалиды, сочетающие низкие уровни объективной и субъективной адаптированности (дезаптанты).

Вместе с тем, из данного распределения можно получить минимум качественной информации о стратегиях и своеобразии процесса социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому для уточнения содержания типов социальной адаптированности инвалидов представим результаты неформализованного интервью с применением гайда, включающего вопросы о жизнеустройстве инвалидов, стратегии их взаимодействия с окружающими, об их социальной ситуации в целом.

Описывая нашу стратегию совмещения количественного и качественного анализа результатов предпринятого исследования, сделаем ссылку на опыт представителей Саратовской школы социологии (прежде всего, П.В.Романова и Е.Р.Ярской-Смирновой), которые апробировали количественно-качественную методику анализа медиа-текстов [3]. В процессе определения выборочной совокупности для качественного анализа текстов ими был обоснован приём, заключающийся в отборе наиболее содержательных и информативных публикаций. Экстраполируя данный способ на наше исследование, для качественного анализа текстов интервью мы произвели отбор наиболее ёмких и обстоятельных ответов на открытые вопросы бланка интервью. Эти 23 нарративных текста и составили круг исследовательских случаев для гибких методов анализа и интерпретации данных опроса.

Помимо упомянутого нами метода обоснованной теории, в процессе анализа транскрибированных текстов интервью использовались еще две техники: дискурсивного анализа [4] и поиска общего в различных текстах [2].

Говоря о содержательном наполнении стратегии социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья, инвалиды, относящиеся к числу адаптантов и субъективных адаптантов, придерживаются стратегии, условно названной нами «ориентация на оказание помощи другим как ресурс социального самочувствия». Эти немногочисленные респонденты (их суммарная доля составляет 26%) свободны от стереотипов патерналистской помощи и оценивают себя с точки зрения того, чем они могут быть полезны окружающим. Их высокая самооценка связана, прежде всего, с ощущением своей способности оказать практическую помощь другим и осознанием собственной значимости для этих лиц, нуждающихся в их поддержке. Инвалидов данных типов стратегий социальной адаптации отличает, как правило, широкий круг семейных обязанностей, участие в общественных объединениях различного рода, активная гражданская позиция.

Что касается двух других типов людей с ограниченными возможностями здоровья (объективные адаптанты и дезадаптанты), составляющих абсолютное большинство инвалидов, принявших участие в исследовании (суммарно 74%), то их характеризует противоположная стратегия социальной адаптации. Условно данную стратегию можно определить как «ориентация на получение пассивной помощи и покровительное отношение к себе». Для данной категории информантов характерна позиция ожидания помощи от государства, родственников, общественных организаций при полном нежелании проявлять социальную активность. Рассказывая о своей жизни, данные респонденты делают упор на перечислении своих проблем, отсутствии перспектив их разрешения, формирование пессимистического представления о своем жизнеустройстве, вербализируют проблемы своей социальной изолированности и невозможности удовлетворить свои потребности.

Эти наиболее общие выводы дополним результатами качественного анализа отдельных нарративов людей с ограниченными возможностями, полученными в процессе их свободных ответов на вопросы трех центральных тем: их социальное самочувствие, наиболее острые жизненные проблемы и условия успешной социальной адаптации.

Отвечая на первый вопрос, люди с ограниченными возможностями описывали, как правило, свои психологические ощущения от пребывания в общественных местах и рассказывали о тех ресурсах, которые помогают им, несмотря на физические ограничения, адаптироваться в обществе. Эти рассуждения, на наш взгляд, также могут быть представлены рядом дискурсов.

1. *Дискурс семьи как основного фактора собственной социальной адаптации.* Дискурс-анализ отобранных для качественного исследования текстов интервью людей с ограниченными возможностями здоровья позволил выявить характерную для информантов тенденцию восприятия своей семьи как главного жизненного ресурса. Семья, и, чаще всего, мать является посредником, связующим звеном между обществом и человеком с инвалидностью. В отдельных случаях происходит нечто вроде социального симбиоза матери и ребенка, образующих фактически социальное целое. Словом, жизненные подвиги родителей в этом отношении, несомненно, служат важным фактором приспособления людей с ограниченными возможностями здоровья к общественной жизни в условиях инвалидности. Примечательно то, что в случае отсутствия постоянного родительского внимания (как, например, у детей – инвалидов из Дома-интерната), семья представляется тем, вопреки чему удалось приспособиться к ограничениям здоровья. Эти молодые люди выражают установку на преодоление жизненных ограничений для того, чтобы доказать своим родителям собственную полноценность. Эта мысль прослеживается в высказываниях такого рода «Я приобрету профессию, устроюсь в жизни, создам свою семью и они (родители) поймут, что у меня всё хорошо». Значимым аспектом анализа данных текстов является и то, что создание собственной семьи и воспитание детей для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, воспитанных в Доме-интернате – ведущий стимул жизни и обязательное условие собственной

состоятельности, это их цель и главный жизненный ориентир. Поэтому, принимая во внимание то, что некое условие может быть и положительным, и отрицательным стимулом, считаем, что семья для инвалидов представляется ключевым фактором их социальной адаптации.

2. *Дискурс самовосприятия.* Согласно результатам качественного анализа отобранных текстов интервью, люди с ограниченными возможностями здоровья говорят об отношении к себе со стороны окружающих как о важном факторе формирования собственной «Я-концепции», а, следовательно, значимом ресурсе социального приспособления. Описывая данный дискурс самовосприятия, мы установили некое противоречие. С одной стороны, информанты заявляют о необходимости отношения к ним как к равным в общественных местах («без унижительных взглядов сочувствия и проявления жалости»), с другой – демонстрируют явную установку на свое «особое положение» в общественных местах: транспорте, на дороге, очереди и проч. Полагаем, что существуют, как объективные, так и субъективные причины этого явления. Среди объективных – тот факт, что состояние безбарьерной среды в городах нашей страны далеко от совершенства, и самостоятельно, без посторонней помощи люди с болезнями опорно-двигательного аппарата или органов зрения передвигаться, зачастую не могут. Отсюда – те обидные и нежелательные для инвалидов реакции со стороны окружающих. Весьма значимы и субъективные факторы, заключающиеся в формировании масс-медийным информационным полем дискриминационного дискурса инвалидности, репрезентирующего людей с ограниченными возможностями здоровья как пассивных и недееспособных получателей помощи. Против данного стереотипа и звучат заявления информантов о важности отношения к себе как к полноценным членам общества. Отметим, что сегодня в нашем обществе всё ещё не преодолена дискриминация по физическому признаку, мы всё ещё оцениваем людей, в первую очередь, по признаку нормы психофизиологического строения, тогда как более социально оправданно оценивать человека, прежде всего, по его способностям и личностным качествам.
3. *Дискурс наиболее значимых для инвалидов видов помощи.* Размышляя о самых необходимых видах помощи, люди с ограниченными возможностями называют, прежде всего, материальную поддержку или натуральную помощь, то есть имеют явную установку на получение пассивных видов помощи. В то же время, эти же информанты демонстрируют высокую степень неудовлетворенности тем стереотипным образом инвалида, который сформировался под влиянием средств массовой информации, и который представляет людей с ограниченными возможностями здоровья как лиц, ориентированных на иждивенческую жизненную позицию. Здесь мы вновь имеем дело с определённым противоречием, превращающим в замкнутый круг такой важный аспект социальной реальности человека с ограниченными возможностями здоровья, как его социальный статус и его самооценку. Объективно инвалиды нуждаются, в первую очередь, в материальной помощи, но это далеко не единственные их потребности. Им необходимы и статусная, и информационная, и диффузная (организация досуга) виды помощи. Однако доминирующий

общественный дискурс как бы легитимирует достаточность пассивной помощи людям с ограничениями здоровья. В этой связи значимым видится удовлетворение средствами массовой информации статусных и информационных потребностей инвалидов посредством увеличения удельного веса материалов об инвалидах, для них и от лица самих людей с ограниченными возможностями здоровья. Важно не только количественное изменение, но и качественное преобразование таких сообщений. Следует представлять инвалидов как людей, выполняющих определенные социальные роли и функции, как лиц, успешно преодолевающих жизненные ограничения.

4. *Дискурс осознания инвалидами реализуемой обществом стратегии их социальной изоляции.* Наиболее полное выражение данный дискурс находит в нарративах молодых людей с ограниченными возможностями здоровья – воспитанников Дома-интерната. В их рассуждениях присутствует осознание некой ниши, в которую общество помещает детей-инвалидов, и, прежде всего, воспитанников Дома-интерната. Значимым для информантов представляется получение возможности обучаться в обычных общеобразовательных учреждениях, а не в специализированных школах. Очевидно, поэтому, как бы доказывая наличие своих способностей, в процессе свободного интервью мы фиксировали их постоянные попытки доказать свою интеллектуальную состоятельность, хотя никаких сомнений в их мыслительных способностях мы не выражали. Результаты анализа этих интервью, по сути, могли бы внести важный вклад в дискуссию о том, что более комфортно для инвалидов: их помещение в специализированные учреждения «к себе подобным» или их полная социальная интеграция.

Подводя промежуточные итоги нашего пилотажного исследования, отметим, что нами выявлено явное недопонимание, расстояние между жизненными пространствами инвалидов и остальных людей. Рассматриваемая проблема имеет две стороны. Одна заключается в том, что общественность лишена культуры отношения к людям, имеющим инвалидность. Другая – в том, что сами люди с ограниченными возможностями в силу стереотипности общественного сознания имеют в большинстве своем низкую самооценку, недостаточный уровень амбиций и пассивную стратегию социальной адаптации.

Для того, чтобы сравнить результаты качественного анализа отобранных текстов интервью с распределениями, полученными в процессе количественного анализа, представим данные долевой репрезентации значений измеряемых признаков.

Показательными данными являются осевые распределения ответов респондентов на вопросы о наиболее востребованных видах помощи как ресурсов и условий их успешной социальной адаптации, а также о препятствиях, затрудняющих, по мнению людей с ограниченными возможностями здоровья, их интеграцию в общество.

Так, анализ выбранных опрошенными инвалидами наиболее важных для них видов помощи позволил получить следующие частоты:

- материальная /или натуральная помощь – 39%;
- помощь в обучении, получении профессии и трудоустройстве – 19%;
- помощь в организации интересного досуга – 16%;
- помощь в расширении круга общения – 11%;
- медицинская помощь – 9%;

- консультации специалистов в сфере социальной защиты – 6%.

В том случае, если бы мы ограничились количественным анализом данного признака, доминирующее заключение было бы очевидно: около половины респондентов считают значимым жизненным ресурсом для улучшения своего социального самочувствия пассивные виды помощи (суммарно доли ответов, связанных с материальной, натуральной и медицинской видами помощи). Тот факт, что другая половина ответов людей с ограниченными возможностями здоровья касалась так называемых активных методов социальной поддержки, скорее всего, не дал бы содержательной информации, поскольку на каждый вид активной помощи приходилось не более пятой части ответов респондентов. И лишь располагая результатами качественного анализа свободных ответов людей с ограниченными возможностями здоровья о тех ресурсах и условиях, при которых возможна их более успешная социальная адаптация, мы можем интерпретировать полученные цифры более корректно и обоснованно. Так, зная о противоречии, заключающемся в том, что, с одной стороны, инвалиды ориентированы на получение материальных благ от государства, с другой - имеют явную неудовлетворенность пассивным стереотипным дискриминационным образом инвалида, который бытует в межличностной коммуникации, при анализе указанных частот мы обратим, в первую очередь, внимание на то, что более половины (52%) ответов опрошенных связаны с их стремлением к социальной интеграции и ощущением себя полноценным членом общества.

Распределение ответов респондентов на вопрос о барьерах социальной интеграции и их последующее сравнение с данными качественного анализа также позволит нам понять, насколько неполными были бы результаты исследования, ограниченного исключительно интерпретацией частот.

Анализ ответов респондентов на вопрос о препятствиях, затрудняющих интеграцию человека с ограниченными возможностями здоровья, было получено следующее распределение:

- отсутствие безбарьерной среды – 31%;
- неуверенность, отчаяние человека с ограничением здоровья – 21%;
- невозможность обучиться желаемой профессии и трудоустроиться – 19%;
- социальные стереотипы, дискриминирующие инвалида в обществе – 17%;
- отсутствие информации о возможностях получения необходимых видов помощи – 7%;
- ничего не затрудняет, всё преодолимо при желании – 5%.

Как видно, эти значения указывают на явное доминирование среди ответов респондентов жалобы, сетования на некое объективное препятствие (отсутствие пандусов и других специальных устройств для подъёма и передвижения инвалидов по городу). В условиях отсутствия результатов качественного анализа неформализованных ответов людей с ограниченными возможностями здоровья, мы, очевидно, пришли бы к выводу о пассивной адаптационной стратегии инвалидов, ориентирующихся на некое самооправдание: собственная дезинтеграция объясняется ими отсутствием определенной помощи и ресурсов, «спускаемых сверху», некоего государственного участия.

Однако, зная о содержании определенной части нарративов людей с инвалидностью относительно их мнения о барьерах собственной социальной интеграции, мы читаем и интерпретируем данные указанного распределения несколько иначе. Прежде всего, результаты качественного анализа текстов интервью предопределяют целесообразность объединения, суммирования долей, приходящихся на такие варианты ответов, как «неуверенность, отчаяние инвалида» и «дискриминационные социальные стереотипы». Анализ текстов интервью показывает, что между названными значениями существует причинно-следственная связь. Так, рассказывая о бытующей в межличностной коммуникации социальной стереотипизации инвалидов как людей, ориентированных на пассивную жизненную позицию и роль общественного балласта, респонденты приходят к выводу о том, что это служит причиной их отчаяния и неуверенности в своих силах. Весьма значимо для нас также, что сопоставление ответа респондента на закрытый и открытый вопрос об одном и том же, даёт совершенно противоположные данные. Выбирая из числа предложенных вариантов, участники опроса чаще всего ориентируются на некую фатальность и признание невозможности решить проблему социальной интеграции инвалидов в российском обществе. В то же время, отвечая на тот же вопрос о барьерах социальной интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья в открытой форме, респонденты выходят на рассуждения о собственных личностных ресурсах и воспоминания об успешном опыте преодоления жизненных ограничений. Очевидно, что в процессе интерпретации вышеуказанного распределения частот на вопрос о препятствиях социальной интеграции инвалидов пятипроцентное значение признака «всё преодолимо при желании» осталось бы, скорее всего, незаслуженно проигнорированным.

Говоря о наиболее общих выводах, полученных в результате сочетания количественного и качественного анализа данных интервью, отметим важную, на наш взгляд, тенденцию, которая может быть вполне очевидной и оправданной с точки зрения здравого смысла. Так, оценивая специфику процесса социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья, мы установили, что наибольшие отличия этот процесс имеет в случае с инвалидами, имеющими так называемые видимые ограничения (прежде всего, отсутствие конечности, зрения или перемещение в инвалидной коляске). Это объясняется тем, что помимо объективных жизненных затруднений, связанных с ограничениями здоровья, у данных инвалидов появляются дополнительные препятствия социальной адаптации в виде стереотипного, дискриминационного отношения окружающих. В связи с этим нам представляется такая закономерность: для людей, имеющих общие заболевания и не имеющих видимых особенностей внешности, статус инвалида является позитивным фактором адаптации экономического порядка (получение пособия), в остальном процесс социальной адаптации этих людей не сильно отличается от такового населения в целом. Инвалиды же с видимыми ограничениями здоровья наделены неким «социальным клеймом» [5], стигматизирующим их как общественную обузу и недееспособных индивидов, поэтому их экономическая и в целом социальная активность затруднена в гораздо

большой степени, чем у людей с ограниченными возможностями здоровья, например, по общему заболеванию.

Таким образом, сочетание количественной и качественной стратегий позволило нам не только выявить долевое распределение типов социальной адаптированности по вертикальной оси признака, но и содержательно, качественно проанализировать своеобразие стратегий их социальной адаптации. Перспективой данного исследования может стать разработка на основе масштабного социологического исследования практических рекомендаций социальным службам и общественным организациям по формированию стратегии взаимопомощи у людей с ограниченными возможностями здоровья в процессе их социальной адаптации. Основные выводы и заключения такого исследования могли бы также детерминировать научно обоснованные рекомендации по медиа-конструированию образа людей с ограниченными возможностями здоровья в общественном дискурсе как одному из основных ресурсов процесса социальной адаптации инвалидов.

Источники:

1. Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных //Социология: методология, методы и математическое моделирование. – 1991. - № 1. – С. 14-31.
2. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы, методология, исследовательские практики. - М.: Изд-во «Флинта», 2005.
3. Романов П. В., Ярская – Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов: «Научная книга», 2006. – 260с.
4. Шевченко А.Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов //Политические исследования. – 2002. - № 6.
5. Ярская – Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. – Саратов: Саратовский государственный технический университет, 1997. - 272с.

РАЗДЕЛ 2

ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

«...А душу можно ль рассказать?»: особенности формирования жизненных стратегий осужденными (на примере анализа биографических интервью)

Наталья Викторовна Тищенко

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов)

Статья посвящена анализу способов формирования гендерной идентичности в местах лишения свободы на материале биографических интервью с осужденными мужчинами и женщинами. В ходе исследования были выявлены специфические стратегии саморепрезентации в условиях ограничения свободы. В статье делается вывод, что в тюремном сообществе под воздействием механизмов контроля и наказания, направленных на десексуализацию индивида, формируется две стратегии конструирования гендерной идентичности.

Техника нарративного анализа

Первостепенная задача, которая была поставлена при разработке программы исследования, заключалась в выявлении особенностей конструирования гендерной идентичности в условиях лишения свободы на материалах нарративов интервью с осужденными мужчинами и женщинами¹. Всего было собрано 25 интервью: 8 — с осужденными женщинами, 11 — с осужденными мужчинами, 6 — с сотрудниками ФСИН и колоний. С некоторыми из респондентов удалось побеседовать несколько раз, поэтому эти интервью представляются более откровенными и содержат важную для исследования информацию. Во многом специфика организации и трансляции феминных и маскулинных практик в колониях объясняется смещением представлений респондентов о публичном и приватном пространствах. При реконструировании текстов интервью мы опираемся на позиции когнитивных методов, целью которых является «понять мыслительные процессы, управляющие ответами респондентов во время опроса»². Эта методология позволяет вскрыть особенности взаимодействия когнитивных полей исследователя и информанта, которые зачастую имеют противоположные значения. Когнитивные методы максимально смягчают возможность наложения неадекватных тексту нарратива

¹ Предлагаемая статья является частью исследования, посвященного анализу гендерных режимов, характерных для субкультур отечественной пенитенциарной системы. Исследование проводилось в 2007-2010 гг. и включало в себя так же гендерную экспертизу законодательства в сфере наказания, анализ эффективности деятельности социальных служб. Исследование проводилось при поддержке Российского гуманитарного фонда (РГНФ) и Фонда Американского Совета Научных Сообществ (ACLS).

² Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М., 2002. С.8.

смысловых рядов, которые формируются согласно исследовательской позиции интерпретатора.

Для анализа интервью с осужденными выбор подобной методологии принципиален. Осужденные в ходе постоянных допросов при проведении дознания, следствия, а затем и в колонии приобретают специфический опыт формирования ответов. Механизм этих ответов можно описать следующим образом: любой вопрос респондент воспринимает как определенную угрозу, поэтому главной его задачей является нейтрализация этого вопроса и формулирования такого ответа, который прервет всякое дальнейшее расспрашивание. Осужденный стремится нивелировать всякую возможность его собственной интерпретации происходящих событий. Такого рода нарративы содержат в себе коды и смыслы, которые способны раскрыть специфику формирования идентичности, в том числе и гендерной, в условиях лишения свободы.

В анализе интервью мы применяем социально-конструкционистскую методологию, которая позволяет определять «социальные факты» и «социальную реальность» в качестве продуктов дискурсивных практик. Исследование направлено не на выяснение «что же происходит на самом деле», а на уточнение того, каким образом респонденты интерпретируют реальность, что именно в их дискурсе определяется как «истинное» и «ложное»¹. Соответственно, в исследовательский ракурс попадают социальные практики, способы построения нарративов, властные стратегии, которые и насыщают представления индивида о собственной гендерной идентичности².

Если принять за исходное определение нарратива как последовательности высказываний, организованных вокруг определенного ядра событий³, то в применении к рассказам наших респондентов, осужденных, возникает ряд методологических проблем, от решения которых зависит характер исследования. Нарратив подразумевает наличие *когнитивного перехода*, включающего несколько стадий формирования ответа. Различными исследователями отмечается наличие, как минимум, четырех ступеней: понимание вопроса (1), поиск адекватной информации (2), вынесение суждения (3), формулирование ответа (4)⁴. Для того чтобы эти ступени были представлены в рассказе, необходимы некоторые навыки оценки и анализа со стороны респондента, но самое главное — желание информанта дать соответствующий его собственным представлениям ответ, а не использовать выработанные общественным мнением суждения. Определить, насколько ответы отражают личное мнение индивида, возможно через соотнесение личного семантического словаря индивида и его навыков построения предложений с существующими шаблонами высказываний и оценок.

¹ Гарфинкель Г., Сакс Х. О формальных структурах практических действий // Социология. 2003. № 2. С. 94-136; Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Oxford, 1984. P. 116–185.

² Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарратива — возможности реконструкции социальной идентичности / В поисках сексуальности: Сб. ст. СПб, 2002. С. 549-558.

³ Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М., Саратов, 2001. С. 111.

⁴ Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М., 2002. С. 31.

Нарушение когнитивного перехода

Формулирование ответа в нарративах осужденных происходит в обход обозначенных четырех стадий. Здесь мы сталкиваемся со специфическими семантическими и логическими конструкциями, чье возникновение объясняется нарушением разграничения на приватное и публичное в условиях лишения свободы. В местах лишения свободы через режимные правила и нормы внутренней тюремной субкультуры осуществляется перераспределение частных/индивидуальных и общественных интересов, символов и пространств. В ответах осужденных максимально завуалировано личное отношение, индивидуальная оценка и почти полностью отсутствует способность к реконструкции возможных событийных рядов.

Четырехстадийная формула ответа нарушается в интервью с осужденными потому, что режимные правила, стремящиеся контролировать семантические и когнитивные построения осужденных, изначально направлены на вытеснение как поиска адекватной информации, так и вынесение суждения. В данном случае под вопрос ставится сам смысл нарративного изложения. В тексте достаточно тяжело обнаружить присутствие рассказчика, услышать его оценку окружающих, даже если такая оценка и дается, она номинальна по сути и респондент избегает давать ей объяснение. Строение такого рода нарратива больше напоминает последовательность отдельных фактических срезов, которые достаточно осторожно подбираются рассказчиком. Респондент не стремится «понять вопрос», скорее он пытается как можно скорее завершить процесс расспрашивания и свои ответы строит именно согласно этой логике. Вот отрывок из интервью с осужденным:

И. Опишите, пожалуйста, распорядок Вашего дня в колонии. Как обычно складывается Ваш день в колонии?

Р. Не понимаю, зачем это Вам... **[предел понимания]**

И. Расскажите, чем Вы обычно занимаетесь в течение дня.

Р. А может Вам какую-нибудь историю нужно рассказать?... Особенную?... Нет?... Как обычно... Я?.. или все остальные?..**[поиск адекватной информации]**

Все разными вещами занимаются... **[предел ответа]**

Я ничего не делаю. Я на особом положении. У меня даже курево лучше, чем у охраны, они что попроще дымят, а я Marlboro, не хуже. Я и не работаю, не ем со всеми, у нас все свое. Один, он сам с Украины, сидит с нами, он сам вызвался поваром, а мы что, не против, нам легче, думать не надо. Но мы к нему с уважением. Да... сам ведь вызвался, говорит — готовить буду на всех. **[вынесение суждения]**

Ну в клубе я сижу весь день. Там в карты, в шашки, нарды, туда начальники и не заходят. Клуб — это наше место. Мы там и развлекаемся, у нас ансамбль, да, я на гитаре... играю. Вот и все. **[формулирование ответа, не предполагающее дальнейший рассказ]**

И. А как проходит день у других осужденных?

Р. Не знаю... Мужики — они просто работают и ждут освобождения. Они просто терпят все. А так, не знаю. За себя знаю, за остальных нет¹.

¹ Интервью № 4. Александр, 38 лет, дважды судим, принадлежит к семье авторитета

Как видно из этого примера, респондент с самого начала отрицает важность и необходимость той информации, которой он владеет. Фраза «не понимаю, зачем это Вам» не демонстрирует расхождения в когнитивных рядах спрашивающего и отвечающего. Этим замечанием осужденный показывает, что его рассказ включает в себе знаки и смыслы, не имеющие значения для слушателя, которые, более того, не могут быть адекватно восприняты и воспроизведены. Респондент уверен в наличии абсолютного семантического и когнитивного разрыва между ним и интервьюером. Этим и объясняется отсутствие четкого когнитивного перехода в построении ответов, постоянно прерывающихся самим респондентом. Предел понимания или предел ответа — это своеобразный барьер, проникнуть за который можно, лишь обладая знанием специфических семантических кодов.

Другой осужденный в своем интервью прямо указывает на наличие таких кодов и сложность их вербализации:

И. Ты попал в колонию впервые. Каким образом ты узнал элементарные правила поведения здесь, что можно делать, а что нет?

Р. Да,... (хм)... знаешь просто все это, вот и все... Ну, конечно, объясняют. Но я просто знаю правила,.. еще на свободе знал. Ты просто знаешь, как и что нужно делать. Ну ведь мы же просто знаем некоторые вещи и не удивляемся этому. Да, так.

И. И все, что ты знал о зоне на свободе совпало с тем, что ты увидел здесь?

Р. (Смеется) Упорная ты... Тут есть свои, как бы их назвать,.. объясняли, их уважают, но и они не всем все покажут, да и к ним не каждый подойдет. А потом, все может в любой момент измениться, все правила поменяются, этого никто не подскажет, как на воле. Точно говорю. Есть тут у меня человек, он меня встретил, поговорил, я знаю, куда соваться не следует, знаю где красные бараки — это как знаки СТОП, а остальное сам понимаю, об этом не расскажешь.

И. Почему?

Р. Потому, что нельзя говорить обо всем, сам потом пожалеешь, особенно на зоне (**предел ответа**)¹.

В данном отрывке респондент так же старается с самого начала разговора положить предел вопросам, прямо заявляя, что он является носителем некоего знания, получение которого связано с принадлежностью к определенной субкультуре, причем освоить это знание можно и вне стен тюрьмы. Более того, успешная адаптация в тюрьме возможна, когда индивид заранее «подготовлен» и «ознакомлен» с нормами тюремной субкультуры. Эта короткая реплика наводит на мысль о том, что тюремная субкультура давно преодолела границы и застенки реальных тюрем и колоний. Более того, ее установки являются частью повседневного с трудом вербализуемого опыта достаточно большой группы населения. Многим людям так же тяжело объяснить откуда они знают правила тюремной жизни, как другим объяснить происхождение их знания правил приличия.

Еще одной знаменательной фразой является заявление «*нельзя говорить обо всем, сам потом пожалеешь, особенно на зоне*». Она возвращает нас к проблеме дефицита доверия в тюремном сообществе.

¹ Интервью № 13. Андрей, 22 года, первая судимость.

Разговорившись, респонденты красочно описывали свои отношения в кентовке, в отряде, вспоминали о прошлом, но при этом в их репликах постоянно звучала нотка настороженности, какой-то опасности. В ситуации абсолютной подозрительности и недоверия склонность к разговорчивости может оказаться губительной, а молчание способно укрепить статусные позиции в тюремной иерархии. В течение первого получаса интервью могло сложиться впечатление, что респондент воспринимает интервьюера как человека, ведущего допрос, стремящегося получить информацию, способную навредить рассказчику. Казалось, что любой диалог респонденты воспринимают как следственные действия. Постепенно первое впечатление сглаживалось, однако, устойчивая неприязнь к вопросам, касающимся образа жизни в тюрьме, наблюдалась у подавляющего большинства респондентов.

Для сотрудников исправительных учреждений изначальное нежелание осужденных поддерживать разговор, напротив, было абсолютно естественным явлением, которому они могли дать вполне определенное объяснение. Вот какой совет мы получили от сотрудницы колонии перед проведением интервью: *«Люди здесь годами находятся в изоляции, это сильно на них влияет, они не все могут понять. Вы, поэтому, вопросы попроще, что ли, задавайте. А то они Вас не поймут»*¹. И еще одна реплика от сотрудника администрации: *«Много от них (осужденных) не ждите. Они совсем тут отстали от жизни»*². Поразительный когнитивный диссонанс! Осужденные уверены, что они являются носителями специфического знания, помогающего им приспособиваться к экстремальным условиям, в то время как администрация лишает их способности здраво рассуждать!

Нарушение временной последовательности

В нарративах осужденных прослеживается отсутствие четкой последовательности событий во времени. Просьба рассказать о своем обычном распорядке дня оказывается достаточно обременительной. Г. Сайкс, в своем исследовании тюремных сообществ, обратил внимание на кардинальную трансформацию представлений о времени в условиях лишения свободы. Рутинность режимных правил, их монотонное повторение изо дня в день приводит к размыванию границ индивидуального времени³. Прошлое на свободе, с его яркой сменой событий замещает представления о настоящем и будущем. Нарративы наших респондентов отрицают хронологическую последовательность повествования, что подтверждает вывод Сайкса о нарушении индивидуального времени в условиях изоляции. Кроме того, временная разорванность повествования заставляет исследователя более внимательно и скрупулезно относиться к самой структуре нарратива. Если отсутствует или слабо выражена хронологическая секвенция, то основное внимание исследователя должно быть направлено на то, в каком порядке сам респондент располагает событийные ряды. В расположении событий по аналогии или ассоциации в интервью с осужденными можно проследить личное отношение респондента,

¹ Интервью № 25.

² Интервью № 23.

³ Sykes G. The Society of Captives. A Study of a Maximum Security Prison. Princeton, 1958. P. 65.

которое в столь минимальном количестве представлено в повествовании.

Достаточно распространенным для рассказчиков является стремление начать повествование с какого-то яркого, запоминающегося момента, с того, что в большей степени затронуло их воображение, чувства, мысли. Это объясняется все той же рутинностью обыденной жизни на зоне, где даже незначительное нарушение повседневности воспринимается как экстраординарное событие, перекрывающее остальные практики и факты. Дальнейший рассказ уже строится по аналогии с этим самым ярким впечатлением, которое обуславливает появление различных персонажей, суждений и оценок. Так, разговор с одним из осужденных мужчин начался с его рассказа, как они в отряде инсценировали игру «Поле Чудес». Именно из рассказа о реакции администрации, осужденных других отрядов на это представление становится очевидным характер взаимодействия между различными группами в данной колонии. Другой нарратив о жизни в колонии был построен вокруг рассказа о трагическом случае: гибели осужденного на производстве. Рассказчик оказался одним из свидетелей трагедии и именно участие в расследовании инцидента определило его положение в колонии.

Еще одно повествование женщины осужденной, несмотря на конкретно заданный вопрос, тоже постепенно сводится к самому яркому впечатлению — пребыванию в карцере, которое разделило ее жизнь, ее восприятие себя и окружающих на до и после. Карцер стал своеобразной демаркационной линией, определяющей ее настоящее и, возможно, будущее. Поэтому рассказ постоянно возвращался к этому событию:

И. Р. Я другой стала, когда выпустили... точно другой... У меня как будто что-то оборвалось внутри...Я даже помню, когда. Нет, дня я не помню, только помню, что стоять совсем уже не могла, и глаза так слезились, что у меня платье спереди было мокрым. Вот тогда от боли, усталости, всего это и оборвалось... внутри. Мне ведь раньше и больнее было, муж бил, ну и я не отставала, но я, как сказать... не сдавалась. А тут все. Я поняла, что пропала. Я ведь раньше бы, чтобы вот так, вижу в первый раз и рассказываю обо всем этом... Да быть этого не могло. Я никогда бы не рассказала. А сейчас говорю. Знаешь, почему? ... Потому что изменилось во мне что-то¹.

Это, пожалуй, самый откровенный и эмоционально насыщенный отрывок разговора. Он одновременно содержит в себе несколько важных концептов. Во-первых, здесь четко выражена индивидуальность героини, хотя предыдущий текст рассказа был максимально абстрактным, пока разговор не коснулся пережитого наказания. Поражает даже та рефлексивная точность, с которой респондентка характеризует пережитое событие. Во-вторых, процесс самоопределения начинается с момента потери себя — «*Вот тогда от боли, усталости, всего это и оборвалось... внутри*» и далее — «*А тут все. Я поняла, что пропала*». Достаточно характерным для нарративов людей, прошедших тюремное заключение, является восприятие тюрьмы, зоны как точки отсчета для самоопределения. Если до изоляции человек был лишь частью какого-то событийного ряда, то, оказавшись в

¹ Интервью № 9. Марина, 30 лет, первая судимость.

тюрьме, он начинает переосмысливать все, с ним произошедшее. Необходимо заметить, что внутренняя убежденность наших респондентов, что они сделали важные для себя выводы, никоим образом не поддерживается сотрудниками колоний, считающими, что *«они совсем тут отстали от жизни»*. Здесь на когнитивном уровне, на уровне смыслополагания очевидно, насколько противоположны субкультуры двух групп, вынужденных сосуществовать в одном пространстве, — субкультура администрации и субкультура осужденных.

В-третьих, женщина в конце указанного фрагмента воспринимает себя в качестве обладательницы уникального опыта, получить который возможно, лишь пережив события ее жизни. Подобная установка четко выражена в другом отрывке из ее интервью: *«А я ей и говорю — ты еще ничего не знаешь здесь, ты бы, как я, хотя бы раз в карцер, тогда бы мне было о чем с тобой ...поговорить. Вот так»*¹. Полученный опыт, несомненно трагически отразившийся на ее эмоциональном состоянии, дает ей определенные статусные преимущества перед другими осужденными женщинами. И, самое интересное, что эти преимущества никем из ее окружения не оспариваются.

Анализируя нарративы, мы обнаружили важный компонент любого из полученных повествований. Несмотря на первоначальную замкнутость и настороженность, на очевидный дефицит доверия и к интервьюеру, и к присутствовавшим сотрудникам колонии, у рассказчика прослеживалось устойчивое убеждение, что он обладает особым знанием, какой-то специфической «жизненной философией», не понятной и не передаваемой окружающим. Словно существует два здравых смысла: один — для жизни на свободе, другой — в изоляции. Более того, в зависимости от положения респондента в тюремной иерархии, он мог демонстрировать некоторое снисходительное отношение к собеседнику: *«Вам ведь всего и не расскажешь. — Почему? Не доверяете? — ...Да не... Вы же просто не отсюда, не с зоны...»*². Причем, это замечание скорее относится к интервью с мужчинами, с женщинами-респондентками в ходе нескольких бесед устанавливались достаточно доверительные отношения.

Сотрудники колоний, напротив, стараются пресечь проявление «жизненной философии» осужденных. Более того в самих ритуалах обращения к осужденными представители администрации подчеркивают свое главенствующее положение, называя их между собой «парнишками», независимо от возраста и статуса осужденного.

Стратегии формирования маскулинной идентичности

В процессе проведения интервью мы обратили внимание на следующий факт — в нарративах осужденных, как мужчин, так и женщин, неизменно присутствуют объекты рассказа, которые окружены семантическими и когнитивными барьерами. Из полученных интервью следует, что респонденты крайне неохотно поддерживают разговор об отношениях в колониях, где содержатся осужденные противоположного пола:

¹ Интервью № 9.

² Интервью № 2. Валентин, 54 года, многократно осужден, опыт осуждения в 80-е и 90-е гг.

I. И. Что Вы знаете о порядке, царящем в женских зонах?

Р. Да ничего... Не слышал, как там... Вроде у них закон больше уважают...сейчас...по понятиям они живут...Я не знаю... Не слышал¹.

II. И. Вам что-то известно о том, как все устроено в мужских колониях?

Р. Там у них?... Не знаю...Они говорят, что нам лучше, легче сидится... Но я не знаю...Нам всегда сложнее, везде...Я думаю, наверное. У них все понятно. Там по-другому, но я не знаю².

III. И. Слышал что-нибудь о женских зонах?

Р. ...Ничего... нет, даже не знаю, что сказать³.

IV. И. Вы говорите, что Ваш отец и первый муж были осуждены. Они Вам что-нибудь рассказывали о своем пребывании на зоне?

Р. Рассказывали?... Да нет, кто об этом вспоминать захочет? Да и мне какая разница, как там. Это их дело. Меня это не касается. Я и знать не хотела⁴.

Подобные высказывания поддерживаются социальными установками, противопоставляющими мужское и женское, наделяющими эти два понятия принципиально различными кодами. И осужденные, и администрация разделяют подобное отношение, которое позволяет направленно контролировать процесс формирования и функционирования мужских и женских практик в колониях. Разобщение, нежелание обсуждать состояние дел внутри разных половых групп укрепляет эссенсуалистскую позицию в отношении гендера, в которой пол оказывается некой биологической тотальностью, определяющей собой все социальные аттитуды. С другой стороны, исключение из нарратива ссылок на противоположные гендерные практики свидетельствует, что гендерная идентичность в условиях лишения свободы имеет автономный характер и в своем конструировании и утверждении незначительно зависит от иных гендерных практик. Причем эта тенденция прослеживается как у мужчин, так и у женщин. Для того чтобы подтвердить данное предположение, необходимо проанализировать те отрывки из интервью, в которых информанты пытаются создать собственный гендерный образ. Попытки создания гендерной Я-концепции осужденными показательны в процессе выяснения специфики формирования гендерной идентичности в условиях лишения свободы. Для сравнения мы приведем фрагменты из двух интервью. Первый фрагмент принадлежит мужчине 38 лет, дважды судимому, на момент интервью разведен, перед осуждением состоял в гражданском браке, детей нет.

Фрагмент 1.

И. Что значит для Вас быть мужчиной?

Р. 1) Мужиком?... Главное — это за себя отвечать, за все свои поступки...

2) то, что мы сейчас здесь, а не где-то там, это тоже означает, что мы отвечаем...за себя, за других, ...иногда.

3) Еще важно, что ты знаешь где свои, а где чужие и своих не забываешь.

¹ Интервью № 7. Сергей, 35 лет, первая судимость.

² Интервью № 1. Татьяна, 21 год, первая судимость.

³ Интервью № 11. Павел, 35 лет, первая судимость, смотрящий.

⁴ Интервью № 14. Евгения, 34 года, вторая судимость.

- 4) Для мужика свой человек — дороже любой б..., дороже бабла,
5) потому что, если ты знаешь, кто свой, ты не пропадешь в мире, нигде, ни на воле, ни на зоне.
6) Некоторые здесь этого не понимают, им объясняют ... по-мужски... Как? Ну сначала предупредят, потом, если не понял, то и бьют.
7) Вот еще важно: мужик не боится драки, его и избить можно до смерти, но для него это выдержать то же, как проверка, как мужика.
8) А все остальное — это уже неважно.
9) Можно и с бабами, можно и так, не особо на них, это все уже второе.
10) Я вот смотрю на малолеток и удивляюсь, они как не мужики, чего-то друг перед другом, у кого накол круче или сколько баб было. А причем здесь все это. Ведь как их прижмет, так сразу в красную хату бегут друг на друга ... и все наколы забывают. Что у них от мужиков? Ничего. Вот¹.

Рассмотрим, как респондент формирует свою идентичность в этом фрагменте. С очевидностью он относит себя к гетеросексуалам, и одной из главных характеристик гетеросексуальности он считает не столько интимные отношения с другим полом (*это не важно*, с. 8), сколько умение контролировать свои сексуальные желания и телесные потребности (*мужик есть мужик, он не зависит от этого*, с. 11). Здесь респондент подтверждает позицию минимизации телесных практик, на что направлен и весь тюремный режим, стремящийся дисциплинировать тела осужденных через свод режимных правил и предписаний. Респондент конструирует «норму» мужественности через соотнесение с неким абстрактным понятием «свои» (с. 3). Из контекста интервью понятно, что к категории «свои» могут относиться участники одного криминального сообщества, представители одной тюремной касты. Именно четкое определение своих позволяет индивиду выжить в любых условиях и этот способ выживания определяется как «мужской». Все иные способы, опыты выжить, такие как обвинение друг друга, или доказательство первенства друг перед другом (*у кого накол круче или сколько баб было; как их прижмет, так сразу в красную хату бегут друг на друга...* с. 10) респондент отрицает, как не соответствующие мужскому типу поведения. А вот отрывок из другого интервью, где мужественность так же трактуется, как характеристика человека, принадлежащего к категории «свои». Здесь речь шла об отношении с администрацией: *«Они, отрядники, ведут себя не по-мужски, не по-человечески, — А что означает по-мужски? — Ну, не надо показывать, что ты администрация, а он зек. Можно же просто без различий. Лучше бы так всем было...»*².

На основании анализа данного отрывка можно сделать несколько предположений о формировании гендерной идентичности в условиях лишения свободы. Особенности криминальной среды, ее традиционность, даже патриархатность, насильственное гомосоциальное объединение индивидов предполагает некоторые особенности в восприятии пола осужденными. Респондент демонстрирует абсолютную уверенность в своем определении

¹ Интервью № 6. Владимир, 38 лет, вторая судимость, опыт осуждения в воспитательной колонии.

² Интервью № 8. Николай, 26 лет, вторая судимость, опыт осуждения в воспитательной колонии.

мужественности, последовательно доказывая, какие категории относятся к первостепенным, а какие нет. Мужественность — это умение нести ответственность за собственные поступки и соотнесение себя с конкретной социальной группой, что предусматривает отстаивание ее интересов и полное подчинение законам этой группы. Представители иных групп, даже гомосексуальных, если они наделены ответственностью и так же привержены своей группе, наделяются признаками мужественности. Женщины выводятся из нарратива почти полностью. Через отношения с женщинами конструировать свою идентичность могут только те, кто лишен признаков мужественности в принципе. Мужская идентичность не основывается на противопоставлении мужских и женских практик, она располагается за пределами подобных оппозиций. Мужской опыт приобретается вне женских сообществ и укрепляется через определенное избегание и изоляцию от женщин.

Мы полагаем, что подобная интерпретация мужественности является продуктом воздействия пенитенциарной системы, чьи режимные предписания направлены на десексуализацию индивида. Однако «полной» десексуализации пенитенциарная система достигнуть не сумела, вызвав лишь рост в условиях лишения свободы гомосексуальных отношений. В результате, произошло укрепление позиций традиционных маскулинных практик, связанных с традиционной сексуальной ориентацией. Мужественность в колониях приобретает гипер-автономность, гипер-иерархизированность, которые в условиях современного гендерного порядка, характеризующегося усилением позиций фемосоциальности, ростом квазиидентичностей, оказываются невостребованными.

Стратегии формирования феминной идентичности

Теперь обратимся к фрагменту 2. Респондентом является осужденная женщина, 41 год, несколько раз была замужем, двое детей, младший ребенок находится под опекой бабушки.

Фрагмент 2.

И. Как бы вы в нескольких словах охарактеризовали свою женскую судьбу?

Р. 1) Да такая же, как у большинства. Ничего особенного.

2) Много чего терпела, терпела, пока не сломалась.

3) Не то, чтобы я слишком много хотела, нет, как и все женщины — спокойствия, достатка.

4) Но разве с ними (мужчинами) может быть спокойно, а уж как деньги пропивать да прогуливать они вообще первые, всегда.

5) Мне все тут говорят — ты молодец, боевая. А я такой стала по необходимости, вот и весь сказ.

6) Я даже больше хочу не того, чтобы зоны в моей жизни не было, а чтобы злости во мне не было столько. Я иногда сама себя боюсь, свой злобы. И такой я стала не здесь, а на воле. Здесь у меня нет желания злобу сдерживать. И у остальных нет. Мы тут часто слышим — злые вы, бабы — а нам просто нет сил все это в себе держать, вот и взрываешься...

7) Что озлобило? Да сама не знаю... Как-то всегда получалось не так, как хотелось, как думала.

8) Смотришь на него, думаешь, ну все будет путем, а он смотрит, как бы тебя обобрать да с животом оставить. И окружающие еще пальцем показывают. У меня так было, когда Алешку ждала. Он с отцом водился, его сам отец в дом привел. Думала, все будет, как надо. А когда я беременной была, он пропал, появился через полгода, мы вроде и поженились, но чего я за эти полгода натерпелась. Все, как сговорились, как будто никто до меня с животом не ходил, только и шушукались и пальцем тыкали. Сейчас проще, нагуляла и никого не волнует. А меня все доставали. Я и ребенка не хотела забирать, отец забрал — первый муж сказал ему, что от ребенка не откажется. Так что никому я особенно не была нужна.

9) Здесь мы вроде и понимаем друг друга, но из-за того, что дерганые все, переломанные этими правилами, да распорядками, вот мы и орем друг на друга. Но после этого становится легче¹.

В этом фрагменте перед нами раскрывается совсем иная стратегия конструирования идентичности. Респондент располагает свой образ на когнитивном перекрестке, с одной стороны, она — *как большинство* (с. 4), с другой — она всегда сама по себе и противостоит как миру мужчин, которой носит явно агрессивный и враждебный характер — *как бы тебя обобрать да с животом оставить* — (с. 8), так и миру женщин. Изначальная изолированность порождает чувство абсолютного одиночества — *так что никому я особенно не была нужна*, — которое не является частью осознанно выбранной стратегии, а скорее, есть результат несамостоятельности респондентки, отсутствия у нее чувства самодостаточности. Она, несмотря на наличие детей, многократные замужества, высокий социальный статус в колонии, не приобрела опыта автономного конструирования своей идентичности. Она не противостоит тем интерпретациям своей идентичности, которые получает от окружающих, принимая их априори как подлинные, и не пытается утвердить собственную позицию, объясняя все перипетии жизни столкновением интересов мужчин — отца, мужей, следователей и т.д.

В своем рассказе респондентка позиционирует себя как активного агента социального пространства, однако, эта активность транслируется в качестве навязанной обстоятельствами и не свойственной, по мнению респондентки, ей изначально черты. Те качества, которые ей приписывают окружающие, позиционируемые в качестве положительных — *ты, молодец, боевая*, — рассматриваются женщиной как нежелательные, искажающие ее «женскую сущность». В своем повествовании информант совершает циклические движения от того, какие качества женственности в ней заложены, к тому, какие качества «неженские» ей приходится проявлять. Ее активная позиция — это результат сбоя «естественного хода вещей», который ведет к внутреннему конфликту (*всегда получалось не так, как хотелось, как думала*), нарушению коммуникации со средой, проблематизации собственной идентичности. В результате мы можем предположить, что воспроизводство женских практик в условиях лишения свободы основывается на утверждении несамостоятельности, несамодостаточности женщины как социального субъекта. Подобная стратегия не позволяет осужденной женщине провести независимый

¹ Интервью № 16. Светлана, 41 год, первая судимость.

анализ событий собственной жизни, внушает ей ощущение ущербности и изолированности.

Принципиально важными и интересными, с нашей точки зрения, являются слова респондентки, посвященные злости и распространенности этой черты среди осужденных женщин. Злость — это то, что объединяет осужденных женщин и отличает их от остальных (с. 6). Если маскулинность в первом фрагменте представляется некой символической силой именно благодаря наличию абстрактных объединяющих коррелятов (респондент-мужчина не объясняет, что именно позволяет проводить разграничение на своих и чужих), то феминность в качестве «объединяющего» звена выдвигает конкретное состояние, вызываемое изначально отторженностью и разобщенностью женщин. Эта солидарность женщин в местах лишения свободы воспринимается в качестве угрозы, поэтому респондентка и воспроизводит расхожую фразу в адрес женщин-осужденных: *мы тут часто слышим — злые вы, бабы*. Показательно, что в интервью с сотрудниками колоний мы столкнулись с мнением, которое точно повторяет вышеприведенную фразу: *«С женщинами сложнее, никогда не знаешь, что они сделают в следующий момент. Злости в них больше, ненависти»*¹.

На основании этого совпадения мы можем сделать некоторые предположения о существующей стратегии репрезентации женских практик в условиях лишения свободы, которую воспроизводят и женщины, и внешние наблюдатели — персонал колоний. Эту стратегию условно можно назвать *денатурализацией* женских ролей. Состояние каждой отдельной женщины и всего женского коллектива в колонии описывается в терминах неестественности, несвойственности, недоразумения. Женщина в колонии — это некий нонсенс, который вреден самому исправительному учреждению, он нарушает внутреннюю структуру пенитенциария, искажая систему контроля, лишая наказание его сути.

Резюмируя анализ гендерных практик тюремной субкультуры, мы констатируем, что в тюремном сообществе под воздействием механизмов контроля и наказания, направленных на десексуализацию индивида, формируется две стратегии конструирования гендерной идентичности. Первая, характерная для мужских пенитенциариев, стремится к максимальной сексуальной автономности, что ведет к формированию строго иерархического сообщества, другая, принятая в женских исправительных учреждениях, исходит из постулата неадекватности женских практик, неспособности их сформировать собственную культурную среду и неприспособленности эффективно функционировать в закрытом социальном пространстве колонии. Из вышесказанного мы делаем вывод, что смысловое содержание гендерных стратегий, характер их протекания в различных социальных структурах зависит не от моделей маскулинности и феминности, легализованных в данном обществе, а от взаимоотношения определенного социального действия в конкретном социальном пространстве.

¹ Интервью № 22. Сотрудник отдела по воспитательной работе ФСИН.

ДИЗАЙН, ВЕРСТКА
К. П. ЛАЗЕБНАЯ

